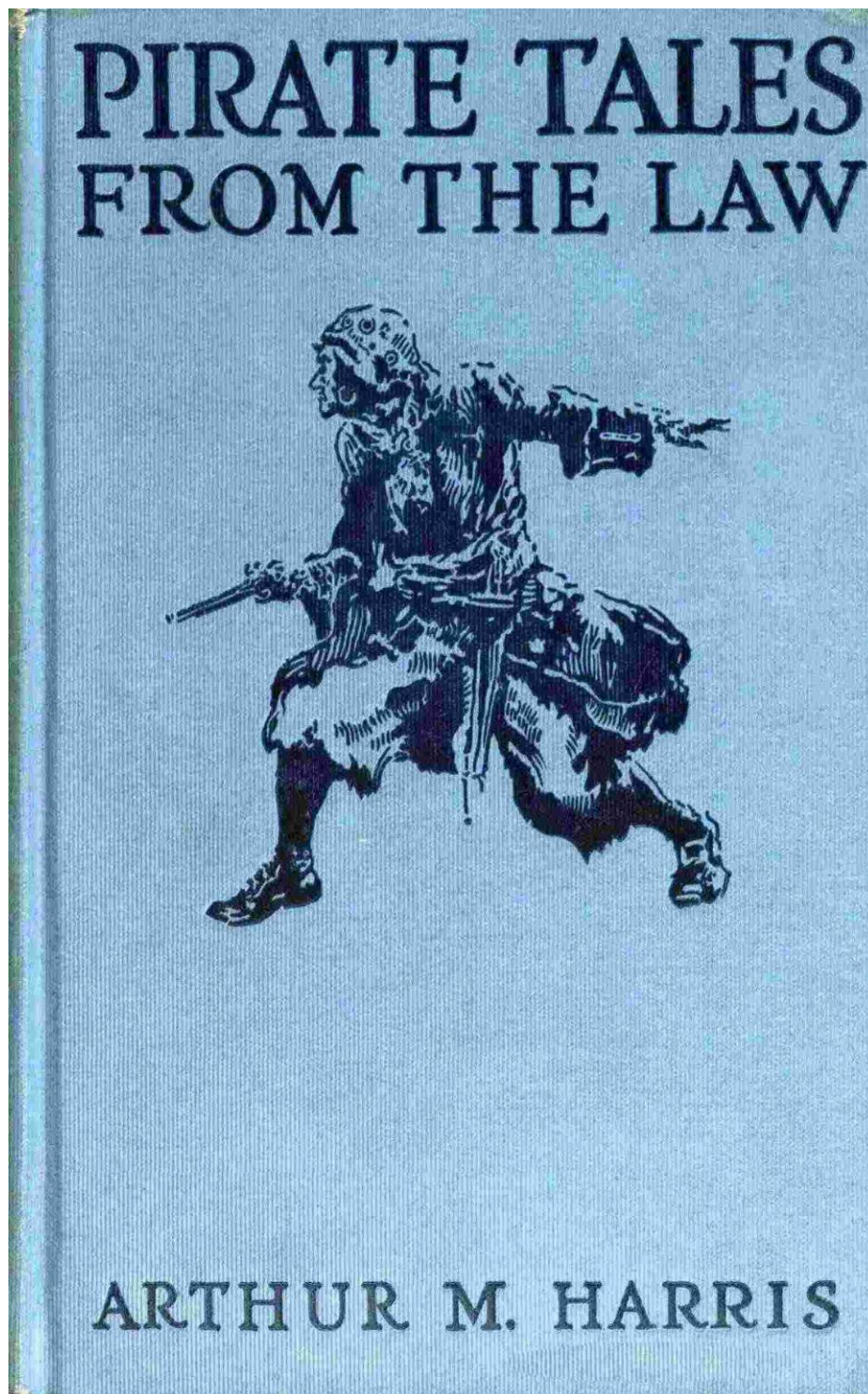

Пиратские истории от блюстителей закона

Артур М. Харрис

The Project Gutenberg eBook of Pirate tales from the law.

Эта электронная книга предназначена для бесплатного и почти без ограничений использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей света. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Пиратские сказки от блюстителей закона

Автор: Артур М. Харрис

Иллюстратор: Джордж Ависон

Дата выхода: 31 января 2025 года [eBook #75256]

Язык: Английский

Оригинальное издание: Boston: Little, Brown, and Company, 1922

Кредиты: Стив Маттерн и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Эта книга была создана на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Books).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK PIRATE TALES FROM THE LAW ***

Мистера Датчмена выгребли на берег и оставили с ружьем, порохом и дробью.
ФРОНТИСПИКЕ. [См. стр. 97.](#)

ПИРАТСКИЕ ИСТОРИИ ИЗ ЗАКОНА

АВТОР: АРТУР М. ХАРРИС

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ДЖОРДЖА ЭВИСОНА

БОСТОН
ЛИТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ
1923

*Авторское право, 1922, 1923,
Артур М. Харрис.*

Все права защищены

Опубликовано в августе 1923 года

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

КОРАБЛЬ НА ПОДХОДЕ!

Подойди, корабль!

Вот книга о пиратах, мрачных стариках восемнадцатого века, которые перепрыгивали через фальшборты честных торговцев, размахивая тесаками, пистолетами и прочей дьявольщиной.

Не все, корабельный помощник. Не Льюис, Рэкхем, Дэвис, Лоу и прочие, а те, кого поймали или поймали подчиненные им негодяи, свирепые посланцы Его Светлейшего Величества Короля, или схватили в бою - страшном бою - дуболомы, стоящие у власти, и предали суду и повесили в старом Казненном доке, что у реки Темзы, которая грязно бурлит от Лондонского моста.

Вот в чем суть этой книги, приятель. Это история Старой Игры, Большого Счета, как называли свое нечестивое ремесло эти негодяи, очищенная от легенд, избавленная от преувеличений и представленная вам в том виде, в каком она была представлена в судах под присягой свидетелями, адвокатами, направляющими судьями и присяжными, выносившими свои смертные вердикты. История, другими словами; настоящая история, но пересказанная - ну, как вы сами увидите.

Удачи тебе, дружище!

Артур М. Харрис.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА		СТРАНИЦА
I	Деньги в соленой воде <i>Капитан Кидд</i>	1
II	Черный флаг из Бостона <i>Джон Квелч</i>	79
III	Морской ужас <i>"Черная борода"</i>	111
IV	Обратная оплата <i>Генри Эйвери</i>	159
V	Стон с виселицы <i>Том Грин</i>	213
VI	"Кто стреляет первым?" <i>Джон Гоу</i>	275

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Мистера Голландца вытащили на берег и оставили с ружьем, порохом и дробью	Фронтиспис
Она поднималась к медному индийскому небу в огромных клубах дыма	СТРАНИЦА 38
Он сражался с лейтенантом с энергией атлета, только что вышедшего на поле боя.	156
"Ты, белобрысый трус!" - прорычал Уильямс, - "Беги от лягушкояда!"	303

ГЛАВА ОДНА

ДЕНЬГИ В СОЛЕНОЙ ВОДЕ

Капитан Кидд

I

Осенью 1695 года капитан Уильям Кидд из Нью-Йорка прибыл в Лондон. Он приехал как хозяин торгового шлюпа, а уехал весной следующего года офицером его светлейшего величества, короля Вильгельма III, на квартердеке того, что на самом деле было военным кораблем.

Однако это был не первый раз, когда капитан Кидд находился на государственной службе. Сын шотландского священника, он впервые стал замечен в провинции Нью-Йорк, где за некоторое время до 1695 года благодарный совет Нью-Йорка выделил ему вознаграждение в сто пятьдесят фунтов за ценные усилия по подавлению местных беспорядков, последовавших за революцией 1688 года. Мало того, во время бесконечного спора Англии с Францией он сцепился с французами у берегов Вест-Индии, приобретя тем самым репутацию "могучего человека" против них.

На самом деле капитан Кидд, когда он вышел в доки старого Лондона, был солидным колонистом, домохозяином и налогоплательщиком города Нью-Йорка, где, надо полагать, его жена и дочь двигались в этих восхитительных геометрических фигурах, лучших кругах.

Королевское поручение 1696 года, однако, было новым для капитана.

Важно обратить внимание на точную формулировку этой комиссии:

"Вильгельм III. Божьей милостью, король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитник веры и т. д. Нашему верному и любимому капитану Уильяму Кидду, командиру корабля "Адвенчер-Галли", или любому другому командиру на данный момент. В то время как мы извещены, что капитан Томас Ту, Джон Айрленд, капитан Томас Уэйк и капитан Уильям Мэйз, или Мейс, и другие наши подданные, уроженцы или жители Новой Англии, Нью-Йорка и других мест на наших плантациях в Америке, связали себя с различными другими злыми и недоброжелательными людьми и совершают, вопреки закону народов, ежедневно совершают многочисленные и великие пиратства, грабежи и разбои в Америке и в других частях, к серьезной помехе и препятствию торговле и мореплаванию, а также к опасности и ущербу для наших любящих подданных, наших союзников и всех других, плавающих по

морям по их законным поводам; Знайте же, что мы, желая предотвратить вышеупомянутые беды и, насколько это в наших силах, предать суду упомянутых пиратов, вольных стрелков и морских разбойников, сочли нужным и настоящим предоставляем вам упомянутого Уильяма Кидда (которому наши уполномоченные по исполнению должности нашего лорда Верховного адмирала Англии, и командиру упомянутого корабля на время, а также офицерам-морякам и другим лицам, которые будут находиться под вашим командованием, полную власть и полномочия задержать, арестовать и взять под стражу как указанных Томаса Ту, Джона Айрленда, капитана Томаса Уэйка и капитана Уильяма Мейза или Мейса, так и всех пиратов, вольных стрелков и морских разбойников, как наших собственных подданных, так и любых других народов, связанных с ними, которых вы встретите на побережье или в морях Америки, или в любых других морях или портах, с их кораблями и судами, а также с такими товарами, деньгами, товарами и изделиями, которые будут найдены на борту или при них, если они добровольно сдадутся; Если же они не покорятся без боя, то вы должны силой принудить их к сдаче. И мы также требуем, чтобы вы привели или заставили привести таких пиратов, вольных стрелков и морских разбойников, которых вы захватите, к законному суду, чтобы в подобных случаях они могли быть преследованы по закону. И мы настоящим поручаем и приказываем всем нашим офицерам, министрам и другим нашим любящим подданным, кто бы ни был, оказывать вам помощь и содействие в этом деле. И мы настоящим предписываем вам вести точный журнал ваших действий по выполнению этих условий и записывать в него имена пиратов, их офицеров и компании, а также названия кораблей и судов, которые вы захватите в силу настоящих условий, и количество оружия, боеприпасов, провизии и груза на этих судах, а также истинную стоимость того же самого, насколько вы можете судить. В подтверждение чего мы приложили к настоящим документам большую печать Англии. Дано при нашем дворе в Кенсингтоне 26-го дня января 1695 года и в 7-й год нашего царствования".

Из всего этого следует, что командор Кидд на своем личном военном корабле должен поймать Тома Ту и остальных, где бы он их ни нашел, предать их суду и составить тщательный отчет об их кораблях и грузах. Мнимая цель - защита американских колоний, на самом деле - истребление пиратства, где бы оно ни обнаружилось.

Англоговорящие люди были такой же частью моря, как и белый шлейф волн. Как и их стихия, они тоже приносили пользу и вред. Побочным продуктом морских усилий Англии стал морской разбойник - существо, зачастую столь же искусное, бесстрашное и предприимчивое, как и его брат, который то и дело проносился по океанским дорогам в более законных случаях.

Пиратство XVII и XVIII веков дало миру то злодейское, но живописное скопление морских преступников, которое так привлекает людей, никогда не стареющих, чтобы наслаждаться викарными приключениями: Ту, Айрленд, Уэйк, Лоу, Дэвис, Льюис, Англия, Черная Борода, Эвери, Гоу, Квелч и другие дерзкие квотер-деки, обычно чужие квотер-деки, включая, в частности, предмет наших наблюдений.

Эти джентльмены промышляли в трех основных регионах: Африке, Ост- и Вест-Индии, а также иногда в Бразилии. Под черным флагом мы в скором времени увидим кое-что из этих мест; сейчас же мы занимаемся Ост-Индией. Приходя и уходя, а иногда и задерживаясь, они беспокоили "плантации" на всем пути от Чарльстона до Бостона, так что пиратство было всеобъемлющим и широко охватывающим.

Индия богато орошала свои поля и ткацкие станки, плантации и коттеджи, и с жадностью втягивала в себя из Аравии, Европы, Африки, отовсюду, где природа или экономические

обстоятельства отказывали ей в этом. Перевозчиками этого могучего потока материалов обычно были довольно незначительные суденышки, называемые граблями, пинками, галиотами, шлюпами и прочими; они состояли из одной мачты, пары мужчин, мальчика и около шестнадцати унций груза. Это были каботажные суда; более крупные суда курсировали в Аденский залив и Красное море под фрахтом мавров, армян и других сметливых купцов.

Однако на пути у этих мелких торговцев стояли внушительные корабли расширяющихся европейских торговых компаний - голландской, шведской, австрийской и так далее - и прежде всего английской Ост-Индской компании, которой суждено было стать настолько великой, чтобы в конце концов поглотить саму Индию, - Old John Company.

Английская компания - возьмем ее в качестве примера - обнесла индийское побережье своими фортами или заводами, строила собственные суда, знаменитые "Индиамены", в своих доках в Дептфорде; сражалась с конкурентами, воевала с туземцами, вела вечную войну под знаменем торговли. Защищенная до полной монополии королевскими и парламентскими хартиями, она стала практически государством, имеющим право чеканить деньги, содержать крепости и армии, заключать договоры, объявлять войну и заключать мир, а также отправлять свои корабли под королевским флагом, под командованием капитанов, каждый из которых был уполномоченным королем офицером.

Хотя в торговле Ост-Индии участвовали корабли под разными флагами, если вы оказывались на борту крупного мавританского, арабского или армянского судна, то часто слышали, как им руководит девонец, лондонец или йоркширец с заунывным языком. И если со смотровой площадки раздавался крик "Пират!", можно было быть уверенным, что этой стремительно надвигающейся угрозой управлял человек, который обращался по-английски к команде, не нуждавшейся в переводчике.

Этот разнообразный прибрежный и трансокеанский морской транспорт был почти лишен полицейской защиты. В своем поселении на пути в Каликут португальцы имели несколько неумелых баек, которые они называли флотом. В самой Индии некогда энергичное правление моголов рушилось, и анархия выходила из-под крышки. Но даже когда правительство сдалось, торговля упорно продолжала бороться, несмотря на то что ее плаванья начинались со страха, а заканчивались удачей, и ее корабли слишком часто становились жирными, непастушьими овцами для тощих и незаконных стригалей.

И стригали - Том Ту и другие - приходили; приходили целыми полчищами; приходили отовсюду и отовсюду, главным образом из-за Атлантики, из Нью-Йорка, Новой Англии и их исторического гнезда - Вест-Индии.

Местность, как и вода, была против купца и за разбойника. Оказавшись поблизости, разбойничье судно могло пробраться вверх по реке и ждать удобного случая, удобно устроившись с дровами и водой. Мадагаскар был отчаянием английского Адмиралтейства и горьким плачем больших и малых купцов. Это была главная остановка для пиратов на пути в Индию и обратно; это была земля без закона, управляемая враждующими туземными вождями, и с Коморскими островами поблизости она была одной из лучших стратегических баз для пиратских операций, которые только можно себе представить. Здесь пираты кишмя кишели, перегоняли свои корабли, засаливали провизию, основывали постоянные колонии и переходили с одного корабля на другой, покидая или записываясь на службу, как это принято в легальных портах. Это была Вест-Индия в Индийском океане.

Нанести пиратству удар на Мадагаскаре и в Индии означало ослабить его удар как по американским колониям, так и по испанскому побережью. Кидд знал, что должен прибегнуть к помощи Индии, чтобы выполнить условия своего поручения.

Ричард Кут, ирландский граф Белламонт и джентльмен, которого историк Маколей характеризует очень хорошо, был в то время губернатором провинции Нью-Йорк. По некоторым сведениям, он находился в Лондоне, когда Кидд прибыл туда осенью 1695 года, и был представлен моряку полковником Ливингстоном, одним из видных граждан Нью-Йорка, находившимся тогда в Англии. Маколей, однако, утверждает, что Белламонт уже был в Америке, когда острота проблемы пиратства побудила его к действию, и что там он был рекомендован Уильяму Кидду как человек, компетентный на море и хорошо знакомый с пиратской практикой. Обращения Белламонта к правительству страны с просьбой принять меры оказались безрезультатными, и они с Киддом придумали снарядить частный военный корабль, которым бы командовал Кидд, и отправить его на встречу с ситуацией в любом оплоте пиратов. Это предприятие, несомненно, будет не только выгодным, но и патриотичным.

Белламонт продвигал эту идею в красноречивых письмах в Англию и был настолько убедителен, что такие государственные деятели, как Шрусбери и Ромни, Орфорд, первый лорд Адмиралтейства, и Джон Сомерс между ними подписали несколько тысяч фунтов и получили комиссию за Большой печатью, которая, как мы видели, сделала Кидда фактически шерифом далеких восточных морей.

На эти средства была куплена галера - правда, не та, что раньше передвигалась на веслах, а парусное судно под названием "*Приключение*". Ее размер составлял двести семьдесят тонн. Из этого можно понять, каким внушительным судном она должна была быть, особенно если представить ее рядом с современным трансатлантическим лайнером, для которого она, возможно, была бы достаточно большой для спасательной шлюпки. В те времена последней мыслью моряка, похоже, был размер его корабля. Возможно, он боялся, что большой корабль разломится на две части. Во всяком случае, он с самым серьезным видом бросился на самые высокие волны в мире с тем, что мы считаем просто преувеличенными гребными шлюпками.

Кидд ошметинился на "*Приключении*" тридцатью пушками. В те времена, надо полагать, понимали, что такое экономия места. Кидд, должно быть, был прирожденным упаковщиком. Он взял на борт не только тридцать пушек, не только провизию на несколько месяцев, но и стрелковое оружие и боеприпасы, а когда он вышел из Нью-Йорка в первый рейс круиза, он уложил на койки и взял на бордаж около ста шестидесяти человек! Каким бы он ни был, капитан был человеком, знающим свое дело, как портной знает свою иголку.

Чтобы он мог стать камнем за двух зайцев, Кидду было поручено еще одно задание - захватывать и осуждать французские корабли, как это предусмотрено законом, ведь Франция и Англия, как обычно, находились в состоянии войны. Предполагалось, что все свободные часы, которые можно было потратить на поимку пиратов, можно будет с пользой использовать для поимки французов. Британское Адмиралтейство всегда умело пристроить людей к работе.

Конечно, если он поймает француза, то не будет иметь права на его товары, изделия и товары пленника. Вражеские корабли должны были приводиться в ближайший британский порт и осуждаться соответствующими властями. У него был чистый чек, подписанный только в банках морских разбойников.

Устроив все это, надежный и любимый Уильям Кидд, дважды получивший заказ, боролся с активными бандами прессы за восемьдесят хороших и верных моряков в тавернах Уоппинга и сырых переулках Блэуолла.

II

Ранняя улыбка весны перерастала в веселый смех среди кустов и живых изгородей старой Англии, когда *"Адвенчер"* вышел из Плимута в Ост-Индию, направляясь в Нью-Йорк. Мимо рыбацких лодок, судов с западного побережья и стоящего на якоре военного корабля она проскользнула, выполняя одно из самых необычных поручений, которые когда-либо выполняло судно, выходящее из этого древнего порта. Вероятно, это было прекрасное утро для начала плавания, с блеском на воде и морским воздухом, который, должно быть, посылал песнопения из крепких глоток и заставлял напрягаться сильные мышцы, которые усердно работали с канатом и брашпилем.

Выход в море в прекрасное утро - одно из особых удовольствий здоровых людей. В такое время не думают о том, что никогда не вернутся - это может быть судьбой другого человека, а не нашей... Однако из восьмидесяти человек, подчинявшихся в то утро Кидду как капитану, многие в последний раз ступили на родную землю.

Как новая метла из пословицы, *"Приключение"* переправилось через Атлантику в западную колонию по-моряцки за вполне приемлемое время - месяц. На самом деле это был не совсем обычный корабль. Еще задолго до того, как были освоены индийские моря, команда прозвала его "протекающим и сумасшедшим" и тому подобное. Оказалось, что она обладала качествами хорошей губки, впитывая почти по всем швам и требуя постоянного выжимания насухо с помощью насосов.

Так что добраться до Нью-Йорка без происшествий было делом нелегким. У отметили они приютили маленького французского рыбака, которому не повезло оказаться на их пути. Ее отправили в Нью-Йорк для осуждения. Похоже, это был первый и последний раз, когда Кидд работал на законных основаниях в соответствии со своими двумя комиссиями. Конечно, это была пустяковая сделка, но она придала прибытию Кидда в Нью-Йорк атмосферу официальности.

Кидд намеревался набрать в Нью-Йорке еще восемьдесят человек; очевидно, он ценил колониальных моряков не меньше, чем тех, кто жил в родной стране. Для этого он распорядился напечатать и развесить по городу в разных местах сплетен заманчивые листовки, приглашающие искателей приключений. Суть призыва сводилась к тому, что у пиратов Ост-Индии можно отнять много добычи, а для крепкого мужчины в этом деле найдется немало развлечений.

Принятые люди будут работать на условиях справедливой доли, после вычета двадцати пяти процентов от прибыли корабля. Он без труда набрал команду. На самом деле отклик был настолько горячим, что в колонии опасались, что ее людские ресурсы истощатся. Сильное оружие было необходимо против французов, индейцев и других опасностей, которые могли бы подстергать изолированное сообщество вдали от защиты материнской страны в такие времена, как те.

Современники не брезгают отзываться об одном из элементов команды Кидда. Что ж, капитан не задавал изворотливых вопросов, и для многих товарищей, оказавшихся в затруднительном положении, это был удачный способ спастись. Многие другие, несомненно, были порядочными, респектабельными людьми, заинтригованными перспективой ярких воображаемых выгод. Чем меньше определенный урожай от спекуляции, тем более жадно люди за ней гонятся. В итоге Кидд собрал около ста шестидесяти человек на палубе для несения вахты, когда *"Приключение"* вышло в море.

Этот экипаж был не просто хозяином и людьми - они были сопартнерами. Сорок долей должно было достаться кораблю, а остальное - кускам среднего веса по согласованной всеми шкале. Компания "Белламонт и компания" поставляла оружие и снаряжение за отдельную плату.

Поздние зимние льды все еще сковывали реку Гудзон, когда *"Адвенчер"* наконец повернул нос в сторону Индий, Мадагаскара и Фортуны. Кидд, в соответствии с морскими традициями, занял себе каюту, а остальные разместились на носу и в трюме, насколько это возможно для ста шестидесяти человек на небольшом судне. При всем том, что они могли сделать, условия жизни должны были стать очень серьезными и в какой-то мере способствовали тяжелой болезни, которая обрушилась на них, когда были достигнуты жаркие регионы Востока.

У Мадейры плавание ненадолго прервалось, а затем они снова отправились в Индию. Лето было жарким и на суше, и на море, когда компания, наконец, "набрала воды и наелась" на Мадагаскаре. И вот уже несколько месяцев Кидд крейсировал вверх и вниз по побережью, не совершая никаких действий по своим поручениям, - крейсировал, то есть с жуткой чумой на борту, которая ежедневно выбрасывала по четыре-пять человек за фальшборт и в маслянистую, терпкую глубину. Если предположить, что на *"Адвенчуре"* соблюдались санитарные нормы, становится удивительно, что хоть кто-то избежал беды.

О чем мог думать капитан, бесцельно слоняясь по индийскому побережью? Он не вел дел ни с пиратами, ни с торговцами, а просто ходил туда-сюда, куда ветер дул. Возможно, онзнакомился с характером торговли в этих краях; возможно, это был период споров о том, стоит ли ему оставаться служителем закона или же отправиться в новый путь нарушителя закона. Трудно представить, что Кидд прибыл на Мадагаскар со сформировавшейся пиратской целью; возможно, правы те, кто говорит, что, тщательно оценив ситуацию в целом, он выбрал грабительскую линию. Однако как бы то ни было, первая крупная операция Кидда в этих краях была направлена не против пиратов, как утверждает его комиссия, и не против французов, а против торговых судов, занимавшихся мирным промыслом.

На этом этапе давайте познакомимся с местностью, или морем, как получится. Выйдя из Нью-Йорка, капитан направился через Атлантику к островам Мадейра, откуда правым курсом спустился к мысу Доброй Надежды. Обогнув этот широкий пьедестал Столовой горы, он направился к побережью Африки, вероятно, через Мозамбикский канал на Мадагаскар. Здесь он остановился, чтобы пополнить свои запасы, а затем двинулся в сторону Индии.

Мадагаскар для целей Кидда можно представить как вершину равнобедренного треугольника, одним углом которого является Красное море, а другим - Бомбей. В этих границах капитану предстояло ориентироваться в Красном море, Аденском заливе и Индийском океане, а также время от времени возвращаться на Мадагаскар.

Морское движение, каким оно было, вокруг мыса не было привлекательным для пиратов, по крайней мере, по сравнению с тем, которое проходило быстрее из Индии через Индийский океан в Красное море и страны Персидского залива. По сравнению с Африкой Индия,

конечно, обладала древней и богатой цивилизацией, и именно за товарами из этой страны разевали рты пираты; за дорогими шелками, бельем, пряностями, золотыми и серебряными сокровищами, ставшими традицией в рассказах моряков на пристани.

Однако, как оказалось, капитана Кидда впервые прельстил не груз, идущий из Индии, а грузы, идущие из района Персидского залива, в особенности жирные грузы того, что было известно как флот Мокка.

"Мужики, - сказал Кидд, резко задрал нос *"Адвенчера"* в конце дней, проведенных в Индийском океане, - мы идем к Бабс-Ки и флоту Мокка. Мы набьем наш добрый корабль золотом и серебром из флота Мокка".

Так Кидд отнесся к своему поручению, как к клочку бумаги, вполне современному, и таким образом к бедам честной торговли добавился еще один ужас.

III

Итак, в порту Бабс-Ки набивалась мокканская флотилия, когда лиса плавно подкрадывалась к ней со стороны Индийского океана. Около четырнадцати судов составляли флот, отправлявшийся массово для безопасности и зафрахтованный обычной полиглотской толпой голландцев, аравийцев, мавров, армян и так далее.

В то время как грузчики, потев и напрягаясь, таскали на борт тюки и свертки, по докам разгуливали странного вида незнакомцы, внимательно изучая груз на судах. Это были люди Кидда, шпионы, которых он послал на берег, чтобы предупредить о прибытии флота. Они с интересом наблюдали за караванами, прибывающими из внутренних районов страны и загружающими свой груз в различные трюмы. Повсюду лежали богатые товары, которые их отважный командир должен был без благодарности присвоить и раздать среди своих смолистых пальм.

Мало того, если бы вы зашли на невысокие круглые холмы, подпирающие город, то увидели бы там затаившихся людей, зорко следящих за работой флота. Это были люди с *"Приключений"*, которых капитан расставил по всему периметру в качестве своеобразного двойного дозора. Кидд, как вы заметили, был человеком метода; не было никакой его вины в том, что *"Белламонт и компания"* не приносит дивидендов.

Потревожило ли присутствие шпионов капитанов флота Мокка, можно только предполагать, но когда он все-таки вышел в море, то оказался под голландским и английским конвоем. И, несмотря на все старания Кидда, он ушел незамеченным.

Только когда над вздымающейся глубиной наступило утро, после двух или трех недель ожидания, дозорный крикнул капитану из своей каюты, что флот проходит мимо. И правда! Там, за горизонтом, высокие крылья кораблей Мокка неловко покачивались, уходя в безопасное место.

Приказы тут же посыпались на палубу, как крупные капли во время грозы. Якорная цепь резко загрохотала о нос, а саваны сразу же стали черными от мчащихся людей. Несколько минут, и *"Адвенчер"* начал медленно набирать воду; парус за парусом отрывались от борта, и быстро, пригнувшись, он бросился на пятки своей жертве.

Четырнадцать кораблей, конвоируемых вооруженной голландской и английской охраной, показались бы крупной костью для такого маленького терьера, как пиратский корабль. Что-то должно овладеть разумом англоязычных моряков, когда им предстоит сражение, ведь большие шансы скорее бросают вызов, чем отпугивают их. Их морские деяния сверкают именно такими подвигами - абсурдными, но в некотором роде героическими, и если бы Кидд имел цвет закона над своей работой, история флота Мокка эхом отдавалась бы в поколениях английских школьников.

Кидд, безусловно, вырос на дереве, на котором росли Гренвилл, Дрейк, Фробишер, Хокинс и другие, хотя, возможно, было бы целесообразно его обрезать. Вполне в традиционном духе Кидд бросил свой маленький кораблик в огромный флот Мокка так же непринужденно, как мальчик бросил бы камень в стаю воробьев.

Можно было бы подстегнуть воображение, рассказав о том, как это необычное усилие принесло большую выгоду, как *"Приключение"* раскидало купцов направо и налево и вырвало из их среды самых толстых и богатых, чем капитан искупил свое тропическое обещание набить корабль золотом и серебром. Но этого не произошло. Трудности были слишком велики. После короткой перестрелки с обеих сторон пираты были вынуждены отступить и оставить флот, испуганный, трепещущий, но безопасный, на пути в Индию.

Это был смелый, но просчитанный старт. Вместо того, чтобы идти в глубину, *"Приключение"* с большим успехом несло по волнам. Веселье на борту должно было угаснуть. Что, спрашивали они друг друга, если всю торговлю этой страны объединить во флоты; что станет с бедными пиратами? Они занялись торговлей, потратив на это огромные деньги и силы, проделали весь путь из Нью-Йорка, а против них собралось огромное количество купцов - несомненно, монополия, ограничивающая торговлю. Если так пойдет и дальше, им ничего не останется, как выполнить условия капитанской комиссии и довольствоваться тем, что они отбирают добычу у джентльменов свободного предпринимательства, которые были на этой земле в более счастливые и благополучные дни.

Ворчание, несомненно, началось именно сейчас, если не раньше, и продолжалось до тех пор, пока не закончилось печальным несчастьем, постигшим канонира Мура, о плачевном происшествии с которым вскоре будет рассказано.

Теперь Кидд принялся облавливать залив в поисках всего, что можно было поймать. Они притащили маленькое мавританское судно, которое было всего лишь плохой сардиной для сбежавшего кита. Она была слишком мала, чтобы сопротивляться, и Кидд просто завалил ее. С него они взяли несколько тюков кофе, немного опиума и двадцать кусков аравийского золота.

Они также поймали "лингвиста". Оказалось, что "лингвистер" - это не предмет торговли, а не более и не менее чем переводчик, в данном случае португальский. Неплохое слово - лингвистер; язык более выразительный, чем схоластический "переводчик".

Даже двухсотсемидесятитонное судно нельзя нагрузить двадцатью кусками арабского золота, и, не желая верить, что столь нищенское судно может находиться в этих богатых водах, Кидд устроил инквизицию. Некоторые из несчастных пленников были подвешены за запястья и избиты обнаженными тесаками, чтобы убедить их открыть настоящие сокровища их корабля. Насколько можно судить по записям, этот напряженный допрос ничего не дал. Тогда пираты отпустили их на свободу, оставив без кофе, опиума и презренных кусочков аравийского золота.

Грубое использование, но не предельная жестокость, в которой обвиняют Кидда. Насколько нам известно, капитан никогда не заходил так далеко в обращении с пленными экипажами. Здесь, как нигде, можно сказать, что здесь нет ни хождения по доске, ни других живописных наказаний из вымысла. В большинстве случаев корабли грабили и отпускали на свободу. Желавшие могли присоединиться к пиратам; офицеров, если их не отправляли обратно на корабли, везли на индийское побережье и бросали там.

Все находились в не слишком общительном настроении, когда происшествия этого ближайшего времени завершились делом о португальском военном корабле.

Вечером, вскоре после захвата мавританского судна, *"Адвенчер"* увидел и был замечен крейсирующим португальским военным кораблем. В контракте Кидда с Белламонтом, Ливингстоном и остальными не было ничего, что могло бы заставить его пойти на особый риск, и, конечно, ни одной строчки, которая могла бы оправдать его ложь на всю ночь, чтобы рисковать имуществом компании в совершенно безвозмездной схватке с военным кораблем.

Однако именно так и поступило *"Приключение"*. Вместо того чтобы воспользоваться наступлением темноты для осторожного и вполне оправданного выхода из неловкой ситуации, Кидд и его весельчаки с нетерпением ждали первых лучей света на востоке, чтобы вступить в бой с врагом. В конце концов, *"Приключение"* имело хорошее и поэтическое название. Подобное поведение заставляет предположить, что выгода интересовала этих людей меньше, чем стремительное приключение в беззаконных водах.

Исторически сложилось так, что португальцы первыми открыли огонь по Кидду. Очевидно, этот сметливый сын Лиссабона не слышал от флота Мокка, что на море объявился дикий демон. Когда читаешь, что португальцы первыми открыли огонь по капитану Кидду, сразу вспоминаешь глупого бродягу, который из кожи вон лезет, чтобы пнуть спящего бульдога. Господин Португалец получил удивительный грохот дробы по фальшбортам и парусам. Он открыл огонь по единственному человеку во всей Ост-Индии, которого, обладая более точной информацией, он мог бы избежать.

Кидд сцепился с ним, и в течение пяти часов они обстреливали друг друга, а в полдень, когда, как сказали бы спортсмены, все потренировались, оба корабля разошлись в разные стороны, обстреливая друг друга, пока *"Нептун"* не скрылся за горизонтом. Десять человек с *"Приключения"* лежали на корабле с переломанными телами, ожидая, возможно, более опасного вмешательства корабельного хирурга Брэдинхэма.

Три или четыре недели, проведенные в бою, были потрачены впустую. Несколько из них были потрачены впустую, пока флот Мокка не настиг их, а еще несколько принесли лишь скудную добычу на мавританском шлюпе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда после *тет-а-тет* с военным кораблем корабль *"Верный капитан"*, замеченный Киддом и, казалось бы, обещавший достойную добычу, был пропущен без боя, без поднятия руки, недовольство стало угрожать дисциплине на борту *"Приключения"*.

IV

В шайке людей с претензиями ворчание обычно становится громким, как бы естественным представителем. Такими людьми, которые работали в "*Приключении*", вероятно, было трудно управлять, особенно после того, как все руки были заняты нарушителями закона. Они шли на такой риск, что, если бы не прибыль, оправдывающая их, их жалобы резко обострились бы.

Их подстерегала опасность болезней, деморализующую иллюстрацию которых они совсем недавно видели на собственном корабле; грабеж кораблей тоже был опасен, а самой яркой, хотя и самой далекой географически, была картина возмущенных властей, ожидающих их дома с мрачными атрибутами Казенной палаты.

Такие вещи делают людей злыми, и если уж приходится терпеть или храбриться, то не из-за пустяка. И, кроме игры с португальцами, которая, по общему признанию, была единственным светлым пятном месяца, ничего не было передано на долю, по вполне очевидной причине, что ничего не было взято на долю.

Почему Кидд позволил *верному капитану* уйти, известно только ему самому. Его люди не понимали этого. Они знали, что он не боится; в таких вещах они никогда не сомневались. Но вот она уплыла, - добротное торговое судно, то самое, ради которого они все здесь рисковали своими шеями.

Ганнер Мур придал язык их бедам; Ганнер Мур не боялся, не он; выходи из положения и говори как мужчина. Он сам мог бы показать капитану Кидду способ захвата "*Верного капитана*", причем без всякого риска. Всегда есть Ганнер Мур. Во всех начинаниях, как законных, так и незаконных, всегда найдется готовый подчиненный, у которого планы и методы лучше, чем у его начальника. Такие люди всегда говорят, и почти всегда с летальным исходом. Оружейник Мур так и сделал.

Заметьте, что в его фразе - "без риска" - есть острие. Это был тот самый стержень, который уколол демона в капитане. Обвинение в страхе, столь явно ложное, - неудивительно, что, когда канонир Мур скрежетал зубилом по палубе, хриплый голос командира прорычал ему в ухо.

"Каким способом ты мог бы заставить меня взять этот корабль (*Верного Капитана*) и остаться чистым?"

Это была горячая минута для ганнера Мура. Мистер Мур, вы такой умный, как бы вы могли взять "*Верного капитана*" без риска? Можно посочувствовать канониру: он разозлил самого жестокого человека, в некоторых отношениях находящегося на Малабарском побережье или у него самого, в чьем убежище в то время находилось "*Приключение*".

Канонир поступил так, как поступил бы почти каждый в подобной ситуации: он попытался выйти в море на ложементе.

"Сэр, - сказал он, - я никогда не говорил таких слов и никогда не думал о подобном".

Ганнер Мур от природы не был приспособлен к пиратской жизни. Когда Кидд был в таком настроении и угрожал ему, он не мог укрыться от слов. Капитан, должно быть, догадался, что канонир был слышен не только команде, но и ему самому, а его особая игра требовала примера. Не успел канонир произнести ни слова, как все было кончено.

Все на борту наблюдали за происходящим. Парусный мастер сидел, скрестив ноги, с иголкой наперевес; люди, дремавшие на раскаленной палубе, проснулись и смотрели на

происходящее; над верфями нависали головы работающих матросов; это был тот напряженный момент перед трагедией.

Капитан Кидд произнес приговор голосом, который слышали все:

"Ах ты, паршивая собака!"

Кидду никогда не хватало образных слов. Он почти не использовал абстракций; все и всех он рисовал в быстрых, определенных цветах.

Возможно, в конце концов, у пулеметчика был шанс. Если бы он смиренно поклонился и продолжил работать зубилом, все могло бы быть хорошо. Но надо полагать, что пулеметчик Мур выдавал себя за человека с характером среди своих товарищей. Он был кем-то вроде главаря банды; если бы он не заговорил, если бы его позиция не была такой: "Кто боится Кидда?" Он действительно боялся, но у него не хватало воображения, чтобы понять это. И вот теперь он пал ниц перед всеми людьми благодаря этим грубым словам. Проглотить их означало вечно смиренно ползать по кораблю. Он воспрял духом, как и канонир, но вместо слов ему следовало бы прибегнуть к долоту в руке или к марлин-пике. Нет, он не понимал пиратского ремесла. Он принимал ее за призвание, в котором еще можно говорить.

"Если я паршивый пес, - отчаянно кричал он, - то вы сделали меня таким; вы привели меня к гибели и многим другим".

"И многое другое". Обратите внимание! Это обращение к зияющему паруснику, к спящим, уставившимся в такелаж. Вот я, говорит он, ваш представитель, говорю капитану то, что мы все говорили о нем и то, что мы все чувствуем; держитесь меня; кто-нибудь там, во дворах, пожалуйста, опустите ему на голову блок.

Банды, будучи необученными и неуправляемыми, поневоле проявляют неуверенность и не используют свои возможности. Резкая демонстрация сочувствия могла бы спасти канонира; капитан был всего лишь одним человеком.

Корабль покачнулся, подул вялый ветер с Малабара, шнур тонко шлепнулся о лонжероны, и момент прошел.

"Я погубил тебя, собака?" - ответил его грозный противник. "Получи!"

Кидд схватил тяжелое деревянное ведро, скрепленное железными обручами, вероятно, то самое, в котором хранилась вода, которой канонир смачивал свой камень, и ударил Мура по голове.

Паруса снова погрузились в парусину, шпалы перевернулись на бок, люди на корме торжествующе посмотрели друг на друга, а деревянное ведро, скрепленное железными обручами, покатилося к шпигатам.

На борту *"Приключения"* была вакансия канонира.

Малабар, эта красивая и плодородная полоса индийского побережья, которая на протяжении примерно ста пятидесяти миль выходит к Аравийскому морю, была для Кидда своего рода перевалочной базой, когда он работал в Красном море, Аденском заливе, Аравийском море и Индийском океане. Он заходил и выходил из этого региона в зависимости от необходимости подкрепиться или отремонтировать ставшее неудовлетворительным *"Приключение"*.

Его нельзя было назвать желанным гостем. Его приход означал беспорядки в местных деревнях и натравливание на них недисциплинированной и разгульной компании. Его команда и местные жители нередко ссорились. Скорее всего, матросы были зачинщиками неприятностей, - так можно было предположить по их общему складу характера. Смерть ганнера Мура была не единственным событием, произошедшим за несколько часов пребывания *"Приключений"* на Малабаре.

Например, дело касалось корабельного бондаря. Этот ремесленник попал к туземцам и не вернулся на корабль. Именно за него горожане отомстили в неопределенной ссоре с пиратами, эпизодом которой стала смерть бондаря. Зная Кидда, не удивительно, что он обрушил свой гнев на туземцев, оправдывая жизнь даже корабельного бондаря. Он согнал своих людей на берег, сжег их жилища и, поймав одного из обитателей, с грубой формальностью приказал его расстрелять.

Удивительно, что он не уничтожил город. Однако простая безжалостность, похоже, не входила в его нрав. В этом деле с бондарем не может быть сомнений в том, что окончательная ответственность должна лежать на капитане, чья неспособность поддерживать порядок среди своих людей сделала возможными их провокационные действия.

С этими двумя инцидентами - с канониром и бондарем - Кидд пролежал на Малабаре до ноября 1697 года. Затем он бросил якорь и вышел в Аравийское море в поисках того, кого или что он мог бы поглотить. Жребий пал на мавританский корабль, вышедший из Сурата под командованием голландского шкипера.

Заметив его, Кидд подошел к флагштоку, где у него лежала пачка символических псевдонимов, и выбрал флаг Франции и ярко развевался на топе-мачте. Мавра плыла без каких-либо знаков отличия, но вскоре люди *Адвенчера* увидели, как она размахивает французским флагом. После этого все засмеялись во всеуслышание и продолжили преследование.

После нескольких часов комфортного плавания *"Адвенчер"* пристал к "Мавру" и, обратив на него взор ряда сверкающих пушек, приказал остановиться. Взволнованный голландец, командовавший судном, несомненно, решил, что его перехватил французский военный корабль, и, спрятав в карман некоторые корабельные бумаги, приготовленные, несомненно, для таких серьезных моментов, повиновался хриплому окрику Кидда, прося его подняться на борт. Пока его лодка подходила к *"Адвенчеру"*, Кидд организовал ему хитрый прием.

Он вызвал на корму одного из членов команды, француза, и попросил его представиться капитаном *"Приключения"* на предстоящей встрече с голландцем. Почему - скоро выяснится.

Из-за борта появился голландский шкипер с одутловатым, взволнованным лицом. Француз встретил его и потребовал документы. С некоторым облегчением шкипер, должно быть, вытащил французские пропуска, или разрешительные документы, которые он предусмотрительно взял с собой в плавание. Он почувствовал облегчение, потому что оказался на несомненно французском судне и с французскими документами; он чувствовал себя среди друзей.

Не успел французский пас разойтись, как Кидд, стоявший неподалеку и возившийся с рукояткой своей дубинки, проревел на пугающем английском языке:

"Ах-ха, я поймал вас, я поймал вас. Вы - бесплатный приз для Англии".

Этот поступок показывает, что Кидд не был готов объявить себя пиратом. Поэтому не было бы необходимости в уловках с французскими цветами и французским капитаном; у него и так было достаточно сил для осуществления своего намерения. Скорее всего, правда заключалась в том, что Кидд хладнокровно рассчитал, что сможет захватывать корабли под видом французов или под каким-то другим предлогом, и даже опустошенные суда не обязательно будут знать о его настоящем статусе. Похоже, он всегда был нацелен на скорейшее возвращение к привычному социальному положению. Это, если угодно, отличает Кидда от типичного пирата и пока опровергает традиционную картину вымысла.

С этого небольшого мавританского корабля груз был скуден. Две лошади, несколько одеял и всякие мелочи. Он оставил корабль у себя до следующего похода на Мадагаскар; вероятно, по своему обыкновению, он высадил офицеров на берег в Малабаре и пополнил свои силы теми пленниками, которые пожелали отправиться с ним.

Декабрь вскоре ознаменовался переменой в обычном везении, которое до сих пор сопровождало *"Приключению"*. В этом месяце им попался мавританский кетч, и, что довольно необычно, после боя, в котором один из пиратов был ранен. Захват кетча был незначительным: его осуществила горстка людей из корабельной шлюпки. Захватчики вытащили судно на берег и выкачали из него тридцать банок масла в качестве основной добычи. После этого кетч был пущен на дрейф.

Все, несомненно, пожелали друг другу счастливого и благополучного Нового года, когда 1698 год скрылся за горизонтом времени. Но январю предстояло пройти совсем немного, прежде чем из моря удалось выудить хоть какую-то мелочь. Это был португалец, вышедший из Бенгалии и груженный маслом, воском и ост-индскими товарами. Его приняли без проблем, и на него посадили призовую команду, чтобы она составляла компанию *"Приключению"*.

И тут капитана постигло беспокойство. Его преследовали семь или восемь голландских кораблей, пока он не был вынужден отозвать свою призовую команду и покинуть португальский корабль. Это беспокоило капитана не потому, что он боялся семи или восьми голландских кораблей, но это должно было указать ему на то, что его незаконные операции были замаскированы не так хорошо, как он хотел. Он понял, что в индийских портах уже распространилась молва о том, что он пират. Его подозрения оказались верными: правда проникла не только в Индию, но и в Англию, где всех, кто имел отношение к надежному и любимому мореплавателю короля Вильгельма, ожидало большое потрясение. Не в последнюю очередь был заинтересован в этом благородный дворянин, граф Белламонт, губернатор провинции Нью-Йорк, чьи политические враги, разглашая информацию о договоренности с Киддом, начали открыто обвинять его в том, что он приложил руку к пиратскому пирогу.

Таким образом, капитану Кидду грозили всевозможные неприятности, пока он бороздил прятные берега Индии.

Но надвигался судьбоносный поворот. И давно пора было это сделать. Пираты основательно наелись сливочного масла; почти из каждого захвата они брали масло, и теперь это было масло, масло и ничего, кроме масла. *Приключение* обещало стать чем-то вроде плавучего бакалейного магазина, специализирующегося на сливочном масле, на втором месте - кофе, а для тех, кто любит помечтать, через прилавок можно было пронести опиум в огромных количествах.

Компания "Белламонт и компания" не пошла на значительные расходы только для того, чтобы захватить рынок сливочного масла в Ост-Индии или серьезно вмешаться в молочный и бакалейный бизнес этих регионов. Если бы они получали ежемесячные отчеты от своего своеобразного партнера оттуда, то были бы удивлены, разочарованы и очень правильно опечалены.

Эра сливочного масла должна была резко закончиться. Это сделал *"Куэдагский торговец"*.

Сравнительно большое судно, должно быть, когда Кидд впервые увидел его нагруженным до отказа. Как только он заметил его, из рундука снова появился французский флаг, и, как французское судно, он быстро приблизился к нему. Вероятно, обычный выстрел по носу привел ее в чувство. Если так, то это была единственная демонстрация насилия, которой ознаменовался захват одного из самых богатых кораблей, над которым когда-либо злорадствовал пират.

Как только *"Торговец"* отчалил, Кидд послал к нему шлюпку со своего корабля с приказом привести к нему капитана. Шлюпка вернулась с ворчащим и озадаченным старым французом на корме. Шкипер *"Торговца"*, естественно, решил, что француз должен представлять их неизвестному, но угрожающе настроенному французскому кораблю. Однако этот старик недолго беседовал с пиратским вождем, прежде чем признался, что он не хозяин *"Куэдагского купца"*, а его канонир. После этого Кидд снова отправил лодку за настоящим командиром.

Становится понятна ценность уловки с плаванием под французским флагом. У многих кораблей, участвовавших в этом рейсе, очевидно, были французские разрешительные документы. Британская торговля, вероятно, почти полностью состояла из сквозных перевозок вокруг мыса в Англию; каботажные перевозки были мавританскими, под которыми обычно подразумевались арабские, голландские, французские и армянские. Таким образом, чтобы подойти к обычному каботажному судну, французские цвета на его мачте позволяли избежать задержек и трудностей, связанных с длительным преследованием, а также служили для их обезоруживания в случае настижения.

Всякий раз, когда у них были французские пропуска, вместо того чтобы силу к кажущемуся французскому кораблю, им проще и естественнее всего было обнародовать свои документы и спокойно продолжать путь. Такое судно, как то, которое Кидд захватил сейчас, без сомнения, могло бы оказать определенное сопротивление, если бы было предупреждено. И все же Кидд хитростью заставил их предъявить французский пропуск, а затем представился англичанином, которому поручено захватить именно такое судно и таким образом обездолить множество жертв, не раскрывая своего настоящего промысла.

Идея с французским пропуском показалась Кидду настолько удачной, что он использовал ее не только в водах Индий, но и при дворе своего возмущенного величества, короля Вильгельма, когда тот вступал в долину смертной тени.

На этот раз лодка вернулась с ругающимся англичанином, неким Райтом, несомненным шкипером *"Куэдагского купца"*. Когда он ступил на палубу пирата, Кидд грубо сообщил ему, что он пленник, сошедший с французского корабля, о чем свидетельствует посольство старого французского канонира. Пока Райт, который раньше был трактирщиком в Сурате, хлопотал на палубе, Кидд послал команду захватить *"Куэдагского купца"*.

Здесь они обнаружили пару голландцев, вероятно, прислугу корабля, француза - старого канонира - и команду мавров. Еще одной группой, имеющей большое значение для этой истории, были фрахтователи корабля - некие армяне под предводительством некоего Когги Баба. Через некоторое время Кидд присоединился к своим весельчакам.

Тут произошла любопытная комедия. Как только Кидд подошел к борту, армяне бросились к нему и с громкими криками и мольбами стали просить его вернуть им их корабль. Они предложили ему солидный выкуп в двадцать тысяч рупий. Кидд отмахнулся от их предложения, заметив, что это очень маленькая сумма. Затем он созвал своих людей и велел им выйти на авансцену и провести имитационное совещание, на котором они должны были сделать вид, что голосуют за судьбу захваченного судна. С торжественно-глупыми лицами они разошлись по группам, а в их волосатые уши доносились жалобы растерянных армян.

Затем они с совиными глазами вернулись на квартердек, где с серьезным видом сообщили своему командиру, что проголосовали за сохранение *"Куэдагского купца"*. После этого Кидд повернулся к армянам, пожав плечами, как бы говоря: ну что вы, что вы можете сделать с такой толпой?

Кидд продолжал вести свою странную двойную игру. Он играл роль английского офицера, принимающего подозрительный вражеский корабль. Фарс с совещанием команды был разыгран для того, чтобы переключить внимание армян с одной головы на другую и, возможно, показать неподкупность этих патриотичных британских моряков.

После этого они оценили свою добычу и закричали от радости, когда выяснилось, что нашли ценностей почти на десять тысяч фунтов. В наших деньгах трудно оценить, сколько бы это стоило сейчас, но, безусловно, это необыкновенное богатство.

Мало того, здесь находился хороший мореходный корабль, который сам по себе представлял большую ценность. Со старого *"Приключения"* позвали всех рабочих, на палубе забили бочки с питчем, и корабль поднялся к медному индийскому небу в огромных клубах дыма.

Она поднялась к медному индийскому небу в огромных клубах дыма.

Купец Кведаг развернулся, и на его палубе собралась вся команда уничтоженного "Приключения", а в компасной коробке показалось твердое лицо Уильяма Кидда, лондонского моряка, надежного и любимого.

VI

Теперь перед домом стоял главный вопрос - как распорядиться грузом "*Куэдагского купца*" с наибольшей выгодой. Чтобы убрать с дороги офицеров корабля и сварливых армян, Кидд высадил их на берег, полагая, что больше он их не увидит. В этом он ошибался.

Он направился в сторону Мадагаскара. Но по пути туда он заходил то в один, то в другой порт, где вступал в активный торг. Он намеревался превратить груз *купца Кведага* в монету, и, похоже, ему это удалось весьма ловко. При отсутствии телеграфов и кабелей возмущенные фрахтователи, разумеется, не могли его догнать. Вероятно, его подозревали, но это никого особо не волновало; товар был, а продавцы - люди резкие, но не слишком пристальные.

Торговля была прервана надолго, чтобы подобрать португальца, попавшегося им на пути, и снова на борту оказался избыток масла. Захват принес им около пятисот фунтов - не такая уж жалкая сумма в те времена, да и вообще в любое время.

Таким образом, следя за бизнесом в обоих направлениях, торговлей и воровством, они добрались до Мадагаскара, вероятно, главного рынка сбыта.

В этом месте Кидд столкнулся с настоящим пиратом, тем самым, которого Адмиралтейство поручило ему искать. История этой встречи весьма причудлива.

Когда судно "*Куэдаг Мерчант*" бросило якорь в канале, с берега показалось каноэ, в котором сидели белые люди. Когда Кидд, облокотившись на борт, наблюдал за тем, как это судно быстро плывет по голубым водам, ему показалось, что некоторые лица в нем совсем незнакомы. Он убедился в этом, когда пестрая банда спустилась по веревочной лестнице и встала перед ним на палубе, неловко вертя в руках шляпы и отдавая честь длинными неухоженными локонами. Конечно, это были ньюйоркцы, старые солянки, знакомые Кидду по прежним, более респектабельным годам. Что же им было нужно?

"Капитан, - начал представитель, нехотя отойдя немного вперед от своих товарищей, - капитан, как поживаете, сэр? Вы ведь помните нас, капитан, не так ли? Всех хороших моряков из Нью-Йорка? Некоторые из нас сражались с французами под вашим началом, капитан, сэр, в Вест-Индии".

Кидд кивнул.

"Ну?"

Наступило тяжелое молчание. Новоприбывшие огляделись по сторонам, и что-то в поведении и манере поведения людей под командованием их старого знакомого немного успокоило их. Все выглядело не так, как подобает солидному королевскому кораблю, занимающемуся королевскими делами.

"Вы пришли повесить нас всех, капитан", - закричал оратор. "Мы слышали, что у вас есть королевский мандат на захват пиратов. Может, мы и оступились, но мы не обычные разбойники. Капитан, дайте нам шанс, и мы обнаружим гнездо, которое вы ищете".

Он указал длинным пальцем в сторону лесистого берега.

"Видите тот корабль, капитан? Это "*Резолюшн*", шкипер Каллифорд, одно из самых крепких судов в этих краях".

Кидд повернулся и долго смотрел на рахитичный *"Резолюшн"*, даже с такого расстояния - судно, явно отличавшееся скоростью и противозаконным умыслом.

"Я вернусь с вами", - бодро заявил Кидд.

Все вернулись в каноэ и направились к *"Резолюшн"*. Делегация, должно быть, была поражена дерзостью Кидда, вернувшегося с ними к известному пирату, с поручением в кармане повесить экипаж *"Резолюшн"*, если понадобится, и вернувшегося при этом без всякой защиты. Они всегда знали этого человека как странного.

Так же спокойно, как если бы он садился на свой собственный корабль, Кидд ступил на палубу *"Резолюшн"*. Гребцы присоединились к своим товарищам и толстыми пальцами указали Кидду на четвертьпалубу, где капитан Каллифорд, озадаченный не меньше других, зашаркал вперед в своих тапочках, чтобы отдать честь. Вокруг шептались о том, что среди них появился человек короля, обладающий силой смерти.

Кидд и Каллифорд пожали друг другу руки и уселись вместе под парусом, натянутым в качестве тента от бьющего солнца. Всем стало легче дышать. Очень скоро они услышали, как Каллифорд кричит своему слуге-негру, чтобы тот достал материалы для *"Бомбу"*. Напряжение заметно спало. Их капитан не уступал человеку короля. Если они добрались до *"Бомбу"*, все еще может быть хорошо.

Взяв сахар, лаймы и темную толстую бутылку, которую принес ему слуга, Каллифорд, как любезный хозяин, сам приготовил напитки. Команда с форштевня и с талии наблюдала, пока оба августейших носа не погрузились в кружки, и тогда поняла, что все будет хорошо.

И действительно, все было очень хорошо. Там, на квартердеке, оба шкипера громко смеялись. Кидд сказал, когда в нем зашевелился бомбус:

"Ну и вредина ты, Каллифорд! Да я, парень, душу свою изжарю, прежде чем причиню тебе вред".

Мы уже говорили, что капитан прекрасно владел образными словами - он мог использовать их даже в общении. Одно за другим, радушие росло, и когда Кидд, слегка покачиваясь, подошел к каноэ, он был нагружен весьма солидным подарком - шелками из сундука с сокровищами *"Резолюшн"*. Он отослал обратно каноэ с таким же подарком из шерстяных тканей, и даже больше, гораздо больше, чем то, что, учитывая его поручение, на следующий день он снабдил Каллифорда двумя пушками.

Вот это была крайняя степень нелояльности. Не только не задержать пирата Каллифорда - это было непростительно, - но и фактически сделать его более эффективным в его грабительской работе - это было просто невыносимо. Если бы Адмиралтейство Его Британского Величества каким-то ясновидением могло видеть эту ужасную сделку, то само здание должно было содрогнуться.

Возможно, Кидд действовал в соответствии с политикой, к которой его вынуждала логика обстоятельств. Как только каноэ с *"Резолюшн"* подошло к нему, он обнаружил, что его прибытие стало значительным потрясением для парусного сообщества Мадагаскара. Сплетни о порте разлетаются так же быстро, как и об улице. Поэтому перед ним встали два варианта: либо вступить в бой с пиратами, либо успокоить их, побратавшись с ними. Мадагаскар должен был стать последним шансом очистить остатки груза купца *Кведага*, последним рынком сбыта. Как человек короля, он не мог оставаться там бесконечно долго, не ожидая нападения со стороны беззаконников, которые видели в нем лишь власть короля

и карательную силу. Независимо от того, руководила им эта мысль или нет, его визит к Каллифорду, одному из ведущих пиратских командиров, несомненно, был направлен на умиротворение, а не на простое братское общение с коллегами.

Сгладив ситуацию, Кидд всерьез занялся продажей своих товаров. Судя по хронологии записей, это не могло занять много времени.

И вот настал день, которого все они так ждали. За пределами каюты, которую Кидд, как командир, всегда оставлял за собой, образовалась длинная очередь, которая закончилась толкающимся узлом под крышей. Наступил день зарплаты, и веселье бурлило без удержу.

На столе в кают-компании было навалено более ста кучек монет. В шкафчике лежали сорок акций корабля. Кидд стоял у стола, большой пистолет лежал наготове на случай излишнего возбуждения, а у двери его личный слуга, Ричард Барликорн, следил за порядком.

Один за другим входили члены экипажа, каждый ссыпал в шляпу положенную ему долю и, ухмыляясь и пригнув голову, спешил выйти на солнечный свет, чтобы с сияющими глазами наблюдать за чарующим блеском величайшей удачи, которая когда-либо выпадала ему в тяжелой и скорбной морской жизни.

Все было по правилам. Кидд сдержал свое пышное обещание набить корабль золотом и серебром, а рабочий получил оговоренную плату.

Должно быть, это был великий день для Бомбу.

VII

Пока Кидд общался с пиратами и превращал груз *купца Кведага* в золото на Мадагаскаре, торжественные и серьезные джентльмены британского Адмиралтейства с горечью узнавали, как ведет себя в далеких морях их надежный и любимый мореплаватель. Они мрачно констатировали, что очередной эксперимент по пресечению пиратства провалился, а частное военное судно не является одобренным инструментом полицейской работы. Этот метод оказался прямо противоположным успеху, и они стали раздумывать над другим, который в итоге - хотя мы не будем следить за ним - должен был оказаться еще менее эффективным.

Их план можно было бы изложить на их своеобразном языке, с учетом той странности пунктуации, которая превратила государственный документ такого рода в три огромных, гористых предложения:

"Королем, прокламация.

Уильям Р.

Будучи информированы частыми жалобами наших добрых подданных, торгующих в Ост-Индии, о нескольких нечестивых действиях, совершаемых в тех морях, как в отношении наших собственных подданных, так и наших союзников, мы сочли необходимым (для безопасности торговли тех стран, (для безопасности торговли этих стран, полного истребления пиратов во всех частях к востоку от мыса Доброй Надежды, как и за мысом

Коморин, так и по эту сторону его, если они не сдадутся немедленно, как предписано ниже) послать эскадру военных кораблей под командованием капитана Томаса Уоррена.

Итак, мы, дабы те, кто был виновен в пиратстве в тех морях, были уведомлены о нашем милостивом намерении оказать королевскую милость тем из них, кто сдастся, и подвергнуть жесточайшему наказанию в соответствии с законом тех, кто будет продолжать упрямиться, сочли нужным, по совету нашего Тайного совета, издать эту прокламацию; Настоящим требую и повелеваю всем лицам, виновным в любом акте пиратства или каким-либо образом помогающим или содействующим ему, в любом месте к востоку от мыса Доброй Надежды, сдать в течение нескольких соответствующих сроков, указанных ниже, упомянутому капитану Томасу Уоррену, и главнокомандующему эскадрой на данный момент, а также Израэлю Хейсу, Питеру Делланойе и Кристоферу Полларду, эскавайрам, комиссарам, назначенным нами для упомянутой экспедиции, или любым трем из них, или, в случае смерти, большей части оставшихся в живых из них.

И настоящим мы заявляем, что нам было благоугодно уполномочить упомянутого капитана Томаса Уоррена и главнокомандующего упомянутой эскадрой на время, Израэля Хейса, Питера Делланойе и Кристофера Полларда, эскавайров, комиссаров вышеуказанных, или любых трех из них, или, в случае смерти, большую часть оставшихся в живых из них, дать заверение в нашем милостивом помиловании всем таким пиратам в Ост-Индии, т.е. к востоку от мыса Доброй Надежды, которые сдадутся в плен за пиратство или разбой, совершенные ими на море или на суше; за исключением, однако, тех, которые они совершат в любом месте после уведомления о нашей милости и благосклонности, объявленной настоящим; а также исключая все такие пиратства и разбои, которые будут совершены от мыса Доброй Надежды на восток до долготы или меридиана Сокатора после последнего дня апреля 1699 года, и в любом месте от долготы или меридиана Сокатора на восток до долготы или меридиана мыса Коморин после последнего дня июня 1699 года, и в любом месте к востоку от мыса Коморин после последнего дня июля 1699 года; а также исключая Генри Эвери, он же Бриджмен, и Уильяма Кидда.

Дано при нашем дворе в Кенсингтоне 8-го дня декабря 1698 года, в 10-й год нашего царствования. Боже, храни короля".

Таково было признание бессилия британской власти очистить моря Ост-Индии.

Уильям Кидд, надо заметить, перестал быть надежным и любимым; он оказался в крайнем мрачном, вместе с Генри Эвери, или Эвером, к которому королевская милость не проявляла своих мягких и благотворных качеств. Это кажется вполне справедливым, учитывая легкомысленное отношение возлюбленного к поручению короля.

Прокламация - это точный документ, имеющий конкретную силу. В ней нет ничего двусмысленного. Эта определенность стала чрезвычайно важной для некоторых членов команды Кидда, когда они стояли в мрачной тени виселицы.

Суть дела заключалась в том, что все пираты Ост-Индии, которые до апреля, июня или июля 1699 года, в соответствии с определенными географическими границами, сдадутся четырем конкретным лицам - Уоррену, Хейсу, Делланойе и Полларду, - должны быть наказаны и прощены, то есть все, кроме Эвери и Кидда.

С кипой печатных прокламаций капитан Уоррен и три джентльмена-комиссара отбыли в Индию. С нашей точки зрения, эта миссия выглядит довольно абсурдной. Власти, таким образом, фактически сказали разбойникам: Мы не можем вас поймать, поэтому мы вас

простим. Громкий и долгий смех поднялся из пиратских глоток от Мадагаскара до Аденского залива, когда капитан Уоррен проходил туда и сюда, скрепляя красивые листы бумаги. Это была самая настоящая добрая шутка над правительством.

Однако не все беззаконники ухмылялись и продолжали грабить. Похоже, что весельчак Каллифорд, тот самый *"Резолюшн"* и ловкий миксер Бомбу, увидел свой шанс исправиться и отдал себя в руки комиссаров. По какому-то совпадению тот, кто лежал на Мадагаскаре вместе с Киддом, позже вместе с Киддом стонал в камерах Ньюгейта, хотя, вероятно, был освобожден в силу прокламации.

Где и когда прокламация попала в поле зрения компании Кидда, точно неизвестно; но то, что она попала, вскоре выяснится.

VIII

Помилование или не помилование, прокламация или не прокламация, но капитан Кидд был вынужден вернуться домой. Он покончил с пиратством, по крайней мере в Ост-Индии.

Его активные действия не продлились и шести месяцев. Его дерзкое нападение на флот Мокка произошло 14 августа 1697 года; в январе 1698 года он захватил судно *"Куэдагх Мерчант"*, бродил на нем вдоль побережья, торгуя то тут, то там, а примерно к началу мая того же года пришел на Мадагаскар, подобрав по дороге бродячего португальца. С августа по январь Кидд действительно работал, и именно за это сравнительно короткое время он приобрел необычайную и постоянную известность.

Однако, за исключением убийства канонира Мура, он не совершил ничего такого, за что в наши дни полагалась бы смертная казнь; дело о корабельном бондаре и туземце - слишком современное по тону. Несомненно, внимание, которое привлек Кидд, было вызвано связью Белламонта и некоторых других дворян с началом предприятия, а их политические враги теперь воспользовались их затруднительным положением и наводнили город памфлетами, в которых, как часть игры, Кидд принимал черты морского чудовища. Кроме необычайной смелости, в совершенных им преступлениях не было ничего, что могло бы послужить основанием для такого народного резонанса, какой поднялся вокруг его имени в Англии.

Однако те несколько месяцев, что он проработал, оказались очень выгодными. Современники оценивали груз купца *Кведага* в двенадцать тысяч фунтов - преувеличение, вероятная цифра составляла около девяти тысяч. Из этой суммы, рассчитанной на сорок акций, вместе со всеми расходами на провиант и боеприпасы, Кидд должен был получить около тридцати процентов. Мало того, из замечаний одного из членов его команды на суде следует, что капитан каким-то способом забрал себе долю этого человека, а если и этого, то, вероятно, и других.

Из этой затеи вышло три тысячи фунтов стерлингов; кроме того, надо помнить о стоимости мелких захватов, которые он сделал, так что, так или иначе, с товарами и деньгами капитан, должно быть, завершил свое предприятие с добрыми пятью тысячами фунтов, - около двадцати тысяч долларов, а по нынешним меркам - очень приличное состояние. Вдобавок ко всему у него был сам корабль, который тогда оценивался в четыреста фунтов, или две тысячи долларов.

Сегодня вряд ли можно купить хорошее палтусовое судно за две тысячи долларов, так что вы можете получить представление о том, что означала бы сумма его доходов в те времена. С другой стороны, некоторые товары сейчас стоят дешевле, чем тогда, например бязь, которой он наострил изрядную кучу. Именно эти деньги составляют основную часть так называемых сокровищ капитана Кидда, которые фантазия так ярко преувеличила.

Ограбив торговые суда, он получил в основном товар, в значительной степени скоропортящийся, а значит, подлежащий быстрой утилизации. Представить, что на этих судах находились уникальные изделия из золота и серебра или жемчуга и драгоценных камней огромной стоимости, значит сбиться с пути исторического факта.

Вот, например, общий список имущества, попавшего в его руки: Опиум, сахар, шелк-сырец, бязь, муслин, рис, пчелиный воск, масло, железо, лошади, стеганые одеяла, сахарные конфеты, табак и тому подобные товары. Съестные припасы, такие как масло, сахар и прочее, делились между корабельными столовыми; остальное продавалось везде, где можно было найти покупателя.

Воевать и захватывать корабли было для пиратов делом второстепенным. Нужно было выполнять много тяжелой, простой стивидорной работы, перетаскивая грузы с корабля на корабль и с корабля на берег. Начиная с августа, бездельничать почти не приходилось. Матросы постоянно работали на корабле, иногда вдвоем, сортируя и раскладывая грузы, а капитан, надо полагать, был погружен в пыл тщательной бухгалтерии еще долго после того, как на корме установили фонарь.

Во всех записях судебного разбирательства в Олд-Бейли ничего не говорится о том, что кто-то был убит в бою, как при захвате кораблей, так и в схватке с португальским военным кораблем, с обеих сторон.

И теперь капитан был доволен. Если не считать жалобы Дарби Маллинза на то, что капитан забрал у него его долю, команда тоже, похоже, была довольна. После раздела Кидд дал понять, что уходит с пути нарушителя закона, и, по его собственному рассказу, девяносто пять человек покинули его почти в полном составе. Впоследствии случайная убыль забрала еще больше, и когда он наконец повернул нос *"Куэдагского купца"* на обратный путь, с ним осталось едва ли достаточно людей, чтобы работать на корабле.

IX

Хотя Кидд прибыл на Мадагаскар в мае 1698 года, он отплыл на украденном корабле домой только в следующем году, а возможно, и в конце этого года. Должно быть, ему потребовалось немало времени, чтобы избавиться от товара и расплатиться со своими людьми. После этого он, как ни старался, не пытался пиратствовать.

Вполне возможно, что пока он лежал в Мозамбикском канале, Уоррен и три благожелательных миролюбивых комиссара обогнули мыс и поднялись вдоль побережья, и прежде чем он покинул эти воды, его ознакомили с характером королевской прокламации. А может быть, именно после возвращения в Нью-Йорк Кидд впервые узнал, что он - меченый человек.

В июне 1699 года, после чуть более чем двухлетнего отсутствия, капитан Кидд прибыл в Делавэрский залив. Но не на *"Приключении"* и не на *"Кведагском купце"*. Он прибыл на небольшом шлюпе с командой из примерно тридцати пяти человек, названном *"Святой Антонио"*. Что же случилось с *"Кведагским купцом"*?

Этот злополучный корабль был надежно укрыт в уединенной бухте Вест-Индии. Там он спрятал его до тех пор, пока не сможет вернуться и вытащить его; то есть до тех пор, пока не пройдет буря, первые удары которой он, должно быть, ощутил в Вест-Индии, если не на Мадагаскаре. Он привел с собой едва ли четвертую часть персонала старого *"Адвенчера"*, вероятно, не более двадцати пяти или тридцати человек. Один человек, Хью Пэррот, приплывший на *"Сент-Антонио"*, как мы знаем из его собственного рассказа, был завербован на Мадагаскаре и заменил одного из прежних искателей приключений. Так же, наверное, было и с другими.

Краткая автобиография Хью Пэррота, которую он предоставил суду, может быть приведена здесь как типичная для морских жителей, которые приплыли на Мадагаскар. По его словам, он "отплыл из Плимута в 1695 году на торговом судне, направлявшемся в Корк, в Ирландии, чтобы взять там провизию; оттуда - на остров Барбадос; и в виду острова Барбадос я был захвачен французским капером и доставлен в Мартинико; оттуда на транспортном судне я был доставлен на Барбадос; Там я пересел на судно, идущее в Ньюфаундленд, а оттуда на Мадейру; затем я отправился на Мадагаскар, где пробыл некоторое время и прибыл в компании с капитаном Киддом; затем мы с командиром поссорились, и я сошел на берег того острова. И поняв, что у капитана Кидда есть поручение от короля, я поднялся на борт корабля капитана Кидда".

Романтические слова - "Я поднялся на борт корабля капитана Кидда". Как они учащают пульс старых, трезвомыслящих парней, какими мы являемся. А если бы мы, прогуливаясь по старому Нью-Йорку, прочитали его призыв отправиться в Индию? Или были бы на Мадагаскаре, поругались бы с каким-нибудь старым торговым шкипером и увидели, как Кидд и его громилы проносятся мимо? А?

Залив Делавэр не задержал Кидда надолго. Он вывел оттуда маленькое судно *"Святой Антонио"* и зашел в Ойстер-Бей, откуда начал самую трудную работу в своей жизни - реабилитировать себя и при этом выйти из всего этого богатым человеком.

Он и остатки его команды открыто разбрелись по старому городу. Губернатор Белламонт был в Бостоне. И вот теперь Кидд начал ощущать всю остроту своей незаслуженной славы. Ему говорили, что имя Кидда вибрирует по всей стране, по всем колониям, да даже по всем семи морям; что, говоря языком того времени, он повсюду "пират", для которого не существует дня милости или помилования.

Вполне в духе нью-йоркских пиратов, древних и современных, он подыскал себе ловкого адвоката, некоего Эммотта, человека, который в то время, как говорится, стоял во главе своей профессии, хотя это не означало, как и сейчас, что он блистал чистотой своих принципов, широтой знаний или прозрачной благопристойностью манер. Пираты не могут использовать такого адвоката. Если говорить серьезно, мы не размышляем о мистере Эммотте в отдельности; мы ничего не знаем о его морали, и он был бесспорным лидером своей адвокатуры, участвуя в самых важных судебных процессах своего времени. Каким бы ни был его характер, он взялся помогать проектам капитана Кидда.

Х

В Бостоне стояло жаркое лето. Благородный губернатор гулял на воздухе, который был таким, как сейчас, с откинутым для прохлады париком и небрежно распахнутым украшенным плащом. Несомненно, он смотрел на пыльную дорогу, на мозолистые каркасные здания и тосковал по умеренным ирландским лугам и свежим зеленым лужайкам своего родового поместья. Как обидно, что благородный граф должен подвергаться жаре и холоду так же, как жалкий носильщик!

Вход негра-слуги, объявившего о посетителе, не освежил сиятельство. В этот момент он меньше всего хотел видеть того, чье имя было названо. Губернатор и адвокат Эммотт не очень-то ладили друг с другом. Нетрудно понять трудности правителя, чьи технические познания в искусстве управления, вероятно, были слабыми, в руках буйного, резкого и хорошо информированного колониального адвоката - умного, настойчивого и раздражающего глашатая вечного недовольства колонии.

Хотел он того или нет, но Эммотт оказался в стороне, добиваясь аудиенции. Его приказали впустить. Отказывать Эммоттам просто нельзя, особенно когда ты губернатор; почему-то кажется, что такие парни обладают наглым искусством привлекать внимание губернатора всякий раз, когда их нахальство предлагает им это.

Воображение, возможно, воссоздаст интересную картину интервью.

Входит адвокат Эммотт, его яркий взгляд сразу оценивает настроение человека, занимающего властное кресло. Но Эммотт сейчас не полунасмешлив; в этом деле его не поддерживают крепкие мещане, его поддерживает закон, точное применение которого он досконально знает, и так же досконально знает о поразительном невежестве своего оппонента. Теперь он охотится за частным гонораром, обслуживая частного клиента. Поэтому его мелодия несколько иная.

С поклоном и самым почтительным образом адвокат аккуратно разворачивает пакет, который принес с собой. Из него он, кажется, достает снежный шар, который с наглой улыбкой встряхивает рукой и который на глазах у изумленного Белламонта каскадом рассыпается по спинке стула как шаль редчайшей работы и материала.

"Подарок для леди Белламонт", - говорит Эммотт, еще раз поклонившись.

Что же теперь делать этому парню? Белламонт поднялся и, пройдя через всю комнату, позволил переливающейся текстуре переливаться в своих пальцах.

"Подарок для леди Белламонт..." Это замечательная вещь, Белламонт это видит.

Эммотт подходит к ней настолько близко, насколько позволяет вежливость, и, оглянувшись по сторонам, искусно шепчет: "От капитана Кидда", - и откидывает голову назад с широкой улыбкой, словно заботливый родитель, играющий роль Санта-Клауса.

"Кидд!" - кричит граф. "Кидд!"

Да, старый партнер компании "Белламонт, Ливингстон и компания" объявился. В мозгу губернатора, как заяц и гончая, проносятся самые разные мысли, и в первую очередь он

боится; он опасается, что этот его пресловутый коллега явился, чтобы погубить их всех. Почему бы ему не остаться в Ост-Индии? Для Эммотта это так же очевидно, как рябь на гладкой воде.

Он потирает руки одну о костяшки другой и вглядывается во всевозможные смыслы.

"Невероятно благополучное плавание, - бормочет он, - невероятно. Пустяк - капитан хочет послать леди Белламонт что-то действительно стоящее".

Он почти с усмешкой смотрит на великолепную шаль.

Губернатор садится и смотрит на гавань. Вероятно, если бы пресловутый партнер явился с одной лишь историей о невезении, губернатор не сел бы так, как он это делает; но если партнер возвращается, пусть даже с подмоченной репутацией, но набитый сокровищами, что ж, нужно все хорошенько обдумать. Не стоит забывать, что в старом *"Приключении"* были свои первоначальные инвестиции, которые нужно было защитить.

Эммотт продолжает:

"Капитан глубоко огорчен тем, что о нем подняли такой несправедливый шум и крик. Это большая ошибка. Он может все объяснить; и он предлагает губернатору проследить, чтобы этот раздражающий вопрос с обвинением в пиратстве был решен, и тогда они смогут перейти к бухгалтерскому учету, как и положено всем хорошим партнерам. Действительно, ему до абсурда повезло в его ост-индском предприятии".

Они обсуждают этот вопрос нерешительно, без обязательств с обеих сторон, и в результате губернатор решает, что лично встретится со своим неверным и бывшим партнером. С этим решением адвокат Эммотт выходит из комнаты и возвращается в Нью-Йорк. Пока все хорошо.

XI

Прежде чем отправиться в Бостон к Белламонту, Кидд сделал то, что так поразило воображение художников и фантастов: он перегнал шлюп на остров Гардинера в восточной части Лонг-Айленд-Саунд и закопал там значительную часть своих денег и мелких награбленных вещей. Так возникла великая история о зарытых сокровищах пирата. Как и все остальные деяния Кидда, эта история сильно преувеличена. Все, что там было, было практически возвращено колониальными властями. Тем не менее миф сохранился на века.

Один писатель, считающий себя консерватором, говорит о том, что Кидд привез домой двенадцать тысяч фунтов. Это современное вычисление, но оно не согласуется с нашими цифрами. При всех его махинациях подчиненные капитана получали больше половины добычи, и если Кидд получил двенадцать тысяч фунтов, значит, всего за несколько месяцев работы в индийских морях было заработано тридцать или сорок тысяч фунтов.

Все это не соответствует действительности. Конечно, *"Куэдагх Мерчант"* был единственным значительным захватом, и, согласно оценке правительства того времени, корабль и груз в целом стоили не более пяти тысяч фунтов. Один из недавних авторов даже считает, что

стоимость одного только *"Кведагского купца"* составляет тридцать тысяч фунтов! В обвинительном заключении, по которому судили Кидда, говорится, что этот корабль стоит четыреста фунтов, что больше похоже на правду. Капитан, как мы уже говорили, поступил очень хорошо, если вернулся домой с хорошими пятью тысячами фунтов.

Помимо общения с Белламонтом, Кидд связался с другим своим партнером, полковником Ливингстоном, и полковник очень обрадовался перспективе разделить довольно хорошую маленькую дыню. Если *"Куэдагский торговец"*, респектабельное и вместительное грузовое судно, стоил четыреста фунтов, то *"Приключение"*, "сумасшедшее и дырявое" судно, действительно не приспособленное для патрульной работы, предназначенной для него, могло обойтись своим владельцам не более чем в триста фунтов. Вооружение и провизия глубоко проели первоначальный капитал, но на всем этом предприятие, несомненно, заработало несколько сотен процентов.

И если вместо четырех или пяти человек, сидящих за делением, банк разделят двое или трое, а лучше один или двое, то тем лучше для одного или двух счастливиц. Эта мысль пришла в голову и Ливингстону, и Белламонту, и Кидду.

Поэтому капитан отправился в Бостон, а с ним и несколько его людей.

Белламонт тем временем был вынужден созвать совет, чтобы обсудить тот факт, что нарушитель закона находится на свободе и его местонахождение не установлено. Это была формальность, которую граф должен был соблюсти, чтобы сохранить чистоту своей официальной репутации. При той власти, которой в то время обладали губернаторы, заседание совета не должно было стать большой помехой для договоренности между друзьями.

Что именно произошло во время беседы между Киддом и Белламонтом, не сохранилось, но они начали препираться. Все пираты были на свободе, чувствовали себя как дома и с видом честных моряков возвращались, чтобы потратить свои деньги и отдохнуть от тяжелых морских забот.

Внезапно ветер переменился. Почему это произошло, мы можем только предполагать. Но сохранилось письмо Белламонта, в котором он отмечает, что примерно в это время Ливингстон и Кидд вели себя очень "дерзко" в отношении денег и ценностей, которые Кидд привез домой.

Означает ли слово "дерзко", что Белламонт подозревал, что два его партнера сговорились лишить его доли? Вполне возможно. Однако на основании скупой хроники, дошедшей до нас, нельзя утверждать, что губернатор недобросовестно исполнял свои обязанности мирового судьи. Однако мы можем сказать, что, насколько мы можем судить, он не действовал с тем решением, которого, казалось бы, требовали преступления, инкриминируемые Кидду. Эти рассуждения и вопросы, частные и перед советом, допускают последствия, за которые губернатор может нести или не нести реальной ответственности. Все это не выглядит обычным делом.

В то же время Белламонт, достаточно острый для решения общих вопросов, мог спланировать нечто подобное: бросить Кидда в тюрьму, тем самым избавив себя от разговоров о соучастии, которые стали появляться с тех пор, как стало известно о его связи с пиратом, отправить его домой в Англию для суда и, убрав с дороги, заняться вопросом добычи, на которую он мог бы претендовать в силу первоначального поручения Кидду,

подкрепленного политической силой, которую он и его знатные друзья на родине могли применить.

Как бы то ни было, двусмысленное поведение губернатора прекратилось с обнаружением "дерзости" Ливингстона и Кидда в деле о трофеях, и Кидд со всей своей командой, которую удалось схватить, был посажен в бостонскую тюрьму. Прежде чем это произошло, несколько его людей перебрались в провинцию Джерси и сдались полковнику Бассу, губернатору, в соответствии с духом королевской прокламации, в установленный в ней срок, но ни одному из тех, кто в ней был особо указан как уполномоченный принимать такие сдачи.

В декабре 1699 года пираты были отправлены в Англию на фрегате "*Советник*", а 9 мая 1701 года, спустя примерно пять лет после выхода из Плимута, они предстали перед судом в историческом Олд-Бейли.

XII

Капитан Кидд и девять его людей прибыли в Ньюгейтскую тюрьму из колонии в феврале 1700 года и пролежали там более года до суда. Эти девять человек были теми, кто сдался полковнику Бассу, губернатору нынешней территории Нью-Джерси. Как поступили с остальными людьми, прибывшими на корабле "*Сент-Антонио*", неизвестно.

Прибытие Кидда привело к острой и ожесточенной борьбе между двумя великими политическими группировками того времени, а правительство было потрясено разоблачениями Белламонта и других друзей администрации о связи с пиратом, о котором говорили от Лендс-Энда до Джона О'Гроата. В течение 1700 года Кидд несколько раз выступал в Палате общин, и на этом форуме разгорелся спор о его предполагаемых сокровищах. Оппозицией была внесена мера, предусматривающая, что поручение Кидду брать пиратов и оставлять у себя их вещи и награбленное имущество должно быть незаконным и недействительным, и она была проиграна лишь незначительным большинством голосов.

Отсюда можно предположить, что Белламонт и его партнеры завладели награбленным. Не то чтобы это принесло благородному графу много пользы, ведь он умер примерно в это время. Однако заказ "*Приключений*" не принес оппозиции той выгоды, на которую она рассчитывала, и дело было пущено на самотек, когда Палата представителей рекомендовала Кидда для общего уголовного суда.

При современных обстоятельствах этот процесс был бы очень близким и острым. Обвиняемый мог бы привлечь самого опытного адвоката, который, как можно ожидать, заставил бы обвинение напрячься в вопросе доказательства своих обвинений, что было бы нелегко сделать с некоторых точек зрения.

Было проведено пять судебных заседаний по шести обвинениям - одно за убийство ганнера Мура и пять за пиратство. Кидд, разумеется, был один на процессе по обвинению в убийстве; по обвинению в пиратстве он сидел на скамье подсудимых вместе со своими девятью моряками.

На процесс по делу об убийстве следует обратить особое внимание, учитывая современную моду оправдывать Кидда за все виновные действия в Индийском море. Те, кто пытается

доказать, что Кидд был "убит по приговору суда" в результате политического заговора, организованного группировками, враждебными благородным джентльменам, поддерживавшим предприятие Кидда, должны доказать, что суд над ним был несправедливым, ведь если бы это было не так, то Кидд подлежал смертной казни независимо от пиратских преступлений.

Чтобы оправдать себя, Кидд вызвал трех своих людей, пытаясь доказать, что он убил Мура, когда тот возглавлял мятеж; другими словами, то, что мы бы назвали оправданным убийством. Но его собственные свидетели доказали, что мятеж в отношении *лояльного капитана* произошел за две-четыре недели до смерти канонира - факт, который в современном праве был бы достаточным для осуждения Кидда - не было "немедленной" чрезвычайной ситуации, как говорится в наших законах. Ни один современный суд не отменил бы вердикт присяжных, обвинивших Кидда в убийстве, на том основании, что он не был подтвержден доказательствами.

Когда на скамье подсудимых находился усатый моряк, клерк Олд-Бейли встал и обрушил на обвиняемого восемьдесят пунктов, восемьдесят или более пунктов, между которыми была пауза не больше, чем точка с запятой. Можно возразить, что так нечестно нападать на человека, чей метод борьбы совершенно иной; который, например, бьет не глаголом, а тесаком; бросает круглые пули вместо простых существительных, а для пущей пунктуации - деревянное ведро. Прекрасный парень этот судебный клерк в своем парике и мантии и с толстыми, покорными приставами вокруг него! Но если поместить его на подвыпившие палубы "*Приключения*", это будет совсем другая история. Так, наверное, думал капитан, стоя перед этой громадой слов.

Если в наши дни английское правосудие отличается быстротой, то во времена Вильгельма III оно должно было быть молнией со смазкой. Через полчаса после того, как большое жюри собралось и вынесло обвинительные заключения, Кидд отправился на суд перед присяжными, и трех дней хватило на все пять обвинений.

Батарея прокуроров обстреливала обвиняемых. Корону представляли мистер Кнапп, доктор Ньютон, адвокат Адмиралтейства; сэр Джон Хоулз, сэр Салатиэль Ловелл, ректор; генеральный солиситор и генеральный прокурор. На скамье подсудимых, иногда оказывая активную помощь обвинению, находились барон Гулд, барон Хатселл, судья Тертон, судья Пауэл и главный барон Уорд, которые разделили работу по председательству на группы судей.

В те времена обвиняемому в преступлении не разрешалось пользоваться помощью адвоката по вопросам факта. По чисто юридическим вопросам ему разрешалось консультироваться с адвокатом. Это было прямо противоположно тому, что, согласно более просвещенной юриспруденции, должно было быть. Возможно, до наших предков не доходила мысль о чрезвычайной важности настоящей науки доказательств. Такая несправедливость привела к тому, что подсудимый оказался в затруднительном положении. Кидду и его девяти коллегам пришлось нести большую работу по защите, не имея ни малейшего представления.

Штат использовал только двух свидетелей, Палмера и Брэдинхэма, старых людей Кидда, которые были превращены в королевские улики. Палмер был простым матросом на "*Приключении*", и Кидд назвал его "бревноголовым"; Брэдинхэм был хирургом на борту, и Кидд обвинил его в лени, воровстве и лжесвидетельстве. В то время каждый человек за свою шею, и никто не мог позволить себе быть слишком разборчивым в том, как он ее спасет.

Все приведенные нами факты пиратства, а также убийство Мура были получены из показаний Палмера и Брэдинхэма, подтвержденных высказываниями девяти матросов, которые не были деликатны, спасая своего командира в этой стычке.

Не было потеряно времени на то, чтобы собрать присяжных. Когда Кидд возразил против того, чтобы его судили те, кто осудил его за убийство Уильяма Мура на других процессах по обвинению в пиратстве, их вывели из зала и быстро ввели других присяжных. Все пошло галопом. Присяжные по делу об убийстве вынесли свой вердикт, пока шел первый процесс по делу о пиратстве; на вынесение вердикта по обвинениям в пиратстве у присяжных ушло по полчаса. Длинные речи ученых джентльменов, представлявших интересы Короны, заняли столько же времени, сколько и все остальное, а подведение итогов судьями было на втором месте.

Должно быть, это был великий день для Коги Баба, армянина и одного из владельцев *"Куэдагского купца"*, который в это время появился в Лондоне, чтобы добиваться наказания своего грабителя. Однако на суде его не использовали - примечательное упущение.

Палмер и Брэдинхэм не подвергались перекрестному допросу, кроме Кидда. Они несколько перепутали даты, и капитан воспользовался этим, но в целом его допрос следует считать придирчивым.

Ситуация для Кидда выглядела мрачной, и его защита не пролила много света на ситуацию.

XIII

Защиту Кидда можно собрать по кусочкам из его собственных слов, которые появлялись не как последовательное изложение его позиции, а как комментарии к ответам свидетелей и междометия в ходе процесса. Это было не лишено изобретательности.

"У меня было поручение, - сказал он, в сущности, - захватить французов и пиратов; и для этого я подошел к двум кораблям, на обоих из которых были французские палубы. Я созвал всех людей на палубу, чтобы посоветоваться, и многие отправились на борт *"Кведагского купца"*. Я бы снова отдал этот корабль Коги Бабе, но люди не захотели; они все проголосовали против. Они сказали: мы сделаем из него приз; мы отнесем его на Мадагаскар. Палмер и Брединхэм слышали, как я рассказывал о французских пропусках, взятых с кораблей. *Корабль "Куэдаг Мерчант"* находился под французской командой. Ее хозяин был трактирщиком в Сурате. Я не присутствовал при дележе товаров, взятых с него; я ничего об этом не знаю.

"Я не взял Каллифорда, потому что многие мои люди сошли на берег; утверждение, что я дал ему оружие и подарки, - это только то, что говорят эти свидетели. Я не был на борту корабля Каллифорда. У меня есть кое-какие бумаги, но милорд Белламонт скрывает их от меня, и я не могу представить их суду. Я никогда не собирался общаться с капитаном Каллифордом больше, чем с капитаном Уорреном. У меня есть много бумаг для защиты, если бы я мог их получить; мои французские пропуска, которые у милорда Белламонта. Я не мог осудить корабли по закону из-за мятежа на моем корабле. Брединхэм - негодяй; он разделил товар и ограбил сундук хирурга. Он ничего не знает об этих вещах; он спал пять или шесть месяцев вместе в трюме.

"Люди забирали товары со всех захваченных кораблей и делали с ними все, что хотели. Я никогда не был рядом с ними. Они подстерегали меня, чтобы убить. Они забрали все, что хотели, и отправились на остров, а меня с примерно сорока людьми оставили на корабле, и мы могли идти, куда хотели". Я больше не буду задавать свидетелю вопросов; пока он клянется, наши слова и клятвы не могут быть сняты. Палмер - это логгерхед. Девяносто пять человек покинули мой корабль и после этого пошли гулять.

"Мне угрожали расстрелом в каюте, если я не пойду на поводу у злодеев. По этой причине я не мог вернуться домой. Они пытались сжечь мой корабль. Когда они покинули судно, я была вынуждена остаться одна и подбирать то одного человека, то другого, чтобы отнести ее домой". Мистер Брэдинхэм пообещал свою жизнь, чтобы забрать мою. Тяжело, что пара негодяев должна лишать жизни подданных короля; они - пара плутов и негодяев. Для меня ничего не значит просить их о чем-либо. Они лжесвидетельствуют во многих вещах; насчет пушек, отданных Каллифорду, это одно; он клялся, что вчера я дал им четыре пушки, а теперь говорит, что только две. Затем он говорит, что корабль отправился из Плимута в начале мая, а раньше он говорил, что это было в апреле. Меня кляли лживые и нечестивые люди".

В качестве защиты от обвинения в убийстве он утверждал, что на борту произошел мятеж, лидером которого был Мур, и неприятности возникли из-за этого факта. В этом его в некоторой степени поддерживает Хью Пэррот, не слишком дружелюбный свидетель, который утверждает, что моряки взяли за оружие против своего капитана во время кризиса *"Верного капитана"*.

В качестве свидетелей он привлек пару старых солей, которые сражались на его стороне против французов и утверждали, что он был смелым человеком.

Что касается девяти простых моряков, то их гуси были приготовлены быстрее. Они защищались, утверждая, что сдались в соответствии с королевской прокламацией, на что судьи ответили, что, поскольку они не сдались ни капитану Уоррену, ни одному из трех специальных комиссаров, они не подпадают под условия этого документа, и им остается только надеяться, что их сдача в данный момент может вызвать милосердие короля. Что было весьма сомнительно. Три из них показали, что находились на борту как слуги конкретных лиц, а не как матросы, работающие на корабле, и они были оправданы.

После очень короткого отсутствия присяжные на каждом процессе вынесли вердикты о виновности всех, кроме трех слуг.

Таким образом, капитан Кидд из вымысла исчезает, но не настолько полностью, как те, кто хотел бы заставить нас поверить, что он вообще не был виновен в пиратстве. Его защита предполагает, что положение дел на борту его кораблей, вероятно, соответствует действительности, но преимущество, которое он мог бы извлечь из такого доказательства, ослабляется несколькими обстоятельствами.

Государство могло согласиться с его утверждением, что корабли, которые он захватил, находились под французской комиссией и имели французские пропуска, которые в то время находились у графа Белламонте в Нью-Йорке. Он мог бы даже признать, что под принуждением своей команды он не смог привести их для осуждения, как того требовала его комиссия. Тем не менее, главным останется то, что он не попытался отчитаться за свою долю грузов, получение которых он не отрицал однозначно.

Его комиссия по захвату пиратов требовала тщательного и точного отчета о каждом захваченном корабле, его грузе, стоимости и всех прочих деталях, не говоря уже о

французских судах, осуждение которых было полностью исключено из его компетенции. Он не пытался объяснить все эти нарушения. Мы рассматриваем только те факты, которые были приведены на суде над ним. Когда мы выходим за пределы протокола и видим, как он вел себя по возвращении домой, становится ясно как день, что он осуществлял в отношении имущества, захваченного с предполагаемых французских кораблей, частную собственность, совершенно несовместимую с этой защитой.

Если *"Куэдаг Мерчант"*, как он утверждал, имел французский пропуск, то та часть его груза, которую он доставил в Ойстер-Бей на судне *"Сент-Антонио"*, не принадлежала ни ему, ни Белламонту, ни Ливингстону, а принадлежала правительству. Нет, дело, похоже, не стоит на месте; никто из участников этого дела, похоже, не был откровенен.

И вот через неделю после вынесения приговора капитан Уильям Кидд был повешен в Казенной пристани, на берегу Темзы, где моряки, отправляющиеся в дальние края, получали прощальное наставление Англии о том, что честность - лучшая политика.

ГЛАВА ДВА

ЧЕРНЫЙ ФЛАГ ИЗ БОСТОНА

Джон Квелч

I

Капитан брига *"Чарльз"* Плаумен искал людей - не просто говядину на конце каната или спину стивидора; моряков, конечно, но нечто большее, чем моряки-моряки. Ведь подобные вещи были немного не по плечу и капитану Плаумену, и его маленькому умному бригу. Бриг и его хозяин занимались прибрежной торговлей, изредка выходя на лондонские рынки. Но гражданская необходимость, вызванная разбойничьими действиями французских и испанских военных судов и каперов, долгое время досаждавших провинциям Новой Англии, привела к тому, что вместо чартера в руки капитана Плаумена попала комиссия, а в трюм и на палубу *"Чарльза"* вместо товаров, пушек и выстрелов попали тесаки, пушки и патроны.

Ибо некоторые достойные купцы Бостона, возмущенные предосудительным французом и его несносным союзником и нетерпимые к медлительности некомпетентности правительства, объединились и купили *"Чарльз"*, чтобы переоборудовать его в каперский корабль для борьбы с врагом. Это был признанный способ взять закон в свои руки. Не следует думать, что это было исключительно самопожертвование, продиктованное чистыми принципами патриотизма. Существовал рабочий шанс вытрясти из захваченного француза что-нибудь стоящее, из чего можно было бы оплатить хотя бы текущие расходы; но в основном это была общественно-духовная мысль, которая должна была привести к гораздо более счастливым и полезным действиям, чем те особые и непредвиденные обстоятельства, которые были допущены.

Получив корабль, купцы добились от Джозефа Дадли, генерал-капитана ее величества, губернатора и главнокомандующего провинции, законного поручения капитану Плаумену, на основании которого тот, как говорится, и приступил к набору команды. Но Пахарь был уже

немолод и в то время был довольно больным человеком. Так что избиением морских птиц по большей части занимались приятели, или "лейтенанты", как их называли, используя своеобразную военную номенклатуру, а именно Джон Квелч и Энтони Холдинг.

Джон Квелч был нетерпеливым, энергичным, авантюрным и способным молодым колониальным моряком, обладавшим рядом превосходных качеств, присущих тем, кто является гордостью морской провинции. Как и мужчины его типа и состояния, он совершенно не боялся ничего, что могло бы предстать перед его пятью чувствами. Когда впоследствии он сказал, что не боится смерти и опасается только великого Бога и будущего, он, несомненно, сказал правду. Жизнь Джона Квелча испортило то, что он не принял во внимание эти два фактора, вызвавшие страх, до тех пор, пока зло уже не было исцелено.

Как бы то ни было, непосредственная слабость Квелча заключалась в том, что его разум был рулем, которым могла управлять любая рука. Энтони Холдинг, весьма злобный, хитрый и презрительный, задумал стать тем рулевым, который должен был подтолкнуть Джона Квелча к скалам гибели.

Холдинг и Квелч в свое время собрали такую свирепую и злодейски выглядящую шайку негодяев, какая когда-либо стояла в доках старого Бостона. Их дальнейшее поведение говорит о том, что они, должно быть, были самой крепкой и выносливой командой, которую когда-либо собирал честный хозяин для разделения на вахты. Если Пахарь, глядя с квартердека на этот сброд, предчувствовал беду, событие должно было его оправдать.

Но это были не те времена, когда хозяин капера мог проявить щепетильность в таких вопросах и укомплектовать свой корабль. *Чарльз* гнил бы у причала в ожидании, пока добрые мещане или сыновья добрых мещан придут и выведут его в море. На такие корабли в такие времена можно было грузить в основном дрейфующую древесину общества, которая инстинктивно вдоль набережной. Энтони Холдинг, во всяком случае, подергал себя за длинные усы и удовлетворенно оглядел толпу.

Морские истребители были хороши, если их можно было держать в бою с другим кораблем. Если перед ними вражеское судно, то нет никаких проблем с тем, чтобы заставить работать разношерстных каперов, а корабль, который каждое утро до завтрака может устроить хороший морской бой, скорее всего, будет довольным судном, чем тем, которое долго бездельничает между схватками, давая свободным джентльменам время выкроить для себя немного необходимых волнений. Мятеж был принят как достойная замена сражению.

Возможно, Пахарь чувствовал себя спокойнее, глядя на скалистые черты Квелча и Холдинга; ведь если когда-либо существовали двое мужчин, занятых нужным делом, то это были именно они. С железными руками и железными нервами они могли справиться с любыми непредвиденными обстоятельствами, которые только могла представить толпа подчиненных. Возможно, Пахарь был из того же рода, но он был больным и стареющим человеком. Он был в руках своих лейтенантов.

Англичане в первом или втором поколении составляли список моряков; командовали галерой Сезар-Помпей, Чарли и Минго, африканцы в первом или втором поколении. Сезар-Помпей и Чарли были призваны на службу; они не вызвались работать с кастрюлями и сковородками на бриге.

Они были рабами некоего полковника Хобби, и Квелч, найдя их на улице, переправил на борт брига. Как видите, он не колебался по пустякам. Конечно, кораблю нужны повара, а здесь

были два чернокожих парня, которые должны были уметь готовить, даже если не умели, так почему бы их не отправить? Зачем беспокоиться о галантном полковнике? Беспокоиться будет его работа, когда "*Чарльз*" будет далеко в море.

Так случайно Сезар-Помпей и Чарли оказались посвящены жизни на океанской волне. Им предстояло много путешествовать и многое увидеть, прежде чем они снова увидят доброго полковника Хобби. Квелч был в некотором роде каторгой.

В августе 1703 года бриг расправил свои квадратные паруса и отчалил от пароходных пристаней Бостона к прохладным просторам океана. Несомненно, достойные купцы и толпа горожан приветствовали его отплытие; вероятно, звучали речи, а может быть, на причале играл городской оркестр. Энтони Голдинг, должно быть, особенно наслаждался этими знаками гражданской признательности.

Согласно приказу, они взяли курс на Ньюфаундленд; но Паумен, который все еще был болен, должно быть, оставил управление кораблем в основном Квелчу, своему непосредственному подчиненному. Все шло как по маслу, когда Квелч и Холдинг с помощью кожаных глоток и кулаков приводили людей к быстрым и эффективным действиям.

Когда они уже неделю как вышли из Бостона, стало ясно, что капитан в плохом состоянии. Вероятно, по его приказу они зашли в один из портов, чтобы получить медицинскую помощь. Бриг встал на якорь, и Квелч сошел на берег в шлюпке.

Теперь на борту среди разбойников была горстка - небольшая горстка - более порядочных моряков, представителями которых были Пимер и Клиффорд. Эти двое начали беспокоиться за капитана, так как день затягивался, а с берега не возвращались ни шлюпка, ни Квелч, ни доктор. Больной все время стонал и находился в состоянии явной крайности. Никто, казалось, не обращал на него внимания, но весь день команда ревела, кричала и ссорилась из-за карт и костей, а на корме у каюты только Холдинг крутился по палубе, заложив руки за спину, озабоченный своими мыслями.

Это стало казаться Пимеру и Клиффорду, по меньшей мере, странным, поэтому ближе к вечеру, когда августовское солнце покраснело за холмами, Пимер и Клиффорд отправились в каюту, чтобы оказать небольшую человеческую помощь. Когда они проходили мимо Голдинга, прогуливаясь по палубе, он странно посмотрел на них, но ничего не сказал.

Очевидно, все было не так, как должно было быть. В сумерках, как ни странно, грубый язык приказал им отойти от каюты. Питер Роуч стоял на страже у капитанской двери, вооруженный выхваченным тесаком. Неужели шкипер распорядился?

Потом они заметили, что дверь каюты была заперта снаружи на болт, в гнездо которого был вставлен марлинский шип, а сам болт давно потерян. Очевидно, это не дело рук капитана.

Пимер и Клиффорд посмотрели друг на друга, как смотрят люди в опасности. Что-то очень злое двигалось вокруг них. В темноте Квелч вернулся в лодку, и между ним и Холдингом раздался шепот. Корабельные огни были погашены, и в свете фонаря виднелось туповатое лицо Питера Роуча, все еще стоявшего на своем зловещем посту. Никто не двинулся к злосчастной каюте.

Питер Роуч, часовой, не мог похвастаться особой чувствительностью. Через некоторое время ему предстояло умереть, не испытывая к себе столь же сильных чувств, как и к бедному Пахарю. Он был автоматом.

И вот эта толпа людей лежала на раскаленной палубе, ожидая смерти капитана. Это были тяжелые часы для Клиффорда, Пимера и еще одного-двух верных людей.

Немного раньше полуночи крики страдальца стихли, и Питер Роуч, не отрываясь от своего поста, так же не отрываясь, пробурчал несколько слов в адрес Холдинга. Взяв фонарь, они с Квелчем вошли в каюту и обнаружили, что природа наконец сделала за них их работу: капитан Плаумен был мертв.

Капитан Квелч, теперь, если вам угодно, по закону и обычаю моря.

Энтони Холдинг откинул свою смоляную косичку в знак гримасы вежливости - место для него было мало, власть - все. И он был властью на этом корабле. Он приказал выбросить тело капитана за борт, как мусор. Затем он собрал всех на талии брига и открыто заявил о том, к чему, несомненно, давно и тайно готовился, - о пиратстве. Предложение было принято с единодушием, которое свидетельствовало о преднамеренности.

У Пимера и Клиффорда не было времени на разговоры, хотя они мужественно пытались протестовать, но безрезультатно, только ставя под угрозу свою безопасность. То, что их сразу же не выбросило за борт, просто удивительно. Единственный вопрос, который волновал эту разбойничью конференцию, - где пиратствовать: один предлагал это поле, другой - то. Кто-то, вероятно Холдинг, убедил их, что Бразилия, бывшая в то время колонией Португалии, и побережье Южной Америки сулят наибольшую выгоду.

Эта политика и ее исполнение были действительно виртуозными. Они должны были быть продуктом тщательных размышлений, основанных на более или менее точной информации. Рассмотрим это с географической точки зрения. От мыса Сан-Августин, где Бразилия упирается локтем в Атлантический океан, до Рио-де-Жанейро тянется одна длинная, непрерывная береговая линия, хорошо населенная даже в начале восемнадцатого века, с многочисленными портами малого и большого значения. Начиная с мыса, пирату нужно было лишь постоянно двигаться вниз по широтам, останавливаясь по мере необходимости, чтобы забрать призы, но никогда не задерживаясь в каком-либо районе и не возвращаясь в него, чтобы быть захваченным. В Рио-де-Жанейро, где должно было закончиться плавание, отплыть подальше от берега и направиться домой. Это был продуманный план и сильный, потому что такой простой.

Голдинг, или кто бы там ни был инициатором южноамериканского круиза, несомненно, внимательно изучил методы капитана Кидда, повешенного за два года до этого в Лондоне. Параллель между пиратством Кидда и Квелча настолько точна, что не может быть более чем случайной. Оба извращенно использовали заказанное судно; оба преодолевали тысячи миль до мест своих действий; оба стремились нанести один быстрый, сильный удар по фортунам и вернуться к респектабельности.

Ни Кидд, ни Квелч не были обычными пиратами, то есть не собирались проникать в определенную местность и охотиться на проходящих мимо торговцев, тратя свои доходы с размахом и рассчитывая не оставлять это дело, разве что, может быть, по несчастью, через королевскую веревку. Кидд сколотил состояние, о котором говорила вся колония, а то, что его за это повесили, лишь доказывает его последующую бесхозяйственность и не ставит под сомнение его реальные методы пиратства.

Опять же, пиратов типа Кидда и Квелча привлекало сочетание двух благоприятных факторов - хорошего морского сообщения и слабого сухопутного правительства. В случае Кидда процветающая индийская торговля не была полностью защищена разлагающимся правительством Моголов, в то время как в случае Квелча купцы восточного побережья Южной Америки были значительно опережены любой властью, которая могла бы гарантировать им мирное развитие.

В середине ноября, то есть чуть более чем через три месяца после выхода из Бостона, *"Чарльз"*, отмотав три тысячи миль пути, прибыл в седьмой градус южной широты, у смелого клюва мыса Святого Августина, и с голодом стал рыскать по морю в поисках добычи.

Квелч был под английскими флагами, и в портах, где он делал первые остановки, он сообщал, что крейсирует против французов и испанцев. Такие разговоры не давали покоя на берегу.

С Квелчем был некий Джон Твист, который либо был завербован в окрестностях Сент-Огастина, либо прибыл из Бостона. Джон был корабельным "лингвистом", как гласило старое причудливое слово - переводчик, и он был тем, кого армейцы могли бы назвать офицером связи между жителями Новой Англии и португальцами. Он также был лоцманом в бразильских водах, но умер до того, как *"Чарльз"* отправился домой, хотя, по-видимому, не раньше, чем привел его к крайней южной цели, Рио-де-Жанейро.

Пятнадцатого ноября, после выхода из мыса и медленного продвижения на юг, пираты остановили небольшое португальское рыболовецкое судно, когда оно проскальзывало в порт, и его груз рыбы и соли был быстро переброшен через фальшборты *"Чарльза"*. Рыба и соль не составляют большого сокровища; на самом деле эта конкретная рыба и соль стоили Квелчу около трех фунтов. Но это была небольшая предварительная работа.

Через три дня бриг оказался напротив Пернамбуко, где прямо на глазах у горожан спокойно забрал небольшое португальское судно в пятнадцать тонн. Оно было набито сахаром и патокой на сумму в сто пятьдесят фунтов. В пересчете на современный фунт это составит около шестисот семидесяти пяти долларов, но, конечно, следует отметить, что в те времена за такое количество серебра можно было купить гораздо больше, чем в наши дни.

Джон Твист уговорил двух белых и одного негра из команды в пять человек записаться в пираты. Квелч, несомненно, испытал то же самое, что и Кидд со своей первоначальной командой; постоянно происходило выбытие из-за болезней или дезертирства, и численность команды приходилось поддерживать, набирая по мере возможности людей с захваченных кораблей.

Тех, кто не желал присоединиться к *"Чарльзу"*, в большинстве случаев возвращали в лодки и разрешали идти дальше. Убивать тех, кто отказывался идти с ними, пиратам было совершенно не нужно, ведь к тому времени, как они вернутся в порт и организуют погоню, *"Чарльз"* уже будет далеко впереди них на юге.

Пятнадцатитонный бриг с сахаром и патокой на борту Квелч оставил себе и сделал его "тендером", как он его называл, для *"Чарльза"*, создав таким образом своего рода флот, с бостонским бригом в качестве флагмана и Джоном Квелчем в качестве адмирала.

Широты семь и восемь градусов южной широты принесли две жертвы; двадцать четвертого ноября они оказались в широте девять градусов южной широты и, пройдя вокруг локтя Бразилии, все еще находились вблизи мыса Святого Августина.

Под мысом они захватили еще один португальский бриг, на этот раз в сорок тонн. Он шел с плантаций в Пернамбуко, груженный сахаром и патокой на сумму около восьмисот долларов. Мы живо вспоминаем первые уловы Кидда, которые так часто состояли из небольших шлюпов, перевозивших масло, кофе и опиум.

Захват этого корабля, дерзко осуществленный в пределах видимости от суши, был крутым делом. Квелч с Джоном Твистом, лингвистом, возглавил захват, который прошел без сопротивления со стороны португальцев. Два или три дня ушло на то, чтобы перегрузить груз на "*Чарльз*", после чего судно было выброшено, как выжатый лимон, чтобы как можно лучше вернуться в порт. Через Твиста Квелч сообщил португальцам, что "*Чарльз*" - французский корабль и что португальцы, будучи союзниками англичан, попали в печальные перипетии войны. Еще один трюк из сумки Кидда.

Айзек Джонсон, голландец, совершил главное преступление на пиратском корабле: он слишком много болтал. Так или иначе он рассказал португальцам правду о Квелче. Пулеметчик Мур погиб от рук капитана Кидда из-за смертельной гибкости губ, и Айк Джонсон тоже, хотя и не так жестоко, был поставлен в пример решительным Квелчем.

Всех подняли на палубу, но не свистком боцмана, а трубой, в которую громко трубил похищенный, но явно не унывающий Сезар-Помпей, который к работе повара добавил еще и работу корабельного трубача. Джонсона вывели вперед и привязали за запястья к решетке, а Энтони Холдинг, со злым умыслом и непрерывно, положил конец веревки на голую спину Айка и таким образом наставлял его в мудрости молчания. Это была одобренная морская манера назидания.

Декабрь привел их на тринадцатый градус южной широты и рано утром подарил им две банки рома, немного льна и мелочь из глиняной посуды, снятой с шалопа. Это была самая маленькая килька, попавшая в их сети за время плавания. Она была взята на тендер, и, будучи обездоленной, отправлена в путь.

В тот же день тендер захватил еще одно небольшое португальское судно. Оба захвата были прямо под пушками форта Мора, так близко, что флаг, развевающийся над фортом, был хорошо различим. Находясь слишком близко к форту, чтобы подвергать его ненужному риску, Квелч завел захваченную лодку и пустил ее с бульканьем и пузырями в зеленую Атлантику. Ее команда поднялась на борт "*Чарльза*", возможно, в качестве новобранцев.

С корабля они взяли большое количество разноцветного шелка, и вскоре экипаж "*Чарльза*" был галантен и живописен в шелковых бриджах и рубашках, - конечно, самодельного покроя и пошива, но не менее приятных для носящих.

Следующее место захвата находилось на тринадцатом градусе южной широты, ниже Моря. Здесь маленький тендер захватил двадцатитонный бриг, с которого было взято незначительное количество риса и раб-негр. Негра звали Иоахим, но похитители окрестили его Куффи и передали в распоряжение Цезаря-Помпея в качестве прислужника. Кроме того, на борту находился молодой человек с холщовым мешком, в котором было двести пятьдесят долларов золотыми монетами. Молодому человеку разрешили оставить холщовый мешок себе.

По сложившейся торговой моде пиратская команда работала на паях, то есть после вычета общих расходов большая часть шла Квелчу и, разумеется, Холдингу, а незначительные части награбленного распределялись по головам. Все взятые наличные сдавались на хранение квартирмейстеру, чтобы накопить их для будущего раздела; товары, такие как сахар и прочее, вероятно, продавались в портах, а выручка поступала в казну, как это делал Кидд в Ост-Индии.

Куффи, фланкировка, не подлежащая разделу, была продана на аукционе у мачты тому, кто предложил наибольшую цену, которым оказался некто Бен Перкинс. Цена была брошена в общий котел. Продажа Каффи принесла в кассу сто долларов.

II

Без особых происшествий через десять градусов пути "*Чарльз*" и его тендер оказались на двадцать третьем градусе широты и в рождественскую пору года. К этому времени они были уже довольно далеко на юге. Еще один из этих бесчисленных маленьких португальских бригов попал к ним в лапы. Хотя его вес составлял всего двадцать пять тонн, его груз стоил несколько сотен фунтов.

В это время они находились у острова Гранде и бились недалеко от берега. Обогнув мыс, они увидели перед собой поселение Гранд-Айленд и пару бригов, стоявших на якоре в бухте. Квелч покинул свой флагманский корабль, перешел на тендер и неосмотрительно направился к одному из этих пришвартованных бригов.

Когда тендер подошел ближе, все находившиеся на борту увидели, как от португальского брига поспешно отчалила лодка и направилась к городу. Очевидно, туземцы заподозрили, что приближающийся тендер не сулит им удачи. Квелч и его люди, должно быть, ухмылялись, глядя на этот легкий захват, и, несомненно, удивлялись, почему дезертиры не бросили свой корабль, а не отдали его в руки неизвестного врага.

Квелч уже приблизился к своей добыче, когда, к его удивлению, над фальшбортом поднялось большое, красное, неподвижное, как раннее солнце, лицо. Один человек, очевидно, оставался в качестве приемной комиссии, и он точно не был португальцем.

Он заявил, что является голландцем, когда пираты перевалились через борт его корабля и сгрудились вокруг него, сверкая своими новыми шелковыми бриджами и грозно потрясая тесаками и пистолетами.

Этот беспечный голландец, похоже, был далеко не темпераментным и совершенно не умел нервничать. Он небрежно сплюнул за борт и поинтересовался, кто это такие, что так набросились на чужой корабль. Он без труда нашел среди пиратов тех, кто мог достаточно сносно говорить по-голландски, чтобы с ним поладить. Он добавил, что на корабле есть неплохой выигрыш - сахар на сумму в сто пятьдесят фунтов, золото, серебро и португальские монеты еще примерно на пятьдесят. Это была не его собственность.

Он привалился к мачте, тупо наблюдая за тем, как сахар переходит от португальцев к *Чарльзу*, подтянутому для этой цели поближе. Он без малейшего выражения отметил прекрасные шелковые бриджи этих матросов и задумчиво посмотрел на свою собственную

холщовую одежду. Шелковые бриджи, да? Он медленно прошелся по палубе в тяжелом раздумье.

Шелковые бриджи. С последним грузом голландец отправился на корабль. Он чувствовал себя как дома, и Квелч видел в нем ценность как в лоцмане, переводчике и необычайно хладнокровной руке.

Чарльз и его тендер вышли в море, оставив маленькому городку Гранд-Айленд запас провизии на десять лет вперед. Голландский новобранец много беседовал с людьми. И все это время он обдумывал новую ситуацию.

Он хотел сразу же перейти к определенным деловым отношениям. Он тщательно оценил накопленную добычу и узнал о денежных запасах квартирмейстера. Это было бы очень хорошо; у него тоже будет пара шелковых бриджей. Он потребовал себе полную долю всего - прошлого, настоящего и грядущего.

Об этом требовании заговорили на всех кораблях. Оно росло и росло, пока не раскололо гармонию плавучего сообщества. Наконец в пустынной бухте, где лес темной полосой спускался к серебристому берегу, все было выяснено.

Всех поднял на руки тот, кто носил громоздкие старинные титулы. Голландец твердо и недвусмысленно изложил свои условия. Кто-то высказался за них, кто-то против, и в конце концов было проведено голосование "за" и "против". Большинство решило, что голландец не имеет права на полную долю.

Он покрутил фунт табака в волосатой щеке и посмотрел на небо. У него был козырь, и он очень смело его разыграл. Он заявил, что его условия будут выполнены, иначе он сообщит обо всем. Непонятно только, на кого он донесет; неясно и то, какой вред доносчик может нанести людям, которые грабят прямо под пушками фортов и снимают корабли с якоря в двух шагах от города.

Этот голландец был либо чрезмерно глуп, либо необычайно смел. Как моряк он должен был видеть, что люди, с которыми он имеет дело, не робки и не ласковы; никогда за все годы плавания он не смотрел прямо в глаза столь суровому сборищу, как тогда. И все же он стоит там совершенно один и подкрепляет свое требование не молитвой, а угрозой. Это один из самых любопытных морских инцидентов.

Конечно, такого парня нужно убрать с дороги. На этом же собрании обсуждались методы и средства, и снова было проведено голосование - на этот раз по поводу того, что делать с голландцем. Большинство постановило, что он должен быть выброшен на берег здесь и сейчас.

Голландцу приказали перелезть через борт и сесть в лодку. **Его вытащили на берег и оставили с ружьем, порохом и дробью.** Он смотрел на удаляющуюся лодку, засунув руки в карманы парусины, а в щеке разворачивалась скрутка табака. Если они не могут принять деловое предложение, значит, он не может иметь с ними дела, и это все.

Возможно, ему повезло. Он не получил пару шелковых бриджей, но и не получил пенькового галстука.

III

В двух милях от берега, на небольшом расстоянии от Спирито Санкту, держа курс на Рио-де-Жанейро, место назначения, португальская бригантина приличных размеров и скорости должна была стать самым лучшим призом для банды пиратов из Новой Англии в пределах тысячемильного плавания. Она стала для Квелча тем же, чем был "*Купец Кведаг*" для капитана Кидда, - венцом и кульминацией его пиратской карьеры.

На борту бригантины все было весело, как в свадебном колоколе, как гласит старая поговорка. Кроме команды, на борту находились две красивые и очаровательные пассажирки, дамы местного значения, направлявшиеся в Рио по одному из многочисленных поручений, которые привлекают дам в соседние центры моды, будь то во Франции, Ост-Индии или на побережье Бразилии. Можно представить себе, как приятно проходят вечера под песни, музыку и неизбежные танцы.

А по водным путям приближались бриг и тендер с иностранцами, которые, если бы увидели содержимое португальского клада, были бы вне себя от предвкушения.

Все было так просто. Лодка *Чарльза* с десятью людьми подплыла к португальцам, когда те остановили ее. Вероятно, португалец не подозревал о пиратстве; возможно, он даже перебросил через фальшборт веревочную лестницу, чтобы помочь своим врагам подняться на борт.

По бокам пиратских кораблей сидели жители Новой Англии, безучастно наблюдая за ходом ограбления. Они рассуждали о том, что здесь, вероятно, находится еще один груз сахара, патоки и кофе. Обещалась еще одна унылая работа стивидора. В конце концов, пиратский бизнес был довольно медленной работой; по большей части это была низкооплачиваемая каторжная работа, которая, конечно, не стоила того, чтобы рисковать шеей.

Кто-то из португальцев резко взмахнул рукой. Квелч спустился в шлюпку тендера, чтобы проверить. Не было слышно ни звуков драки, ни шума борьбы, но происходило что-то существенное.

Не встретив сопротивления, он взобрался на борт "*Португальца*", прошелся по его палубе, затем вернулся через борт и сел в свою лодку, неся, однако, два мешка, достаточно тяжелых, чтобы вырвать шнуры из его предплечий.

В каждом из этих мешков было по пятьдесят фунтов золотой пыли!

От *Чарльза* до тендера разгорелось неистовство. Люди прыгали, танцевали и кричали, а круглый толстый кувшин с ромом весело переходил из рук в руки. Их состояния были сделаны!

Йо-хо-хо, пиратская жизнь!

Морские разбойники были настолько добродушны, что отнеслись к двум португальским дамам с изысканным вниманием, а к разоренной команде - с терпимостью. Они продержали их всю ночь на "*Чарльзе*", а с наступлением утра вернули их на корабль и велели отчаливать.

Через три дня квартермейстер, плотник и капитан, составившие комитет по разделу прибыли, приказали установить на квартердеке пару весов, на которых каждый взвешивал свою долю очаровательной пыли. К этому добавился небольшой бонус в виде хороших,

крепко звенящих португальских золотых монет, которых набралось на эту очень выгодную находку на сорок пять сотен долларов.

Насытившись ощипанным золотом, "*Чарльз*" и ее тендер стремительно умчались со сцены и нигде не останавливались, пока не оказались у южной оконечности бразильского побережья и в окрестностях Рио-де-Жанейро.

Квелч уже был готов закончить работу. Большая сенсация была сделана, и к этому времени побережье, должно быть, стало для него немного теплым. Тревога, конечно, была поднята, ведь на последнем судне, которое он атаковал, - португальском двухсоттоннике со шкурами и другими товарами - он встретил свой первый настоящий бой. Это судно не остановилось на призывный выстрел Квелча, а набросилось на парус и поспешило скрыться, показав тем самым, что капитан Бастиан, ее хозяин, был предупрежден о характере брига "*Новая Англия*" и ее тендера.

После двухдневного преследования пираты подтянулись к нему, и португальцы после резкой перестрелки сдались. Когда пираты поднялись на палубу, произошла стычка с капитаном Бастианом, который был застрелен, а его тело выброшено за борт. Вспоминая этот инцидент, несколько негодяев претендовали на честь застрелить Бастиана, но после ссоры, едва не дошедшей до драки, героем этого черного дела был признан Купер Скадамор - судя по всему, мелкий зачинщик.

Похитители забрали шкуры, сало и говядину, а затем покинули португальцев. Они уже были готовы к возвращению домой, и маленький тендер, проделавший с ними тысячу миль, был разобран и отправлен в плавание на какой-нибудь бразильский пляж. А "*Чарльз*" развернулся и поехал на север, в Бостон, домой, но не к матери. В конце февраля 1704 года они отчалили от Рио-де-Жанейро, завершив активное пиратство, длившееся около трех месяцев, а может, и три с половиной.

Безусловно, возвращение Квелча в Бостон с бригом добрых купцов и без трофеев врагов Англии, но с позором союзника Англии, Португалии, выглядело безрассудно. Это было так же безрассудно, как и выглядело; но простое безрассудство никогда не беспокоило Джона Квелча.

Возможно, пряжа, которую они с Энтони Холдингом сплели вместе, придала ему уверенности в том, что иначе у него не было бы. Это было правдоподобно. Все должны были сказать, что капитан Плауман умер естественной смертью, что верно лишь отчасти; что после этого, когда они крейсировали за французами согласно поручению Плаумана, которое теперь выполнял Квелч, они отбились от берега до Бразильского пути.

Здесь они встретились с прибрежными индейцами, которые рассказали им, что в этих краях недавно потерпел крушение богатый португальский бриг, с которого индейцы получили большие сокровища, частью которых были золотая пыль и дублоны на "*Чарльзе*", подаренные Квелчу и его людям приятными туземцами, не имевшими представления о ценности этих вещей.

Вероятность того, что банда могла выйти сухой из воды с этой историей, была более чем велика. Никто не мог их проверить, да и само происшествие было не таким уж невероятным: подобное *могло* случиться в тех далеких морях.

Проблема Квелча заключалась в том, что он постоянно носил с собой информаторов и привозил их в Бостон. Пимер, Клиффорд и еще один-два верных человека просто ждали своего часа. И Квелч это знал.

У Бермудских островов, возвращаясь домой, Квелч разыскал дневник, который, как известно, вел Пимер, и вырвал из него пять или шесть листов с записями о различных пиратствах от Сент-Огастина до Рио. Вероятно, Квелч рассчитывал, что страх за собственную безопасность заставит всех молчать, когда они доберутся до Бостона.

Он ошибся. После дальнего плавания "*Чарльз*" недолго стоял в доке, когда Квелч и несколько моряков были арестованы, а корабль присвоен. Можно не сомневаться, что Пимер и Клиффорд или один из них поспешили к губернатору и сообщили об этом.

Дело было сделано. Энтони Холдинг, злой гений этой авантюры, предусмотрительно собрал свою часть награбленного и скрылся, не дожидаясь, без сомнения, неизбежного и неотвратимого приближения служителей закона.

Не то с Квелчем. Для него не существовало никаких уловок. Со всеми обстоятельствами законного делового человека он отправился в лавку одного из ведущих ювелиров Бостона и переплавил там некоторое количество португальских золотых и серебряных монет. Возможно, он возился с тиглями ювелира, когда грубая рука офицера ударила его по плечу.

Капитан Кидд был последним из колониальных пиратов, которого отправили на родину в Англию для суда. После этого правительство разрешило проводить такие процессы в самих колониях, поскольку расходы на перевозку обвиняемых и свидетелей через Атлантику были слишком велики. 13 июня 1704 года Квелча и группу его пиратов судили за убийство и пиратство на "Адмиралтейском суде, состоявшемся в Бостоне, в провинции Ее Величества Массачусетс-Бей в Новой Англии, в Америке".

Обвинение вел генеральный прокурор провинции, которому помогали видные советники королевы; защиту осуществляли сами обвиняемые с помощью мистера Мензиса, адвоката, назначенного судом для помощи им "в любых вопросах права". Следует помнить, что в те времена обвиняемому в уголовном деле не полагался адвокат для выяснения обстоятельств дела, а лишь для консультирования по вопросам юридической практики, и в большинстве случаев его единственной задачей было уверить обвиняемых, что все, что с ними делают, происходит по закону.

Обвинительное заключение состояло из девяти статей или пунктов, начиная со смерти капитана Плаумана и заканчивая захватом бастианского судна у Рио. Фактом обвинения в убийстве стала смерть Плаумана.

Пимер, Клиффорд и человек по имени Паррот выступили в качестве свидетелей королевы. Чувство презрения, которое принято испытывать к доносчику, не может быть распространено на этих людей; ведь их действия здесь вполне соответствовали их позиции с самого начала, которая, как мы видели, не скрывалась даже от пиратов. Они никогда не одобряли совершенных дел и не делали вид, что одобряют. Это не обычные информаторы.

Мы должны снять шляпу перед адвокатом Мензисом. Он отлично справился с задачей. Он показал, что не боится ни суда, ни совета, и отстаивал своих клиентов, когда более политичные адвокаты отступили бы. Он действительно победил обвинение.

Дело было так. Поручение этому адмиралтейскому суду было выдано в соответствии с парламентским актом, который предусматривал, что его разбирательство должно

осуществляться в соответствии с так называемым гражданским правом, которое отличалось от процедуры обычных уголовных судов, будучи изначально заимствованным из старого римского права. Так вот, по гражданскому праву, при рассмотрении дела о пиратстве сообщник не мог быть свидетелем против обвиняемого, а Пимер, Клиффорд и Пэррот технически были сообщниками. У Мензиса тоже была глава и книга.

Господин генеральный прокурор опирался на акт Генриха Восьмого, но если бы Мензис имел современный суд, его доводы были бы верны. Не то чтобы это был современный принцип права; но современный суд по тем же правилам, что и этот старый суд, согласился бы с Мензисом. Председатель совета, провинциального совета, составляющего этот адмиралтейский суд, подстраховывался и отмахивался.

Мензис был и юристом, и человеком, но у него не было суда, в котором он мог бы рассматривать свое дело. Все, что мог видеть совет, - это дело о пиратстве, причем с соблюдением формальностей. Все бы ничего, конечно, если бы формальности не существовали для защиты невиновных. Квелч, несомненно, был виновен, если верить сплетням, ходившим по Бостону, но невиновен, если судить по его делам.

Квелч ничего не сказал. А если бы и сказал, то ничего хорошего для себя не сделал. От имени суда можно сказать, что, хотя он и ошибся, допустив Пимера, Клиффорда и Пэррота в качестве свидетелей, были представлены и другие доказательства, которые пошли на пользу делу, хотя это и не освобождает суд от использования ненадлежащей процедуры в той части, которая была показана.

"Виновен", - сказал совет. Сезар-Помпей и другие негры были освобождены от должности вместе с горсткой людей, которые показали, что отплыли по принуждению.

Двадцать человек, включая Квелча, были приговорены к смерти; шестеро из них были повешены на "реке Чарльз, со стороны Бостона, 30 июня 1704 года". Это были Джон Квелч, Джон Ламберт, Кристофер Скадамор (бондарь, который хвастался, что застрелил капитана Бастиана), Джон Миллер, Эразм Петерсон и Питер Роуч (автоматчик). О судьбе остальных четырнадцати человек ничего не известно; возможно, приговоры им были смягчены.

Об исходе дела лучше всего расскажет тот, кто его видел.

"В пятницу, 30 июня 1704 года, в соответствии с приказом, содержащимся в смертном ордере, вышеупомянутые пираты были выведены из тюрьмы в Бостоне под охраной сорока мушкетеров, констеблей города, маршала-провокаatora и его офицеров, а также двух министров, которые с большим старанием подготовили их к последней статье их жизни. Им было позволено пройти пешком через весь город до пристани Скарлет, где, неся перед собой серебряное весло, они отправились по воде к месту казни, будучи со всех сторон переполненными и запруженными толпами зрителей.

"На месте казни они произнесли следующие речи, а именно:

"1. Капитан Джон Квелч. Последние слова, которые он сказал одному из служителей, когда поднимался на помост, были: "Я не боюсь смерти; я не боюсь виселицы; но я боюсь того, что последует за ней; я боюсь великого Бога и грядущего суда".

"Но впоследствии ему казалось, что он слишком мужественно сопротивляется этому страху; кроме того, когда он выходил на сцену, то сначала снимал шляпу и кланялся зрителям, а не

беспокоился и не вел себя так, как подобает умирающему, как это делали бы некоторые". Священнослужители на пути к его казни очень хотели, чтобы он прославил Бога во время своей смерти, дав должное свидетельство против грехов, погубивших его, и за пути религии, которыми он сильно пренебрегал. Однако теперь, когда его призвали сказать то, что он хотел сказать, он лишь сказал: "Господа, мне осталось говорить совсем немного; вот что я хочу сказать: я хочу, чтобы мне сообщили, за что я здесь; я осужден только по обстоятельствам; я прощаю весь мир, да будет милостив Господь к моей душе".

Когда Ламберт предупреждал зрителей, чтобы они остерегались дурной компании, присоединившийся Квелч сказал: "Им также следует позаботиться о том, как они ввозят деньги в Новую Англию, чтобы быть повешенными за это".

"2. Джон Ламберт. Он выглядел сильно ожесточенным и много убеждал в своей невинности; он просил всех людей остерегаться дурной компании; он казался в большой агонии перед казнью; он много и часто взывал к Христу о прощении греха, чтобы Бог Всемогущий спас его невинную душу; он просил прощения у всего мира; его последними словами были: "Господи, прости мою душу. Прими меня в вечность. Благословенное имя Христа, прими мою душу!"

"3. Кристофер Скадамор. Он выглядел очень раскаявшимся после осуждения; очень старался улучшить момент, когда шел к месту казни.

"4. Джон Миллер. Он выглядел очень обеспокоенным и жаловался на большое бремя грехов, за которые ему приходится отвечать; часто повторял: "Господи, что мне делать, чтобы спастись?"

"5. Эразм Петерсон. Он плакал о несправедливости, допущенной по отношению к нему, и говорил: "Очень тяжело, когда жизни стольких людей отнимаются за небольшое количество золота". Он часто говорил: "Его мир заключен с Богом, и его душа будет с Богом", но при этом с огромным трудом прощал тех, кто, по его словам, обижал его; он сказал палачу, что он сильный человек, и молился, чтобы его поскорее избавили от страданий".

"6. Питер Роуч (автомат). Он выглядел мало обеспокоенным и говорил мало или совсем ничего.

"Фрэнсис Кинг также был доставлен к месту казни, но его отпустили".

У многих людей много ума. Одному человеку небольшое обстоятельство принесет чувство моральной ответственности, другому покажется, что нравственность пробуждается только после такой катастрофы, как мрачная виселица.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОРСКОЙ УЖАС

"Черная борода"

I

Если вы хотите узнать настоящего пирата, настоящий ужас морей, познакомьтесь с мистером Черной Бородой; в детстве его звали Эдвард Тэтч, или Тич, что вряд ли было невинным. Маленького Эдварда, должно быть, кормили медными опилками, а зубы резали железными гвоздями, потому что он вырос последовательным и абсолютным злом. Возможно, он упал, когда младенцем, и повредил голову, или, что более вероятно, родился с пороком; ведь ни один здравомыслящий, нормальный человек не мог бы стать таким диким и злым.

Именно его, а не Кидда, вы имеете в виду, когда думаете о пирате. Он был самым настоящим, ходящим по доскам, бродящим по морям, разбойничающим мальчишкой семи морей; Билл Кидд и Джек Квелч, столь далекие от его класса, едва ли были бы терпимы им как обычные моряки под "черным флагом с человеческой шкурой", который наводил ужас на мореплавателей старых времен. Чтобы заслужить его желтогубую ухмылку одобрения, нужно было быть абсолютно, безоговорочно бесчеловечным.

Черная борода! Лучше всего с ним ладили те, кто обращался к нему по этому красивому имени. Он совсем не любил "мистера Тэтча". Черная Борода для всех и каждого, для всех и каждого, ибо его гордость, его удовольствие, его жизнь заключались в его бороде; огромный куст, необычайно, странно, удивительно черный; огромная копна волос, действительно начинающаяся у ушей, переходящая в нос и заканчивающаяся коленями, - обычные джунгли, из-за которых выглядывали его покрытые венами и пьянством глаза, как у зверя, высматривающего добычу, а длинные кожистые губы скривились от жажды крови. Очень симпатичный парень.

Он мог не найти времени, чтобы помыть нос - единственный островок кожи в этом море волос, - но ни один час не был слишком долгим или утомительным, чтобы потратить его на завивку, укладку, вытягивание и скручивание бороды в самые фантастические формы и эффекты. В один день он выходил на палубу с подбородком, служившим осью для полудюжины спиц туго закрученных усов; в другой - это мог быть один большой шпиль, торчащий наружу и вверх в виде символа единорога. Практически у него была своя мода для любого настроения, особенно для воинственного.

Людям приходилось держаться подальше от его каюты, когда шкипер подравнивал бороду для драки. Он был первым патентообладателем пугающей внешности. Это была его специальность. Когда грозила опасность, эти усы приобретали непередаваемую свирепость.

Но и это еще не все; у него были и другие художественные штрихи в ряду кошмаров. Например, длинные, тонкие, медленно горящие спички, которые он втыкал вокруг головы, под шляпой - они горели так, будто ад извергнул демона; три пистолета за плечами, два кортика в блестящем карибском поясе и тесак, который никогда не заикался. Глоток сырого ямайского рома - и он готов был съесть их живьем.

Как приятно наблюдать за ним, сочащимся через фальшборты в одно прекрасное утро! Неудивительно, что Атлантика, где с одной стороны она омывает вест-индские пляжи, а с другой - берега Каролины, со страхом шептала его имя.

Силам правопорядка предстояла большая работа, чтобы поймать эту птицу.

II

Январь 1718 года был счастливым месяцем для Каролинских островов. Именно тогда Черная Борода, прибывший из Вест-Индии через Новую Англию и североатлантические провинции, решил устроить свою нору в заливе Окрэкок, что на острове Памлико-Саунд в Северной Каролине.

Не то чтобы Черная Борода пришел с нахлобученной шляпой, с бородой, прославляющей раздоры, и с тесаком, предвещающим скорую и верную смерть. О, Боже, нет! Это предположение было бы весьма далеким от действительности, ибо Черная Борода прибыл в Каролину, чтобы перевернуть новый лист; оставить нечестивые обычаи, которые сделали его королем злых Индий; поклясться черным флагом; в целом изменить свой путь; в частности, принять Закон.

"Принять закон" - шутка, любимая всеми лучшими пиратами. Она была особенно хороша после выгодного грабительского похода; в каком-то смысле она была и полезна, поскольку давала возможность потратить свои деньги в соленой воде, не вступая с кем-то в драку каждые пять минут. Взять "Закон" было единственным способом для трудолюбивого пирата получить отпуск.

Действовало это примерно так: У английского короля Георга Первого в это время были проблемы со шведами, и, как следствие, британский флот был заперт на Балтике; его беспокоили и купцы Лондона и колоний, которые были весьма озабочены пиратскими набегами.

Оказавшись в полном бездействии, британское Адмиралтейство вернулось к старой схеме помилования, опробованной во времена капитана Кидда и оказавшейся настолько успешной, что менее чем через двадцать лет эта жалкая затея была повторена.

Если в течение года с момента прокламации любой пират сдастся любому из колониальных губернаторов короля и поклянется отказаться от своих преступных деяний, то все прошлое будет прощено и забыто. Слабость этого плана, конечно, заключалась в том, что человек, которого вы не можете поймать, не будет особо заботиться о вашем помиловании. И еще одно - слово пирата мало чем могло сравниться с залогом.

Но мальчишкам нравился этот Акт милосердия, как его называли, а некоторые, как известно, даже соблюдали его условия. Разумеется, нельзя было ожидать, что ведущие бизнесмены воспримут его слишком серьезно.

Черная борода хотел немного отдохнуть после долгих лет непрерывной работы. К тому же на дворе был январь, сезон новых решений; почему бы не начать год правильно?

Они все это обсуждали, идя по побережью Вирджинии - неподалеку от того места, где они слышали о прокламации, - и всем это очень понравилось. Они стали торжественными, серьезными, немного выпили и решили расстаться. Появился шанс стереть все с лица земли и начать все заново.

Они бросили якорь в заливе Окрэкок и отправились принимать Акт. Давайте и мы пойдем с ними.

Ловкие ребята, не правда ли? Посмотрите, как бугрится и играет мускулатура под яркими шелковыми рубашками; как колоннообразно вдаются смуглые шеи в выпуклые плечи; в

прекрасном, идеально-розовом состоянии каждый из них; сильные, вы можете легко заметить; сильные везде, то есть, кроме головы. Там она слабая, удручающе слабая.

И в сердце тоже, потому что они действительно плохи, способны на любое зло, за которое их окружение и ранние ассоциации могут смягчить, но не оправдать их. По правде говоря, это порождения темного века; эти люди верят в ведьм и боятся свистеть на борту корабля, чтобы не раздуть бурю. Большинство из них - англичане, а также испанцы и французы, которых мало заботит международная вражда, и все они состоят в преступном содружестве. Вы можете услышать диковатый говор йоркширцев, шипящие "з" западноанглийцев, тональность того, что чуть позже станет кокни, и жаргон, состоящий из множества языков, основанный на английском.

Обратите внимание и на этих негров с Барбадоса и других островов Индийского архипелага, детей рабов, привезенных совсем недавно из Африки на плантации. Их не берут в матросы даже на пиратские корабли, они - подсобные рабочие, чья основная работа - постоянно держать у насосов. Но все это кажется им забавным: посмотрите, как они смеются, шутят, прыгают с небывалой энергией, пока огромные золотые кольца в их ушах, золотые цепи на шеях и тяжелые металлические браслеты на запястьях не зазвенят и не зазвенят от их движений. Эти украшения нравятся и белым, и черным; а как им идут эти широкие многоцветные пояса и шелковые чулки под бриджами длиной до колен!

Так и катятся они, по-морскому, напевая и резвясь, к маленькому каркасному домику, где царствует слуга владельцев и хозяин колонистов, его превосходительство губернатор Иден. Во главе их идет самый странный из всех странных морских существ, эта мощная обезьяноподобная фигура, облепленная волосами, - все они завиты в сотни колец, намазанных поматумом, - похожая на существо из дурного сна.

Они без страха вваливаются в особняк; во всеоружии и вместе они ничего не боятся ни на море, ни на берегу. Но никто и не думает с ними возиться: здешние жители привыкли видеть все гротескное, вымытое морем; к тому же у этих людей много знакомых среди жителей, ведь не мало их приплыло из этих краев.

Входит губернатор Иден, плотный, в лондонском жилете из цветистого шелка, в стильных французских туфлях и перуке, в белой пудре. Он слегка задыхается от набившейся в комнату толпы и бросает резкий взгляд на Тобиаса Найта, секретаря провинции, который минуту назад царапал своим пером обнадеживающую историю о привилегиях для проприетарщиков дома, а теперь нервно перебирает шпагу, чтобы она была удобнее на его круглых толстых коленях. Ни он, ни губернатор не видели ничего подобного на старом Пэлл-Мэлле.

"Принять закон, ваша честь", - прорычал Черная Борода, оглядываясь на представителей власти.

"Есть", - хором, по-лягушачьи, подхватили его громилы.

Вскоре дело было сделано. С поднятыми вверх правыми руками все клянутся завязать с пиратством. Они приходят детьми веревки, а уходят свободными и законопослушными людьми. Все очень просто.

Все уходят, кроме Черной Бороды.

"Я спасаю корабли, ваша честь", - гремит этот джентльмен, раскинувшись на стуле так, что его борода, словно покрывало, струится по его лицу, а все ее причудливые завитки, колечки и завитушки танцуют при каждом движении подбородка. "Мое настоящее ремесло, ваше почтение, - спасатель кораблей. Возможно, у меня будет здесь дело. Потерянные корабли - вот что я ищу, а потерянные - нахожу."

"Нет нужды терять хороший корабль, пока Черная Борода рядом, чтобы вернуть его домой. Не стоит оставлять потерянный корабль дрейфовать, пока эти грязные морские псы-пираты не перебьют его. Закон гласит, что о потерянных кораблях нужно сообщать губернатору, и теперь я подчиняюсь закону".

"Что вы имеете в виду, капитан?" - спросил губернатор. "Вы снимаете их со скал?"

Зрительный зал - если его можно так назвать - сотрясается от смеха посетителя.

"Вы не знаете скал, ваша честь, прошу прощения; скалы ничего не оставляют в покое, пока не прибьются. Пустынные корабли я подбираю; корабли, в которых есть немного воды, не всегда идут ко дну так быстро, как боится хозяин."

"Вот тут-то я и прихожу на помощь. Попался мне такой корабль, я пришел к вам. Я говорю: "Ваша честь, я спас корабль". Ваша честь говорит: "В соответствии с законом, я объявляю, что у вас есть право на его спасение". Я продаю ее за хорошую цену. Мне говорят: "Губернатор, его честь, много работает; он должен получить свое жалованье". Я говорю: "Ваша честь, возможно, примет небольшой подарок". "Капитан Черная Борода, - говорит, - выпейте рому". Мы все встали и выпили за здоровье короля".

Губернатор Иден ловко хлопает в ладоши, и чернокожий слуга вскакивает.

"Парень, принеси мадеру и стаканы на троих".

III

Губернатор Иден в своем коррумпированном попустительстве Черной Бороде не был представителем общественного мнения Каролинских островов в 1718 году. Владельческие провинции - так они назывались незадолго до революции, которая подчинила их непосредственно короне, - устали от пиратов.

Это долгая история, но очень интересная. Суть ее в том, что Каролина в своих интересах возвращала пиратов, пока со временем они не стали представлять угрозу. С середины шестнадцатого века южные провинции стали местом базирования целой плеяды каперов, которые по королевским заказам бороздили воды испанского Майна для месье ле Роя, как называли французов, или испанских донов.

Эти парни с марковыми письмами действительно некоторое время защищали детские колонии от этих двух прожорливых волков, но, естественно, если дела в законной линии их писем шли неважно, они были склонны принимать прапорщика Святого Георгия за Флер-де-Лис, и таким образом поддерживали свои руки на практике, разоряя как друзей, так и врагов. Слишком часто они легко переступали тонкую грань, отделявшую капера от пирата, так что

менее чем через полвека Чарльз-Таун, трепетавший перед французскими и испанскими вторжениями, теперь в равной степени опасался пушек своих бывших защитников - пиратов.

Английские навигационные законы, отдавшие связанные по рукам и ногам провинции в жесткие кулаки английских купцов, не в малой степени способствовали развитию пиратства, ведь морские разбойники приходили в город с трюмами, набитыми всевозможными товарами, и продавали их колонистам за вычетом пошлин и поборов, создавая тем самым один из самых дешевых рынков в мире. Их покупатели по всему побережью встречали их с радостью и не гнушались никакой торговлей, пока черный флаг не стал угрожать монополизировать всю торговлю, и тогда в обществе проснулось понимание того, что на дешевом базаре все-таки есть цена.

Подумайте, что Черная Борода за месяц или около того до того, как он принял Акт милости, "спас" не менее двадцати семи кораблей - почти по кораблю в день, - и вы получите представление о ситуации; добавьте к этому, что Черная Борода был лишь одним из многих, и вы поймете, почему Ямайка, например, стенала перед правительством страны, что она разорена.

Северная и Южная Каролина в то время еще не были официально разделены, хотя различие в названиях использовалось; губернатор Иден нечестиво правил на Севере, губернатор Джонсон справедливо и мудро правил на Юге.

IV

Место, где Черная Борода устроил свое заведение, было удачно выбрано для его работы. Зная каналы между низкими песчаными островами, которые лежали вокруг бухты, можно было зайти туда и покатасть корабль, лечь рядом и поболтать по берегу, а когда человек был готов отказаться от клятвы и снова пуститься в разбой, он мог перехватить две торговые линии: прибрежную - из Новой Англии в Вест-Индию и провинции, и северную - из провинций в Вест-Индию и на родину. Черная Борода знал свое дело.

Следует пояснить, что наш усатый герой был своего рода адмиралом, ведь он командовал не только своим кораблем, но и тремя вспомогательными шлюпами, один из которых - *"Месть"* - принадлежал своеобразному и колоритному майору Стеде Боннету.

Как выглядели эти корабли? В старом британском флоте было пять классов военных кораблей, различавшихся по количеству орудий; корабль Черной Бороды, как сказал впоследствии генеральный прокурор, был равен пятому классу военных кораблей, то есть на нем было сорок орудий, расположенных на двух палубах, и он вмещал около ста сорока или пятидесяти человек, когда на нем было полно оружия. Он был около двадцати футов в ширину и чуть больше ста футов в длину; оснащен квадратными парусами и способен развивать хорошую скорость.

Шлюпы - общий термин для обозначения множества небольших судов - имели всего десять пушек, хотя численность людей была непропорциональной: иногда на борту помещалось пятьдесят или шестьдесят человек. Кораблестроению предстояло еще несколько поколений ждать толчка, который привел его к кульминации в начале девятнадцатого века.

Никто не знает, что именно привело майора Бонне к пиратству. Одни говорят, что у него было столько домашних несчастий, что он просто почувствовал, что должен что-то или кого-то поколотить; другие - что работа его мозгов немного вышла из строя.

Вряд ли дело было в деньгах, ведь Боннет был зажиточным плантатором на Барбадосе, где его гражданский дух был настолько острым, что он получил воинское звание майора за службу против врагов этой колонии. Возможно, он читал рассказы о *Бриллиантовом Дике* той эпохи и так увлекся ими, что забыл о своих средних годах, благопристойных манерах, респектабельном положении и жаждал вкусить настоящей жизни.

Как бы то ни было, он купил шлюп, романтично окрестил его "*Местью*" и, под обычным предлогом каперства, собрал подходящую банду и вышел в море в конце лета 1717 года. Он ничего не знал о море, кроме того, что при определенных обстоятельствах оно может утопить человека.

Его команда быстро убедилась, что их командир - не моряк. Его притворство в мореходстве вызывало их многозначительные ухмылки и насмешливые перешептывания и кивки. Он был вынужден прятаться за спину своего помощника, который действительно управлял кораблем, и до конца своей карьеры, которая длилась всего один год, он обычно работал матросом. Но его мужество, его твердый характер, его решимость позволяли ему держаться на квартердеке и добиваться уважения, в котором ему отказывала его сухопутность.

То есть он выжимал почтение из всех, кроме старого Черной Бороды. Боннет сошелся с ним в августе 1717 года, и они договорились плыть вместе.

Бородатый медведь, однако, вскоре увидел, что его напарник - не шкипер, и, рыча и презирая его, в одночасье удалил Боннета со своей палубы и определил его на низшее место на корабле Черной Бороды, поставив на место Боннета некоего Ричардса, плохого парня, но хорошего моряка. Это был ошейник, от которого у Боннета заныла шея.

Все корабли пришли в Окрэкок примерно в одно и то же время, но Боннет с большим числом людей не захотел вмешиваться в Акт милосердия и лежал в поселении, ожидая, пока Черная Борода отвяжется от своей прихоти и приступит к делу.

Дни на берегу проходили в разврате. Здесь мягкая сторона характера Черной Бороды проявляется в его нежной преданности четырнадцати женам, как он их называл. С ними он был самым игривым и котенком. Он любил смешить этих дам, задувая свечи из своих пистолетов; а иногда, скрестив руки, с оружием в каждой руке, он беспорядочно палил по комнате, после чего вся компания, и жены, и гости, наслаждалась самой веселой игрой в прятки, когда те, кто не мог достаточно быстро забраться под стол, ловили пули в самых забавных местах, например за ухом или чуть выше сердца. Все с нетерпением ждали этих вечеров.

V

На Окрэкоке наступила весна, и в жилах Черной Бороды забурлил сок приключений. Он терпел до конца мая, потом разорвал клятву надвое, ударил по лицу Актом милосердия, прикрепил череп и скрещенные кости к мачте и отплыл в Чарльз-Таун, а его шлюпы-прислужники плясали и покачивались на волнах рядом с ним. Он отправлялся за покупками,

если угодно, за медицинскими принадлежностями, которые были крайне необходимы в связи со способом жизни и работы его флота. Он собирался оказать Чарльз-Тауну честь своим покровительством.

Пока этот счастливый сюрприз для маленького колониального порта огибал омываемую морем громаду мыса Страха, мистер Рэгг и мистер Маркс на борту торгового судна проскальзывали через бар Чарльз-Тауна, направляясь в Англию. Оба были видными местными джентльменами, а мистер Рагг - не кто иной, как член ассамблеи. В списке было еще несколько пассажиров, а в корабельном сундуке лежало семь тысяч пятьсот долларов в золотых монетах и восьмерках.

Мистер Маркс стоял на корме корабля и долго смотрел на старый город, исчезающий позади них.

"Сосед Рэгг, - сказал он с легким меланхоличным вздохом, - пройдет много дней, прежде чем мы снова ступим на улицы Чарльз-Тауна".

Мистер Рагг сочувственно сжал руку своего друга.

"Возможно, только через двенадцать месяцев", - предположил он. "Мужайся, Маркс".

Они оба плохо угадали. Вместо двенадцати месяцев прошло меньше двенадцати дней, когда мистер Маркс снова посмотрел в глаза своим согражданам и встретился с ними лицом к лицу. Если бы в тот вечер кто-нибудь сказал ему судьбу в карты, он мог бы правдиво сказать, что через воду к нему идет темный человек.

"Видишь ли ты то, что вижу я?" - спросил капитан у помощника на следующий день, когда серый свет утра превратил все воды в подобие расплавленного шифера. Капитан посмотрел на север.

"Я насчитал их четыре", - медленно произнес он. "Похоже, они идут прямо на нас".

Так оно и было. Очень скоро над стаканом мистера Маркса, высунувшего голову из каюты с чувством чего-то неладного, свойственным корабельной жизни, просвистел выстрел.

"Поднимите верхние паруса", - прорычал хозяин.

Паруса опустились, и судно пришло в движение. Флот Черной Бороды быстро обогнул его. Череп приветливо ухмылялся им, глядя на черный флаг, туго развевающийся на ветру. Кто-то что-то крикнул с пиратских кораблей, и купеческий капитан приказал спустить лодку и с двумя членами команды, чтобы грести, отправился к мародерскому флагману.

"Я двадцать раз пиратствовал в этих водах, - ворчал капитан, управляя веслом, - так что я знаю, чего они хотят".

Пираты хотели всего. На захваченном бриге они разместили призовую команду. Вызвали мистера Маркса.

"Приветствую мистера Черную Бороду, сэр, - ухмыльнулся здоровенный чернокожий парень в шляпе из скрученного красного шелкового платка, - и если вы мист Маркс, будьте так любезны, перейдите на его корабль".

Мистер Маркс с бледным лицом патетически посмотрел на мистера Рэгга, чье сочувствие вновь подверглось тяжкому испытанию.

"Почему он не послал за вами, Рэгг?" - негероически пожаловался он. "Вы же член совета - у вас есть право старшинства".

Мистер Рэгг ободряюще похлопал его по плечу.

"Я посоветую твоей семье, Маркс, если что-то случится, - сказал он любезно, - но я уверен, что этого не произойдет".

А он был уверен, что так и будет.

Все стояли за Чарльз-Таун. Мистеру Рэггу раз или два казалось, что он видит руку Марка, машущую ему с корабля Черной Бороды, где они с капитаном торгового судна находились под арестом. Или это был ночной колпак бедняги Марка, сброшенный в страшной схватке со злодеями? Кто может сказать?

Пленники и пленницы лежали у стойки бара, а Черная Борода отправил баркас в город, везя мистера Маркса под охраной Ричардса и полудюжины мерзких негодяев. Удивление жителей города было непередаваемым, когда они увидели уважаемого Маркса в столь ужасной компании.

Но когда они слышали, что им рассказал мистер Маркс, их изумление перешло в ярость. Черная Борода приказал доставить Ричардсу медикаменты на четыреста фунтов, иначе, во-первых, мистер Маркс будет застрелен на месте; во-вторых, голова мистера Рэгга и всех остальных пассажиров будет доставлена на ближайшем судне; в-третьих, гордость провинции, сам Чарльз-Таун, будет снесен с фундамента.

Губернатор Джонсон был сильным человеком, и его совет был сильным человеком, но это было для них загадкой. За шестнадцать лет до этого они отбили французских захватчиков с мужеством, достойным упоминания в истории муниципалитетов; но теперь пушка была направлена прямо на них, и казалось, что руки подняты.

Во флоте Черной Бороды, как и в городе, все было беспокойно. Особенно когда прошло два дня, а от Ричардса и Маркса не было никаких вестей в бар. Вечером того же дня Черная Борода, подкрепившись ромом, выстроил своих заложников вдоль палубы, разбушевался, запустил им в лицо свою ужасную бороду и вообще вел себя самым неблагоприятным образом.

"Покачайте головами, мои милые моряки", - кричал он, - "покачайте, пока они у вас на шее, потому что, если Ричардс не вернется утром, ваши головы отправятся в город в полдень".

Самое ужасное было то, что этот негодяй имел в виду то, что говорил.

Однако утром от Ричардса пришел гонец, и это позволило мистеру Рэггу и его товарищам еще на несколько часов выжить. Гонец сообщил, что при переходе из бара в город лодка, в которой везли Маркса, опрокинулась, и с выходом на берег возникли проблемы и задержки. Кроме того, был созван совет провинции, который обсуждает предложение Черной Бороды.

Еще день или около того напряженной работы, и в городе снова наступило молчание. Черная борода снова засуетился, размахивая своей секирой, и повел себя так, как обычно ведет себя любой упрямый и жестокий пьяница. Ах, как бы хотелось, чтобы королевский корабль оказался рядом с ним в качестве "чакер-аута"! Но королевские корабли, как и ночной дозор, обычно находятся где угодно, только не там, где они нужны.

Черная Борода снова погнал перепуганных заложников вперед. На этот раз у него наготове была машина для их уничтожения - огромный черный человек, его огромная мускулистая правая рука обнажена до плеча, а в руке зажат яркий тесак. Черная борода, сидя на бочонке с порохом, с насмешливой заботой обращался к своим пленникам.

"Подойдите, красотки, - промурлыкал он, - и подстригитесь".

Это была не опера, комическая или иная. Это была ситуация, которую нужно было решать, причем немедленно. Тот, кого история не помнит, заговорил. "Капитан Черная Борода, - сказал он, заговорив о своей жизни, - мы решили, если вы позволите, присоединиться к вам, если вы собираетесь взять город. Мы поможем вам. Они предали нас за несколько таблеток и порошков, так что мы им ничего не должны".

"Говоришь как мужчина", - сказал Черная Борода. "Вы настоящие мужчины; вы будете настоящими петухами в старой игре. Снимайтесь с якоря и стреляйте из пушек - через час будет прилив".

Возможно, это не было героическим ухищрением, но пусть судят те, кто был заложником, беспомощным в руках такого отчаянного преступника. Это спасло жизнь многим людям. Не успел прилив перемахнуть через бар, как баркас вернулся с Ричардсом, пиратскими лодочниками и огромными кучами всевозможных лекарств. Город капитулировал. Настанет другой день, решил он, и мудрость его оправдалась.

Черная Борода оставил торговый бриг и его пассажиров качаться в баре, но по досадной оплошности уплыл с корабельным сундуком, в котором лежали золотые монеты и восьмерки.

Партнерство было расторгнуто вскоре после отплытия из Чарльз-Тауна. Черная Борода уже, видимо, решил отказаться от шляпы с петухом адмирала и принять подчиненное звание капитана. Он планировал сосредоточить свою власть на одном корабле.

Поэтому он без всякого беспокойства вернул недовольного Боннета на "*Ревендж*", отозвал Ричардса и самых выносливых членов команды "*Ревенджа*", оставив Боннета с полудюжиной безразличных рук для работы на шлюпе.

Это был один из трех тендеров. Второй он решил бросить в Топсейл-Инлет, по пути в Окрэкок. Он сделал это в обычной манере Черной Бороды, приказав вытащить судно на берег в Топсейл-Инлет и разбить его. Экипаж судна мог спастись, как мог. Они не могли спорить с сорока дулами его пушек, поэтому корпус шлюпа с треском разбился о скалы, а Черная Борода лежал и смеялся над людьми, борющимися с прибоем.

Эти несчастные сразу же принялись за работу, спасая продовольствие и порох, и не успел этот тяжелый труд закончиться, как Черная Борода поднялся и сошел на берег в шлюпке. Он забрал все спасенные вещи и всех первоклассных моряков и ушел, оставив почти десяток своих последователей без средств к существованию на диком и изолированном берегу. Так Черная Борода поплатился за верность.

Захватчикам ничего не оставалось делать, как сгрудиться на песке и надеяться на помощь. Им не пришло в голову вернуться в дикую местность, возможно, потому, что, будучи моряками, они не доверяли себя никому, кроме привычной среды обитания, а возможно, и потому, что необустроенный внутренний мир сулил им еще меньшую помощь, чем широкое море перед ними, на котором их сигналы могли бы привлечь прибрежный корабль. Так они и лежали, слушая скрип-скрип-скрип случайной морской чайки, стук и шум набегающих волн, треск корабельных снастей и досок.

Однако прежде чем их постигли серьезные лишения, на горизонте замаячил долгожданный парус. Они сорвали со спины рубашки и в бешеном беге по пляжу и по мысам взлетели на берег с невнятными призывами.

Радость была неописуемой: они видели, как откинулись паруса и корабль пришел в себя! Спасен! Люди сгрудились у самой кромки воды и пристально смотрели на лодку, которая теперь отчалила от берега и, покачиваясь, приближалась к ним.

"Если это не майор Боннет!"

В том, как они это произнесли, было какое-то удовольствие, поскольку экипаж лодки можно было опознать. Они и не предполагали, что командир старого *"Возмездия"* мог показаться им таким хорошим. Дюжина приветливых рук ухватилась за нос его лодки, когда та заскрипела по песку.

"Грязная сделка, парни", - сказал майор, - "грязная сделка - оставить вас вот так - губернаторами бордового острова".

Это была любимая острота майора; , попав к нему на борт, вы всегда получали титул губернатора бордовой песчаной косы. Он был весьма склонен к любезностям. Он хихикал, а потом перешел к делу.

"Ближе к делу, ребята, - продолжал он, - давайте оставим эту разбойничью жизнь, которая не принесла нам ничего, кроме горя. Пойдемте со мной на Сент-Томас в Индию, получим там каперский заказ против испанских псов и покажем им, из какого металла сделаны британские тесаки".

Он придавал своему предложению убедительности, объяснив, сочувственно, но твердо, что, если они откажутся от его предложения, он будет вынужден отплыть и оставить их в качестве губернаторов Топсейл-Инлета.

Никто не захотел такого отличия, и обессиленные люди отправились в лодках к кораблю Боннета. Когда они оказались под его носом, то заметили, что название *"Месть"* было закрашено, а на его месте красовались слова *"Королевский Джеймс"* - комплимент майора в адрес Претендента и яркое свидетельство его политики.

Прилив подкрался и смыл последнюю плесень с песка Топсейл-Инлет, где чайки остались клевать торчащие гвозди и спутанные обвязки потрепанного корабля, удивляясь путям этого странного существа - человека.

На *"Ройял Джеймс"* царила обстановка. Когда спасенные пираты обнаружили, что на корабле не так уж много еды, первый прилив радости по поводу их освобождения быстро улетучился.

"Видите ли, ребята, - объяснил Боннет, - кладовая довольно скудная. Первое дело моряка - поесть, так что, возможно, нам придется остановить кого-нибудь по пути в Сент-Томас и попросить перекусить".

Вполне разумное предложение.

"Кое-кто" появился перед самым началом круиза. Однако он не пожелал ответить на их приветствие, а просто прижался к ветру и умчался прочь. Это, конечно, не было достойной морской вежливостью.

Чтобы преподать грубиянам урок хороших манер, "*Ройял Джеймс*", развернувшись, быстро последовал за ними, и, поскольку преследование было вполне в ее русле, она вскоре настигла убегающего путешественника и выстрелом через нос сшибла его с ног. Боннет пристроился рядом и вскоре набил свой трюм и своих людей четвертями говядины и бочонками рома.

Это было честное начало. Все пояса были туго затянуты, уголки губ приподнялись, а в жилах людей с "*Ройял Джеймс*", словно прилив, забурлила старая пиратская страсть. Поэтому, когда капитан, ухмыляясь, поднял черный флаг, всеобщее удовлетворение не было сильно поколеблено.

На следующий день после первого захвата были захвачены два судна, следовавшие на Бермуды, а на следующий день - четвертое. Счет захваченных судов стал быстро расти. За неделю было разграблено пять кораблей, из которых было набрано немало рекрутов, в том числе негров, которые были направлены к насосам и на рутинную работу со статусом рабов, и чьи знаки к статьям шлюпа не приглашались.

Вот типичный груз с одного судна: Двадцать шесть бочонков и три бочки рома стоимостью пятнадцать сотен долларов; двадцать пять бочонков патоки стоимостью семь или восемь сотен долларов; три бочки сахара стоимостью сто пятьдесят долларов; хлопок, индиго, проволочный кабель разной стоимости, небольшое количество французских и испанских монет, одна пара серебряных пряжек и одни серебряные часы. Таким образом, вы видите, что мальчишки систематически наводили порядок от трюма до жилетного кармана капитана.

Они торговали своим товаром на берегу, где бизнес, хотя и более рискованный, чем в более счастливые времена, был все еще интересен. Они захватывали суда в открытом море или стоящие на якоре в портах. Одним из таких судов была "*Фрэнсис*", и вот ее помощник, мистер Киллинг, который хочет сам рассказать нам, как все это произошло. Приступайте, мистер Киллинг.

"31 июля (1718) между девятью и десятью часами мы встали на якорь в четырнадцати саженьях от воды. Примерно через полчаса я заметил что-то похожее на кану: Они подошли ближе. Я сказал: "Вот приближается кану; я хотел бы, чтобы они были друзьями". Я подозревал их и спросил, откуда они пришли? Они сказали, что капитан Томас Ричардс из Сент-Томаса.

"Они спросили меня, откуда мы прибыли? Я сказал, что из Антегоа. Они сказали, что нам рады". (Пираты, конечно, любили свои маленькие шутки!) "Я сказал, что они были рады, насколько я знал". (А это, как вы заметили, было не очень далеко. Этот мистер Киллинг - человек осторожных высказываний). "И я приказал людям спустить им веревку. Как только они поднялись на борт, они приложили руки к своим тесакам; и я сказал, что мы захвачены. Тогда они стали проклинать и клясться, что им нужен свет. Я приказал нашим людям как можно скорее достать фонарь.

"Когда они вошли в хижину, первое, с чего они начали, были ананасы, которые они срубили своими тесаками. Они спросили меня, не хочу ли я пойти и поесть вместе с ними? Я ответил, что у меня нет желудка, чтобы есть. Они спросили меня, почему я выгляжу таким меланхоличным? Я сказал им, что выгляжу так хорошо, как только могу..." (Прежде чем

улыбнуться достойному товарищу, давайте на мгновение задумаемся, как бы мы выглядели в такой же ситуации).

"Они спросили меня, какое спиртное у меня есть на борту. Я сказал им, что немного рома и сахара. Тогда они сделали чаши с пуншем и принялись пить за здоровье Претендента, надеясь увидеть его королем английской нации..." (Это, несомненно, было результатом изменнической пропаганды майора Бонне. Здесь был зарождающийся флот для Претендента, если бы он только знал об этом). "Затем они спели пару песен. На следующее утро... они подняли несколько бочонков патоки и несколько бочонков рома. В конце дня двое из людей Боннета были призваны на мачту, чтобы их выпороли.

"Потом ко мне пришел Роберт Такер и сказал, что я должен пойти с ними. Я сказал ему, что не гоюсь для этого, да и склонности у меня не те. После этого ко мне подошел сам майор Боннет и сказал, что я должен либо отправиться на борт" (несомненно, со своей обычной шуткой о губернаторстве), "либо пойти с ними, так как он намеревался взять с собой шлюп (*Фрэнсис*)".

"В тот вечер между восемью и девятью часами нам было приказано отплыть, но куда - я не знал. Мы отплыли в ту ночь, и я, утомленный усталостью, лег спать; и был ли это умысел или нет, я не могу сказать, но мы оказались с подветренной стороны от "*Месму*" (*Royal James*); и утром майор Боннет взял говорящую трубу и сказал нам, что если мы не будем держаться ближе, то он откроет по нам огонь и потопит нас. Так мы и продолжали плавание, пока не пришли к мысу Страха".

Спасибо, мистер Матэ; вы дали нам интересную и живую картину того, как эти несчастные занимались своим грязным делом.

VI

Мыс Страха! Когда "военно-морской историк" говорит нам, что битва на мысе Страха была всего лишь вопросом нескольких выстрелов и капитуляции, он не только преуменьшает факт, но и омрачает должную славу компании героических людей. Мистер С. К. Хьюсон, чья терпеливая точность передала миру всю историю, не только описывает серьезное сражение, но и показывает, что вопрос о результате был настолько открытым, что пираты во время боя манили своими шляпами своих противников, приглашая их взять на бордаж и захватить их, в полной уверенности в победе.

Мыс Страха находится на острове Смит, в устье реки Кейп-Фир, на побережье Северной Каролины, между Чарльстоном и Окрейкокским заливом. У Нью-Инлета, где река впадает в море, она разделяет территории, которые сейчас называются округами Брансуик и Ганновер. Мелководье и песчаные островки делают навигацию здесь неопределенной.

Майор Боннет свил свое морское гнездо в этом регионе, его знание каналов и глубин помогало ему приходить и уходить. Здесь он мог отремонтировать и переоборудовать свой корабль, а также устроить своеобразный рынок для сбыта местным жителям разнообразной добычи. Ведь прибрежный пират, в отличие от пиратов школы Кидда и Квелча, был просто контрабандистом, ворующим свои товары, и если перевести его таким образом, контрабандист-пират, то можно отделить его от обычного контрабандиста, который

приобретает свой контрабандный товар законным путем на более дешевом рынке, чтобы провезти его мимо таможни на более дорогой рынок.

В начале августа Боннет прибыл на мыс Страха со своим кораблем и двумя пленными шлюпами, один из которых был "*Фрэнсис*", и именно здесь в конце следующего месяца правосудие предъявило ему свой счет под дулом пушки.

Полковник Ретт из Чарльзтауна был представителем правосудия в этом деле. Вскоре после того, как Черная Борода, как мы уже заметили, выторговал у Чарльзтауна некоторое количество пилюль и пластырей, другой негодяй попытался повторить тот же трюк, но не смог добиться успеха. Этого парня звали Вейн, иногда его называли Воган, и он был по-своему плохим актером.

Из всех горожан, резко возмущавшихся этими пиратскими дерзостями, полковник Ретт, знатный колонист, принял это близко к сердцу. По собственной инициативе он снарядил в качестве военных шлюпов два корабля - "*Генри*", на котором плавал сам, и "*Морскую нимфу*", которую он укомплектовал вместе со многими "джентльменами города, воодушевленными тем же принципом рвения и чести ради нашей общественной безопасности и сохранения нашей торговли".

Сердечно поддержав губернатора Южной Каролины Джонсона, который, в отличие от губернатора Северной Каролины Идена, наводил ужас на пиратов, маленький флот Ретта отправился в погоню за Вейном; Вейн, видя, что его планы сорвались, решил, что ему тоже лучше ускользнуть. Он ускользнул так эффективно, что Ретт так и не смог его догнать.

С тех пор как Боннет покинул Топсейл-Инлет со своими новобранцами, он захватил не менее тринадцати судов, и весть об этом пирате пришла в Чарльз-Таун, пока Ретт снаряжался. Пропавший без вести Вейн, Ретт и остальные джентльмены решили не возвращаться, не оказав некоторой услуги своей стране, и поэтому отправились на поиски пирата, который, как они слышали, скрывался на мысе Страха. Там они, несомненно, нашли возможность оказать государственную услугу и весьма достойно воспользовались этой возможностью.

Вечером 26 сентября "*Генри*" и "*Морская нимфа*" подошли к острову Смит, пока было достаточно света, чтобы они могли увидеть топмачты пирата над косой, за которой лежал "*Ройал Джеймс*". Они бросили якоря в грязь залива и стали ждать утра. В сумерках три лодки с вооруженными людьми вышли из реки и спокойно провели разведку. Майор Боннет заметил полковника Ретта.

Всю эту ночь позднего лета джентльмены из Чарльз-Тауна могли слышать угрозы и уговоры Боннета и его офицеров, подгонявших их команду, чтобы подготовиться к смертельному спору, который Боннет, вместо того чтобы сдаться, очевидно, решил продолжать. Прилив поднимался вверх по реке от Атлантики и снова втягивался в эти бескрайние воды, но ни на одном из кораблей он не убаюкивал спящих.

Всю ночь раздуваемые ветром факелы и фонари освещали работу пиратов; всю ночь их блики мерцали и прыгали за бугром суши, разделявшим осаждающих и осажденных. Пиратский шлюп был похож на воина, который расстегнул ремни и отдыхает в своей палатке, не ожидая враждебного сюрприза. На его палубе беспорядочно валялся груз: бочки с ромом, четвертины говядины, бочки с патокой - все это нужно было убрать, чтобы можно было свободно стрелять из пушек. Ее снасти тоже, вероятно, находились в ремонте.

Работа, длившаяся неделями, теперь должна была уложиться в несколько часов одной ночи, ведь когда наступит рассвет, *"Ройял Джеймс"* должен быть запряжен и подготовлен. Всю ночь люди с *"Генри"* и *"Морской нимфы"* стояли на вахте.

С восходом солнца начался день судьбы. За мысами, возвышающимися над рекой, восток окрасился в желто-фиолетовые и розово-розовые тона; сильный ветер дул прямо с суши. Паруса *"Ройял Джеймс"* поднялись вместе с солнцем, блоки и снасти скрипели, как стая голодных чаек; цепи гремели, поднимая якорь.

Боннету пришлось сражаться два к одному. Его шанс - и это был одобренный метод пиратской стратегии - выйти на открытую воду и сражаться на бегу, обходя то одного, то другого врага, но не позволяя обоим сразу настичь его.

Майор уже стал неплохим моряком. Он собрал всех своих людей на *"Ройял Джеймс"* и оставил два захваченных шлюпа только с мистером Киллингом и другими пленниками на борту. Отказ последних помочь ему в схватке с Реттом был оставлен без наказания.

"Они идут!"

За торосом люди из Чарльз-Тауна увидели мачты пиратов, которые, нагруженные парусами, стремительно неслись к точке. Боннет рвался в море.

Корабли Ретта дрожали от напряжения. Как только *"Ройял Джеймс"* поднял бушприт, *"Генри"* и *"Морская нимфа"* навалились на одну из ее кают.

Они успели вовремя; Боннет, уклоняясь, уперся локтем в берег. Если бы канал был глубоким, он, возможно, успел бы добежать; но канал был мелким, и его корабль ткнулся в песчаное дно, да так и остался лежать, натягивая парусину до тех пор, пока она не затрещала.

Ретт усмехнулся и замахнулся, но не смог сделать это достаточно резко, и его удовлетворение улетучилось вместе с ударом его корабля о то же дно, которое сковало его врага. *Морская нимфа*, также повернувшись, оказалась на берегу.

Итак, ситуация была такова. *Генрих* сидел на носу пирата на расстоянии пистолетного выстрела; *"Морская нимфа"* ударилась о песок вне пределов досягаемости и оставалась там большую часть боя, наблюдая за борьбой, не в силах ни принять участие, ни оказать помощь *Генриху*.

А флагман Ретта нуждался в помощи. При ударе она накренилась, но в ту же сторону, куда накренился пират, в результате чего, разумеется, ее незащищенная палуба оказалась под прямым попаданием широких бортов Боннета, в то время как позиция последнего предоставляла больше корпуса и меньше палубы для снарядов Ретта.

Несмотря на это, южнокаролинцы одарили барбадосского джентльмена всеми десятью орудиями сразу, открыв по нему меткий огонь из стрелкового оружия. Боннет с грохотом ответил всеми своими орудиями, разбив палубу *"Генри"* и покрасив шпигаты. Парни из Чарльз-Тауна, стоявшие у орудий на открытой наклонной палубе в то субботнее утро, ни на минуту не ослабляя боевого пыла, безусловно, выдержали высшее физическое испытание на сто процентов.

Но кроме пушечных ядер, мушкетов и тесаков в этом поединке должен был быть еще один решающий элемент. Победу должен был присудить прилив, который сейчас разворачивался и наплывал. Ибо тот корабль, который первым выправит положение, будет иметь решающее преимущество.

Противники должны были знать это с самого начала, и, конечно, в условиях неопределенности прилива каждый отчаянно стремился добить другого и тем самым не оставить шансов на произвол природы. Грязевые отмели исчезли под набегающими водами, нижние острова скрылись из виду, сражающиеся корабли то и дело подвергались от мощных ударов течения по корпусам, а с подъемом реки в раскаленные пушки сыпались новые выстрелы, пока дым не выжег веки бойцов докрасна, и десять молодцов лежали в потрясенных позах смерти на палубах *"Генри"*, а восемнадцать раненых стонали в его трюме. Семеро из команды Боннета подписались под настоящим флагом с черепом и костями.

Наступил прилив. Полдень сменился полуднем; наступил момент принятия решения. Через несколько минут один или другой корабль встанет на дыбы. И какой же?

Это был *"Генри"*. Боннет, который сражался с большим мастерством, с отчаянием увидел, что верфи его врага накренились, а сам он лежит на песке без движения и беспомощен. Он бросился с пистолетом наперевес к пороховому магазину, чтобы сделать великий финиш, но его люди накинулись на него, чтобы сдержать этот опрометчивый и ужасный поступок, а один из них прыгнул в саваны и размахивал белым флагом побежденных.

Ретт посадил и заковал в цепи около тридцати человек, включая их предводителя, и после ремонта *"Генри"* отправился домой. Государственная услуга была оказана во время прилива.

Чарльз-Таун пришел в восторг, хотя и не совсем в том смысле, который имеют в виду те, кто вводит в обиход эту надоевшую фразу. Когда Ретт пришел с пиратскими пленниками и конвоировал *"Ройял Джеймс"* и два захваченных им шлюпа, *"Фортуна"* и *"Фрэнсис"*, он стал героем для одной группировки города и злодеем для другой.

Друзья пиратства в целом и личные знакомые закованных пиратов в частности разделяли общее негодование. Их, видимо, было много, поскольку они обещали освободить пленников или сжечь город дотла. Боннета, как и подобает джентльмену, оказавшемуся преступником, заперли в резиденции маршала, а более низких товарищей бросили в сторожку - тюрьмы в городе в то время не было.

Модники порта вышли посмотреть на корабли. Корабль *"Генри"* был весь измят, а *"Ройял Джеймс"*, чье имя тут же было переименовано в *"Месть"* в знак патриотизма, имел не больше сколов на корпусе.

Если бы корабли не сели на мель, Боннету пришлось бы несладко. На *"Генри"* было восемь пушек и семьдесят человек; на *"Морской нимфе"* - столько же пушек и шестьдесят человек. Боннет сражался с десятью пушками и примерно пятьюдесятью людьми.

Но сцепление кораблей уравнило его шансы, ведь в этой ситуации он командовал на два орудия больше, чем Ретт, а небольшой перевес в людях у последнего с лихвой компенсировался неудачным наклоном палубы и, как следствие, открытостью для вражеской канонады.

Прежде чем неприятности в городе успели перерасти в беспорядки, пираты предстали перед судом вице-адмиралтейства под председательством судьи Тротта. Бонне, однако, среди них не было; подкупив бесплатной пальмой, он сбежал и в этот момент бежал на маленькой лодке вверх по побережью, к большому скандалу всех любителей хорошего управления.

Судебное разбирательство было кратким и характерным для того времени. Обвиняемые, как обычно, без адвокатов, слабо утверждали, что Боннет обманул их в Топсейл-Инлет и заставил плыть с ним. Игнатиус Пелл, боцман "*Ройял Джеймс*", выступил в качестве государственного свидетеля, а другими свидетелями были мистер Киллинг, которого мы уже цитировали, а также капитан "*Фрэнсиса*" и капитан "*Фортуны*".

Сомнений в их виновности быть не могло, а в ту эпоху - и в их судьбе; они были приговорены к повешению судьей, который произносил над ними проповеди и обличал их в энергичной манере елизаветинских судов. Менее чем через неделю все, кроме трех или четырех человек, доказавших свою обязательную службу, были казнены в старом Уайт-Пойнте, недалеко от нынешней прекрасной набережной.

Один веселый луч осветил черную беду их положения: Стеде Боннет был схвачен. "Он был их великим главарем", - сказал прокурор, - "который соблазнил многих бедных, невежественных людей следовать его образу жизни и разорил многих несчастных; некоторые из них недавно пострадали, которые при последнем вздохе выразили большое удовлетворение тем, что заключенный (Боннет) был задержан, и возложили гибель себя и потерю своей жизни полностью на него".

Полковник Ретт снова стал судьбой майора Боннета. После бегства Боннета из дома маршала Ретт отправился за ним и настиг его на маленьком островке неподалеку от города. Гериот, бывший когда-то корабельным мастером майора, был застрелен в короткой схватке, а его наниматель вновь доставлен в Чарльз-Таун в кандалах.

Стеде Боннета судили в том же суде, тем же способом и с теми же доказательствами, что и его команду. Его судили по двум обвинениям: одно - за захват *Франциска*, другое - за захват *Фортуны*.

В обоих случаях он не признал себя виновным и предстал перед судом по делу *Франциска*. Он отстаивал свои интересы в хорошей форме, но факты, равно как и суд, разгромили его. Он утверждал, как и капитан Кидд за несколько лет до этого в аналогичном деле, что мятежная команда подтолкнула его протестам к этим преступным действиям. Он объяснил, что единственным пиратством, в котором он когда-либо участвовал, было плавание с капитаном Тэтчем. Интересно, насколько сильно пришлось напрячься мятежному экипажу, чтобы уговорить старика Черную Бороду угнать пару толстых кораблей.

В ходе судебного разбирательства выяснилось одно любопытное обстоятельство. Пелл, боцман, отвечая на вопрос, сказал, что Боннет командовал кораблем, "но у квартирмейстера было больше власти, чем у него", добавив, что квартирмейстер распоряжался добычей и иногда делил ее. Остается только гадать, не имел ли экипаж гораздо больше права голоса, чем можно было бы предположить, терпя Боннета в качестве управляющего делами.

Боннет мог бы сойти за несколько романтического человека, но нервы, которые он всегда демонстрировал, даже на суде, сломались в последний момент; и когда 18 декабря его повесили на том же месте, что и его последователей, он был почти лишен чувств от страха. Так в жалких объятиях он покинул сцену, на которой был не то что скромным, а даже чванливым.

Это все история одного лета. Блокада Чарльз-Тауна Черной Бородой случилась в мае 1718 года, а в декабре того же года пришел конец Стеде Боннету. И для Боннета, как и для его людей, перед тем как он отправился на веревку, промелькнула искра радости - это была новость о том, что его старый начальник, Черная Борода, погиб от удара тесаком 22 ноября.

VII

Отказавшись от высокого звания адмирала и разбив свой флот, оставив часть его, как мы уже видели, перекачаться в виде обломков по приливам и отливам Топсейл-Инлета, Черная Борода вернулся в Окрэкок и провел ленивое лето.

Возможно, именно в эти задумчивые дни он уговорил молодую женщину стать его четырнадцатой женой, поскольку сохранились записи о веселой свадьбе, на которой сам губернатор Иден соизволил появиться в качестве доброжелательного гостя и придать этому событию подходящую атмосферу, чтобы способствовать социальному росту новой миссис Черной Бороды. На пиршестве было поставлено много чужого рома, чужих яств и чужих денег. Губернатор Иден, однако, с особым удовольствием отстранялся от мелких вопросов чужой собственности. Эта черта его характера вдвойне расположила к нему его друга-пирата.

Но золотые, которые он посылал на спиннинг, убывали с каждым днем; маленький Тоби Найт начал ему надоедать, и даже губернатор начал действовать ему на нервы. Респектабельная жизнь на берегу оказалась для него слишком тяжелой, и Черная Борода снова затосковал по надраенным палубам и реву своих громил. С похвальной заботой о приличиях он выдал, что снова выходит в море с "коммерческим предприятием", и даже зарегистрировал свой корабль в местной таможне.

"Спасение", - пробормотал он, пристально вглядываясь в честное лицо маленького Тоби и сжимая на прощание круглую толстую руку секретаря.

"Спасение", - усмехнулся Тоби, радуясь, что даже дружеская хватка морского чудовища ослабла, и инстинктивно потирая руку о хвост своего развевающегося плаща.

Черная Борода подождал, пока суша не скрылась за линией моря, и с чувством, что он провел приятный отпуск и рад снова вернуться к работе, выпустил свой зловеющий флаг - флаг черепа и костей. Черная Борода снова стал самим собой.

И вот случилось то, что многие члены команды с ужасом предсказывали, - на корабль Черной Бороды пришел дьявол.

Погода уже некоторое время была угрожающей, и теперь, поздним вечером, великий океан с рокотом бился под носами корабля. В такелаже ветер ворчал и жаловался, все сильнее и сильнее, словно бело-зеленое буйство вод тревожило его; в каюте внизу мрачный ужас бредового бреда навалился на бородатого хозяина. На палубе помощник - несомненно, эффективный мистер Ричардс - готовил корабль к приближающемуся бою и подгонял своих людей на качающиеся верфи. Время от времени Черная Борода, все еще оставаясь моряком, оступался на пороге своей каюты и безумные приказы шторму. Тогда мистер Ричардс, хорошо привыкший к бурям ветра и волн и безумным хозяевам, захлопывал перед его носом дверь и со смехом принимался за работу.

День на западе угасал, а ветер и вода, словно только и ждали ночи, усилились и теперь уговаривали третью стихию - дождь - присоединиться к ним в заговоре разрушения. Эти три ведьмы начали доводить котел до кипения.

Мистер Ричардс все еще смеялся; паруса были поставлены, и он вместе с рулевым, обливаясь потом, пытался удержать судно от рокового крена.

"Что это за звук?" - задыхаясь, спросил рулевой у своего офицера, навалившись всем весом на свою работу. Впереди они не видели ничего, кроме черной пустоты и белой полосы моря там, где обычно должны быть палуба и бушприт, и не могли долго смотреть в ту сторону из-за хлестких струй дождя, которыми хлестал их вопящий ветер.

"Ветер, - крикнул Ричардс, наклонившись поближе, чтобы его услышали.

Штурман покачал головой. "Нет!" - крикнул он.

Шторм приостановился в одном из тех затишьев, когда кажется, что он восстанавливает силы для новой ярости. И в секунду затишья раздался длинный, жуткий крик нечеловеческого неповиновения. Ричардс усмехнулся и указал пальцем вниз. Черная борода боролся с князьями и силами тьмы.

"Кто это?" - крикнул штурман, и его минутная уверенность развеялась. Его лицо с невыразимым страхом смотрело на сверкающие, погружающиеся в воду мачты. "Там... там..."

Ричардс вгляделся в ночь, размытую дождем; вгляделся и отшатнулся назад, широко раскрыв рот и выпучив глаза. Он поднялся, выдернул из борта тяжелый деревянный штырь и двинулся вперед. Не доходя десяти шагов до грот-мачты, он остановился и, собрав все силы, со всего размаху швырнул штырь в мачту. Булавка упала в наступающее море и была выброшена за борт. Но "Вещь" стояла, темная и зловещая.

Ричардс почувствовал, что корабль становится неподвластен рулевому. Он бросился назад, чтобы успеть спасти их от гибели; тот упал на палубу, скорчившись от ужаса. Пока помощник еще звал на помощь, боцман подполз к нему на руках и коленях и с пепельным лицом обратился к своему начальнику.

"Там странный человек", - крикнул он так громко, как только позволял его дрожащий голос, и указал большим пальцем назад. "На высоте..."

Нечто перемещалось по ярдам; в нем была какая-то сплошная чернота, которая каким-то образом делала его заметным даже на мрачном фоне.

Передав штурвал боцману, помощник бросился вниз за пистолетом, но когда он вернулся на палубу, Существо уже исчезло.

Ричардс тонко рассмеялся. "Дьявол подписал контракт с нами, парни!"

"Тогда нам конец", - простонал боцман.

Но тот факт, что на корабле появилась Новая Рука, если не считать ее статьи, не сразу стал катастрофическим. Вскоре после той яркой ночи Черная Борода, оправившись от попойки, встретил и захватил отличный французский корабль, который был в таком прекрасном состоянии, что назвать его "спасением" было самой тонкой пиратской шуткой.

И шутка удалась, когда, сразу же заведя судно в Окрэкок, его превосходительство, не задумываясь, выдал его похитителю сертификат на спасение, приняв в качестве платы за сертификат шестьдесят бочонков сахара. То, что губернатор не использовал, Тоби Найт с готовностью разрешил хранить в амбаре Найта.

Это стало последней каплей, которая привела верблюда к роковому исходу. Северная Каролина, у которой кончилось терпение, вспыхнула и, не обращая внимания на собственные коррумпированные власти, обратилась к способному Александру Спотсвуду, губернатору Виргинии, с просьбой истребить вредителя Окрэкок-Инлета.

Вирджиния услышала, откликнулась и отправила капитана Бранда и лейтенанта Мейнарда, каждый из которых командовал небольшим военным кораблем, к побережью Каролины на поиски Черной Бороды.

Бранд и Мейнард понимали масштаб своей работы, поэтому набрали в свои экипажи людей, которые добровольно согласились на эту обязанность и которые, скорее всего, будут так же зорко следить за надвигающимся ужасом, как китобой в жирных и прибыльных рыболовных угодьях за темной массой, которая наполнит все его бочки нефтью.

Они достигли Памлико-Саунд, частью которого является Окрэкок-Инлет, к вечеру 21 ноября и с прыгающим пульсом заметили мачты черного зверя, затаившегося в ожидании добычи. Черная борода был удивлен так же, как и Боннет, и, как и Боннет, провел ночь, готовясь к бою.

Виргинцам пришлось всю ночь пролежать у входа в бухту и ждать утра, чтобы пройти по рискованным каналам. Когда на следующий день они вошли в бухту, Черная Борода, зная промеры, смог применить пиратскую тактику беглого боя, предписанную для таких случаев, и разнес Бранда и Мейнарда своими широкими бортами; хотя он был до бровей напичкан ромом, он все время оставался искусным и законченным моряком.

Но враг настигал и его, и его палубы были завалены убитыми. У него было мало людей, всего около двадцати человек, так что потери от огня нападавших оставляли ему лишь небольшую команду, чтобы работать на корабле и обслуживать восемь пушек, а также продолжать эффективную мушкетную стрельбу. Оставался только один ресурс - рукопашная схватка.

Он подобрался к кораблю Мейнарда на расстояние захвата, со свойственной ему свирепостью бросился вместе с оставшимися в живых людьми на такелаж "Вирджинии" и, демонически воя, рухнул на палубу. На секунду пираты сотрясли своего врага от удара, но ненадолго; с той ревущей энергией, которая обеспечила англоязычным морякам господство в Мировом океане, люди Мейнарда воспряли духом, и началась неопишуемая бойня.

Черная борода бросился на командира, и Мейнард встретил его с равным мужеством и той дополнительной силой, которую моральная сторона дела всегда придает руке воина. Тело пирата было рассечено более чем в двадцати местах, но на этих мокрых от крови палубах он сражался с лейтенантом с энергией атлета, только что вышедшего на поле боя. Внезапный шанс, и он направил взведенный пистолет прямо в грудь противника, но прежде чем палец успел взвести курок, Мейнард опустил тесак прямо на горло пирата. Он рухнул на палубу, как зарезанный бык.

Он сражался с лейтенантом с энергией атлета, только что вышедшего на поле.

Все было кончено. Те пираты, кто мог, перепрыгнули через фальшборт и поплыли к берегу, оставляя за собой красный след в воде.

На море опустились сумерки. На мелководье под водой дрожали тела убитых, словно они были еще живы и продолжали бороться, и среди них лежал безголовый труп Черной Бороды.

Эта ужасная голова висела на бушприте корабля Мейнарда. Всю дорогу до Вирджинии жуткая голова раскачивалась, погружалась и пригибалась в такт движениям судна; океан бился и играл с ней, скручивая эту странную бороду в более причудливые формы, чем Черная Борода когда-либо мечтал, вплетая в нее водоросли и морскую слизь, а в качестве последнего штриха вымыл из глазниц зловещие глаза, которые смотрели в неподвижную стеклянность смерти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Генри Эйвери

I

Недалеко от Плимута, в английском графстве Девоншир, Джон Эйвери держал таверну, которую обслуживали по большей части моряки прибрежных и дальних плаваний. Это было уютное место, трактир доброго хозяина Эвери, со шлифованным полом, окнами с алмазным напылением, чистыми цистернами, хорошим элем и яствами, которые делали этот дом синонимом дома для измученного моряка в Малабаре или его брата, ожидающего возвращения на родину вокруг величественного мыса Африки.

Хорошее место с хорошим хозяином, но, к сожалению для совершенного удовольствия, с хозяйкой не очень. Ибо в то время как мой хозяин старался выпить столько же, сколько и его клиент, оставляя счет дружеским между джентльменами, моя хозяйка подсчитывала каждую рюмку и выхватывала когтями каждый широкий пенни, положенный на стол. А насколько несовместимы выпивка и бухгалтерия, каждый, надо полагать, знает.

У Джека и его жены был один ребенок, мальчик, которого они называли Гарри. Возможно, именно ради сына госпожа Эйвери проявляла бережливость, ведь родители решили, что Гарри не станет ни морем, ни трактирщиком; он должен был стать ученым и джентльменом и таким образом поднять семью хотя бы на одну ступеньку социальной лестницы. Как говорят мудрые люди, соломинка может показать, в какую сторону дует ветер, и одно обстоятельство, случившееся, когда Гарри Эйвери было всего шесть лет, возможно, подскажет ему, что надежды его родителей оправдаются.

Когда Гарри был в таком нежном возрасте, в Плимуте отчалил корабль "*Месть*", боцман которого во главе нескольких подходящих парней сразу же отправился в таверну Эйвери, чтобы пропить солидный кошелек дополнительных денег. С компанией Джека Эвери и бухгалтерией миссис Эвери они вскоре расстались с десятью фунтами на каждого.

Во время пребывания моряков в таверне маленький Гарри весело болтал среди них, размахивая морским жаргоном, танцуя подражательный хорнпайп и одурманивая их искусными манипуляциями с самыми одобряемыми морскими ругательствами. Они пророчили, что из него выйдет хороший моряк.

К несчастью, все это веселье улетучилось вместе с последней крупой. Хозяйка Эвери тогда насупилась и велела им убираться, иначе она обратится бунтующему констеблю. Наступила ночь, когда захмелевшие моряки высыпали на прохладную улицу в поисках убежища на мрачном "*Возмездии*".

Но этого корабля, увы, в гавани не было. Сгрудившись вместе, они смотрели сначала на пустую гавань, потом друг на друга. Как в дегте!

Они вернулись к Джеку Эйвери, но сварливая жена этого джентльмена встретила их у дверей, резко отказав даже в ночлеге в конюшне. Маленький Гарри самым милым образом заступился за этих интересных незнакомцев, но тщетно; им пришлось, как могли, согреться, шатаясь по городу всю ночь напролет.

Однако утром "*Месть*" вернулась, и боцман повел свою озлобленную стаю к берегу. По дороге их встретил маленький Гарри Эйвери, проворный и веселый, как всегда. Он последовал за ними к лодке, которая отчалила от корабля, чтобы забрать их, и громко пожелал подняться на борт и уплыть с ними.

И тут боцману пришла в голову счастливая мысль. Откинув назад свою треугольную шляпу, он в глубоком раздумье почесал лоб красного дерева. Почему бы не взять мальчика на борт и таким образом поквитаться с жестокосердной миссис Эйвери? При виде этого плана мести все разразились ликованием. Гарри затащили в лодку с помощью огромного кулака, и его морские приключения начались.

Когда они уже благополучно добрались до американских плантаций и скрылись из виду, боцман представил своего похищенного приятеля, который, судя по всему, считал все происходящее самой лучшей шуткой на свете. На мгновение капитан смерил взглядом своего необычного пассажира, но когда Гарри показал, как он может произнести две клятвы против одной боцманской, его проезд был оплачен, и капитан стал смотреть на него почти с любовью.

Гарри был таким смышленным маленьким негодяем, что все больше и больше проникал в сердце мрачного капитана и все крепче сжимал его изголодавшиеся чувства своими злыми маленькими пальчиками. Для него сделали крошечный гамак рядом с капитанской койкой; ему разрешили бегать по кораблю, а повару было велено оставлять для него наименее прохудившиеся или дубовые порции из меню. Это было очаровательное зрелище - видеть, как маленький парень, сидя на мотке каната, кощунственно соревнуется с восхищенным шкипером.

Неизвестно, как далеко могла бы зайти эта дружба и не принял ли бы капитан "*Мести*" его за своего сына, если бы один случай, произошедший на подходе к Каролине, не разорвал товарищеские отношения на две части. Гарри поймали за тем, что он подносил зажженную спичку к пороховому магазину; еще дюйм - и от корабля остались бы лишь несколько сломанных лонжеронов и решеток, бессистемно дрейфующих песку каролинского пляжа.

Капитан сразу же стал противным. Он согнал своего любимца в трюм, в трюм с крысами, и держал его там, пока они не пришли в порт. Он не очень-то любезно отдал мальчика каролинскому плантатору, - любезно, конечно, не по отношению к мальчику.

Плантатору потребовалось три года - он был человеком колоссального терпения - чтобы осознать природу подарка; и поскольку он не мог выдать Гарри никому в колонии, а таланты мальчика были общеизвестны, он сделал лучшее, что мог, и отправил его обратно в Англию.

Старый Джек Эйвери умер вскоре после того, как мальчик покинул Англию, - по некоторым данным, от разрыва сердца. О том, как Гарри общался со своей матерью, ничего не известно, но в историю вошло то, что юный Эйвери рос негодяем и в конце концов, найдя землю слишком жаркой для себя, устремился в прохладные и туманные променады своей первой стихии - моря.

Если он и принадлежал к чему-то, так это к морю. Он даже получил звание первого помощника штурмана. В тысяча девятьсот девяностом году испанское правительство

заключило сделку с некоторыми английскими купцами о найме кораблей береговой охраны для своих беспокойных южноамериканских колоний. Сэр Джеймс Хаублон и еще несколько человек снарядили пару бригов, "*Чарльз Второй*" и "*Джеймс*", для испанских дел, и именно на первом из них Эйвери был записан в качестве первого помощника.

После этого произошли события, которые стали предметом рассмотрения в королевском суде Олд-Бейли, заседающем в адмиралтействе. Среди фигурантов был древний мореплаватель по имени Уильям Мэй, который на суде оставил нам рассказ о злодеяниях мистера Эйвери. К сожалению, Гарри Эйвери не был привлечен к ответственности ни за свое преступление, ни, насколько нам известно, за какое-либо пиратство, а сошел со страниц истории неучтенным, чтобы, вероятно, закончить свою жизнь в качестве одного, не самого меньшего зла, среди буканьерских полчищ Карибского моря.

II

Взгляните на печальную участь меня, старого Билла Мэя, тридцать пять лет служившего своему королю и стране! Вот я лежу в трюме Ньюгейтской тюрьмы, осужденный за пиратство, и трепещу, как распущенный парус при штормовом ветре, всякий раз, когда шериф приходит зачитать список тех, кому назначено умереть в этот день.

Указательный палец правой руки и верхнюю часть большого пальца я потерял всего тридцать лет назад, когда адмирал Тиддиман сражался с голландцами в гавани Бергена. Я был на "*Гекторе*", корабле капитана Джона Каттла. Мы натолкнулись на голландскую лодку и пошли ко дну, как бадья с точильным камнем. Только несколько человек поднялись наверх, а мне, с искалеченной рукой, пришлось плыть больше часа, спасая свою жизнь.

Человек, отдавший свои конечности за родину, растянулся в Казенной пристани, и работы у него не больше, чем у обычного отмычки! Ах! В какой порт наконец-то пришел корабль старого Билла Мэя!

Не подобает человеку, сражавшемуся за Англию, нить при дворе короля. Но милосердие начинается дома, и из доброты к уважаемому имени Мэй я беру в кулак перо, чтобы изложить по порядку те вещи, которые привели меня сюда - и не должны были приводить, - о которых адвокаты заставили меня не рассказывать на суде.

По тому, как говорили длинноухие^[1], можно было подумать, что вешать будут их, а не нас. Прошу прощения у всех, я спрашиваю, кто должен больше говорить - обвинитель или обвиняемый?

^[1] Адвокаты.

Его светлость судья Холт, который вел суд, был довольно справедлив, но эти королевские адвокаты завалили всю дюжину или больше судей словами, словами, словами, словами, пока я не увидел, что все они провалились сквозь стену Старого Бейли и большую скамью вместе с ними. Половину времени эти адвокаты не говорили по-английски, а тявкали на иностранном языке, называя нас непонятно какими именами. Некоторые из них мне показались похожими на португальцев. Джек Спаркес^[3] клялся, что это ирландцы. Но когда мы перешли к разговору, как все было?

^[2] Юридическая латынь: "*Hostes humanis generis*" и т. д.

[3] Содокладчик.

"Говорите по существу, дружище".

И: "Что вы еще хотите сказать?"

Если бы нам и было что сказать, как мы могли бы это сказать, не будь у нас адвоката, который бы подсказал нам язык закона и подкинул бы обвинителям нелепые слова?

Нет, еще больше. От присяжных до судей все они были сухопутными крабами". Судья Холт спрашивает.

"Что вы имеете в виду под "мошенничеством на корабле"?"

Прошу прощения у их чести, я спрашиваю, может ли это быть справедливым судом для моряков? Ребенок у груди должен знать, что управлять кораблем - значит управлять им.

Пришлось ли мне плыть на *"Карле Втором"*? На меня давили? Никогда еще банда прессы не брала старого Билла Мэя, когда он был трезв. Как часто я сам возглавлял банду! Кто набирал полдюжины коленопреклоненных подмастерьев на *"Гектор"* и другие королевские корабли под командованием адмирала Тиддимана? Только Билл Мэй, пират.

Нет, правда. Капитан *"Волны"* Брейк, ост-индеец, умолял меня отправиться с ним в Каликут, но я сказал: "Нет, здесь сэр Джеймс Хаублон снаряжает *коста-гарды* для испанской Южной Америки; здесь, - сказал я, - им нужны люди, способные держать острие тесака, а где меня ждут, там я всегда стараюсь быть".

Тридцать лет назад меня разыскивали в Бергене против голландцев, и я там был - свидетель тому мой палец и большой палец.

Ну что ж, вот и начало дела.

Господин дон Испанец не смог самостоятельно держать руку на пульсе пиратов в Южной Америке, поэтому он приехал в Англию, чтобы нанять корабли и людей, которые помогут очистить его берега от этих вредителей. Сэр Джеймс Хаублон и другие купцы заключают сделку с господином доном Испанцем и снаряжают корабли *"Карл Второй"* и *"Джеймс"*.

Я лежал на берегу и готовился подписать контракт с мастером Брейком на *"Волне"*, когда услышал, как об этой испанской сделке говорят в "Свиной голове" в Бристоле. Как я уже говорил, Билл Мэй никогда не бывает слишком стар, чтобы сражаться на хорошей стороне, поэтому я сразу же отправился в доки и предложил себя мистеру Гибсону, капитану *"Карла Второго"*. Он был старым флотоводцем и знал меня в прошлом, поэтому он протянул мне руку и дал звание квартермейстера.

Генри Эври[4] был первым помощником капитана Гибсона, а мистер Граве - вторым помощником. Каждый был для меня новым человеком, но приятным, веселым, лет сорока. Но не ровня ему. Он стоял рядом со мной, когда я был у кнута[5], и заставлял меня смеяться, как от уколов, которые сыпались из него, как выстрелы из хорошо смазанного десятиствольного ружья. Но уже через минуту он начинал проклинать море, корабли, матросов и свое собственное невезение. Снова и снова он говорил мне...

[4] Старое написание Эвери.

[5] Рулевой.

"Я человек удачи, и свою удачу я собираюсь заработать".

Странно он говорил, и странно я это воспринимал. Но мне и в голову не приходило, что он хочет наделать бед, чтобы заработать свое состояние.

Он был рожден для моря и знал корабль как свои пять пальцев. Он мог быть и жестким; я видел, как он валил человека на палубу и не переставал смеяться.

Станный у него был смех; он задира л нос и пыхтел, как будто фыркал. Между нами, однако, не было никаких проблем; Генри Эври всегда говорил, что я самый лучший квартирмейстер из всех, с кем он когда-либо плавал. Он терпеть не мог Гравета; они не сцепились, хотя внешне ничего не переходило от одного к другому.

Сначала нам было приказано отправиться в Гройн[6] в Испании, чтобы получить там инструкции и припасы. Осенью 1693 года *"Карл Второй"* и *"Джеймс"* покинули Англию, а около нового года мы бросили якорь в испанском порту. Плохая погода заставила нас медленно плыть и тяжело качаться по всему Бискайскому заливу, но мы подбадривали себя обещаниями облегчения, когда придем в Гройн.

[6] Старое название Корунны.

Когда мы пришли в порт, всем работникам причиталось четырехмесячное жалованье, но ни один из нас не смог получить от командира ни гроша. Испанец так же неповоротлив в денежных делах, как затопленный корабль со сломанной мачтой.

На обоих кораблях нарастало недовольство, и оба капитана, Гибсон и Хамфрис, подвергались нареканиям в лицо и издевательствам за спиной. Я не мог понять, в чем их вина, но они были единственными, на кого люди могли рассчитывать в плане жалованья, и поэтому им приходилось выдерживать осаду. Январь пришел и ушел, февраль пришел и ушел, март пришел и ушел, и апрель тоже, и ни разу мы не почувствовали запаха монеты, ни испанской, ни английской.

Матросы в конце концов перестали сходить на берег, чтобы над ними потешались из-за их бедности и насмехались над их несчастьем, а стали слоняться по палубе, драться друг с другом и вообще перешли к озорному образу мыслей. Каждый из них и Граве давали друг другу волю, а что касается моего старого командира, капитана Гибсона, то он сломался от переживаний и улегся в своей каюте. Малые ветры заносят корабли в чужие порты; если бы "Дон" встретил нас с нашим жалованьем, шея старого Билла Мэя никогда не была бы натянута, как грот.

III

Если у людей и был друг среди офицеров, то это был мистер Эври. Я думал увидеть, как он раскиснет от такого медленного обретения своего состояния, но не тут-то было: чем дальше мы погружались в штиль, тем выше он поднимал паруса. Он хвалил и лелеял команду, тратил на нее деньги, ходил с ней на берег и даже сделал главными друзьями дюжину или около

того, среди которых, к моему сожалению, были и некоторые из моих товарищей в этом обреченном трюме.

Он также частенько заходил на *"Джеймс"*, который стоял на баркасе в нескольких милях от нас, и завел там таких же хороших друзей, как и на своем корабле. Когда начинался май, всегда происходило какое-то обсуждение, в центре которого стоял мистер Эвери, а вокруг него - избранные. И все это время мой старый командир лежал в своей постели тяжело больной.

Как я мог предположить, что мистер Эвери готовит мятеж? Однако так оно и было. 30 мая 1694 года я сидел вечером в своей каюте, думал о доме и жалел, что у меня нет жалованья, чтобы послать его моей бедной, доброй жене в Бристоль. Между десятью и одиннадцатью часами вечера я почувствовал, что корабль движется.

"Хо!" - думаю я, - "Что это значит?".

Я выскочил в рубашке и чулках на нижнюю палубу, а оттуда - в люк. Ветер бил мне в лицо, а за кормой виднелись огни города.

Я высунул голову над люком: там было видно, как все задраивают корабль.

"Впереди волнорезы!" - подумал я. "Уходи, старина Билл Мэй, пока не нанесли удар".

В эту минуту Эври увидел меня.

"Ты, Мэй, - зарычал он, - я думаю, ты не любишь этот путь; спускайся в свою каюту".

Но посмотрите, что говорили обо мне королевские свидетели. Некий Криг, грязный негодяй, а ныне заключенный прямо в этой тюрьме за измену с капитаном Воганом и одно время находившийся на борту *"Карла Второго"*, засвидетельствовал, что при сходе с корабля "я встретился с Уильямом Мэем, заключенным за стойкой. "Что вы здесь делаете?" - спросил он. Я ничего ему не ответил, спустился в свою каюту, а Мэй обругал меня и сказал: "Ты заслуживаешь пули в голову", - и приставил пистолет к моей голове".

Можете ли вы представить себе человека, который сражался за своего короля и страну, причастным к преступлению - краже корабля своего соотечественника? И не только это. Корабельный плотник был зачинщиком этого мятежа вместе с мистером Каэри, и Криг - да будет он заживо съеден долгоносиками - клянется, что плотник сказал ему во всеуслышание.

"Старому Мэю я могу доверять все, что угодно; он настоящий петух старой игры и старый спортсмен".

Рассказывали ли когда-нибудь при дворе короля такую небылицу?

Я, старая птица в пиратской игре, я, старый спортсмен, я, который не унился бы до того, чтобы вытереть свои сапоги о шею этого плотника! Сэм Парсонс, который сейчас в Вирджинии, стоял рядом, когда Каждый вел меня в каюту, и он готов поклясться в моей правоте.

Но зовет ли его король? Нет. Но такие изменники-скандалисты, как Криг, - им достается на палубе. Разве король, прося прощения у его величества, привезет свидетеля из Виргинии, чтобы спасти жизнь бедному моряку? Спросите его!

Я не мог усидеть в каюте, думая о своем старом командире и о том, что с ним может случиться. Я чуть не плакал по своему старому командиру. Рискуя головой, я пошел к нему в каюту. Двое мужчин стояли на страже у двери с обнаженными тесаками; я просил разрешения войти, и в конце концов они разрешили мне.

О, мой бедный старый командир! Он был красен от лихорадки, и хирург помазывал ему виски. Он встал с постели и начал одеваться сам, а я был рядом, чтобы поддержать его.

"Ах, верный Мэй..." - говорил он, когда вошел мистер Эври, от которого несло перегаром, и с самым наглым видом.

"Я человек с состоянием, капитан, - сказал он с поклоном, - и мое состояние я должен искать".

"Жаль, что это происходит в такое время", - сказал мой бедный старый командир.

"Пойдемте с нами, капитан, и вы по-прежнему будете командовать", - ответил мистер Эври.

Капитан Гибсон сказал:

"Нет. Я никогда не думал, что вы будете так служить мне, который был добр ко всем вам; и отправляться в путь вопреки приказу моего хозяина я не стану".

"Тогда, - сказал мистер Эври, - готовьтесь сойти на берег".

Какого честного моряка не растрогала бы судьба его старого командира? Должен ли я был стыдиться, что мои слезы упали на дрожащую руку капитана? Он ласково смотрел на меня, когда я стоял в рубашке и чулках.

"Иди, верный Мэй, - сказал он наконец. "Теперь уже ничто не поможет".

IV

Я вернулся на палубу, чтобы сориентироваться. От одного и другого, насколько позволяла царившая на корабле суматоха, я узнал, что захват *"Карла Второго"* произошел следующим образом:

Мистер Эври, воспользовавшись общим горем по поводу жалованья, чтобы выслужиться, сделал товарищами несколько десятков человек, как на *"Чарльзе Втором"*, так и на *"Джеймсе"*. В календаре была выбрана ночь, и было решено, что в определенное время по часам один человек с *"Карла Второго"* должен пойти на *"Джеймс"* и сказать, что *"Карла Второго"* прогоняют. Предполагалось, что офицеры *"Джеймса"* отдадут приказ о преследовании пиннасы, и тогда друзья мистера Эври должны будут толпиться, заполнять лодку и направиться к *"Чарльзу Второму"*, где вместо того, чтобы арестовать его, они обратятся к своим товарищам и захватят вместе с ними злодеев с *"Чарльза Второго"*, которые тем временем захватят боеприпасы и снаряды на борту нашего корабля. Тросы

"Карла Второго" должны были быть перерезаны, все шлюпки, кроме двух, перевернуты, а паруса распущены.

Все шло по плану. В девять часов один человек перешел с "Карла Второго" на "Джеймс". У трапа этого судна он обнаружил мистера Друита, помощника вахтенного. Он сказал мистеру Друиту.

"Не видели ли вы на борту своего корабля нашего пьяного боцмана?"

"Нет", - отвечает мистер Друит. "А разве он не у вас на борту?"

"Нет", - ответил злодей-заговорщик, - "его на борту нет, а вот беда - есть".

Он наклонился к матросу и прошептал.

"Они бегут с "Карла Второго".

Мистер Друит тут же приказал вывести пиннас, что, конечно же, послужило лишь поводом для разбоя. Двадцать шесть человек, нагруженные гамаками и морским снаряжением, тут же бросились вперед и укомплектовали пиннас.

"Мистер Друит закричал, видя, что затевается злая игра, но негодяи опустили весла в воду и скрылись в темноте, ругаясь и распевая.

Тогда капитан "Джеймса" Хамфрис бросился к поручням и закричал в свою рупорную трубу, что его судно угоняют, на что мистер Эвери, тоже в трубу, дерзко ответил, что и сам это прекрасно знает. Так они подошли к нашему кораблю и связали себя узлом с нашими негодяями.

Не успели беглецы с "Джеймса" разложить свои гамаки на нашей палубе, как был поставлен легкий парус, и мы вышли из гавани; именно это движение впервые заставило меня выбежать из каюты. В одиннадцать часов топсейл был задраен, и мы легли. Мистер Эври, который теперь называл себя капитаном, разнес по кораблю весть о том, что некоторые могут отплыть на пиннасе "Джеймс", если пожелают. Духовные люди, сказал он, останутся на корабле и получают свое жалованье. И он рассмеялся.

V

Вот здесь-то и кроется суть дела. Выбирал ли мистер Эври тех, кто должен сойти на берег, если они того пожелают, или же эта свобода была предоставлена любому? Если мистер Эври выбрал людей, которые должны были идти, то мы, оставшиеся, были удержаны против нашей воли и невиновны; если же мы могли пойти и не пошли, то мы виновны.

На первом суде нас оправдали за пиратство на корабле "Гунсвей", а сейчас я говорю о втором суде, на котором обвиняли в краже корабля "Карл Второй". Следовательно, король должен был доказать, что мы были участниками этого последнего преступления. Все королевские свидетели клялись, что любой человек может уйти, кроме доктора; все мы, заключенные в тюрьму, упирали на то, что никто не может уйти, кроме как по разрешению мистера Эвери.

И кого же призвал король?

Крига. Этот человек был одним из тех, кто покинул корабль, когда шлюпка отчалила к берегу. Был ли он хорошим, честным, благородным человеком? Если бы он был таким, разве стал бы он впоследствии связывать себя с капитаном Воганом и переходить на сторону врагов короля с кораблем Вогана, за что он и лежит с нами в кандалах? Каким же правдивым он должен быть!

Граве. Он тоже ушел с нашего корабля; но он был так занят, когда уходил, умоляя мистера Эвери позволить ему взять свой морской сундук и одежду, что не имел возможности заметить многое другое, что там происходило. Как же он нашел время, чтобы так много узнать о моем поведении? Он говорит.

"Когда мы получили свободу выйти из корабля, этот человек, Мэй, взял меня за руку, пожелал мне счастливого пути домой и попросил запомнить его жену; он был очень весел и весел и знал, куда они идут".

Веселый и задорный, да еще и знающий сообщник! Какие у него были доказательства, что я знал, куда мы едем? Кто, кроме мистера Эвери и его кольца, знал об этом?

Креа и Граве - вот и все, что касалось моего участия в заговоре, и Креа можно списать на прирожденного лжеца, пытающегося добиться своей цели на предстоящем процессе о государственной измене, осуждая честных людей, а Граве - даже если он и рассказал о нашем расставании - не предоставил никаких доказательств, кроме своего скупого заявления, что я "знал, куда они едут". И все же, если разобраться, я был осужден и передан палачу на основании этих пяти слов.

Но, скажут некоторые, как объяснить, что вы были на мятежном корабле, украли его и ушли в море? Я утверждаю, что Сэм Парсонс может рассказать мне о том, что касалось мистера Эвери и меня, но Парсонс в Виргинии, и там, если королю угодно, он может оставаться.

Увы!

Мой бедный старый командир, капитан Гибсон, был поднят на пиннас, где уже находилось семнадцать или восемнадцать человек, которые, когда мы бросили им черпак, о котором они плакали, отчалили в город.

Позвольте мне задать любому здравомыслящему человеку такой вопрос: Как могли сто человек, если бы они захотели, уплыть на корабельном пиннасе?

Когда шлюпка отчалила, мы приступили к корабельным делам и, отталкиваясь от ветра, поспешили покинуть эти места. Я был смещен с должности квартирмейстера, а вместо меня к кнуту был приставлен добровольный негодяй. Больше половины из нас не знали ничего, кроме того, что мы должны быть в незаконных обстоятельствах.

Корабельных воров было не более пятидесяти человек; однако, контролируя снаряды, взрыватели и стрелковое оружие, они могли заставить остальных сто человек повиноваться их ужасным замыслам. Менее одного из десяти человек на борту умели читать и писать, в большинстве своем это были невежественные моряки, которых легко обмануть и подчинить себе. Мистер Эвери и его нечестивцы не только украли корабль, но и похитили команду.

VI

Когда мы отплыли из Гройна, у нас был запас хлеба и пара сотен шерстяных чулок; но, не имея говядины и хлеба, мы встали на Мадейрских островах. Злой нрав мистера Эвери быстро проявился, и нас отправили на борт трех английских кораблей, стоявших у островов, и разграбили их под предлогом выдачи расписок за взятые вещи с обещанием заплатить в будущем. Мистер Эвери очень смеялся над этим.

Так же он смеялся и над нашими операциями на побережье Гвинеи, куда мы отправились с Мадейры. Мы приплыли в Гвинейский залив под английскими знаменами только для того, чтобы заманить на борт бедных, доверчивых негров этой страны, которых, когда они приплыли, полагая, что мы собираемся торговать с ними, лишили их золотых побрякушек и бросили, скованных цепями, в наш трюм.

Этих пленников мы переправили с материка на остров Принца в заливе и продали голландским поселенцам. Когда пришло время поднимать их на палубу, мы обнаружили, что мертвые и живые иногда прикованы друг к другу. Это было очень страшно.

Будучи уже настоящим пиратом, мистер Эвери на этом Принцевом острове сразился с двумя датскими кораблями. Мы их изрядно удивили: несколько их людей находились на берегу. Мы подошли к большему из них с подветренной стороны и, открыв порты, вдарили по нему из двадцати пушек; удар нашей дроби вытряхнул двух датчан из саванов на палубу, как пару спелых слив с дерева. Купцы с хорошим настроением пытались переключить свои полдюжины мелких орудий, но выстрел из мушкета убил капитана того судна, которое мы атаковали первым, и оба корабля сдались.

Наше храброе выступление и разговоры так подействовали на некоторых датчан, что несколько человек из них присоединились к мистеру Эвери. Мы так повредили датский бриг, что мистер Эвери поджег его, а мы стояли в стороне, наблюдая за горением и ликуя всякий раз, когда взрывалась канистра с порохом, а мистер Эвери стоял на нашем пупе, и красные отблески пламени освещали его лицо, он кивал головой и смеялся про себя.

Меньшее судно мы взяли с собой, мистер Эвери рассчитывал стать великим адмиралом во главе огромного пиратского флота, хотя, конечно же, ухмыляется благородство этого почетного звания, если отдать его такому черному негодяю.

В Ньюгейтскую тюрьму пришло множество людей - и не мало из них самых модных - посмотреть на людей пресловутого капитана Эвери, как будто у нас ноги расщеплены, как у козла, или рога спрятаны под лобками. Некоторые из них говорили, что нам, служащим по принуждению, не пристало участвовать в этих злодейских схватках и греховной торговле рабами. Почему, говорят они, вы не сбежали от мистера Эвери при первой же возможности и не вернулись в Англию, чтобы раскрыть его преступления?

Не было ни первого, ни среднего, ни последнего шанса.

И что это был за корабль! Вместо дисциплины здесь царил беспорядок, весьма болезненный для старого королевского человека. Каждый считал себя равным другому, и хотя мистер Эвери был жестким человеком и быстро наносил удары, ему подчинялись только потому, что он был штурманом, и никто не мог управлять кораблем так хорошо, как он.

Но он не мог сделать ни одного общего движения, не посоветовавшись предварительно со всеми, и все принимали в этом участие до тех пор, пока не раздавался звук, похожий на карканье ворон. Мы проголосовали по всем вопросам: о следующем месте для грабежа, о наказании за проступки на борту и о том, сколько добычи должен получить каждый человек.

Последнее, скажу я вам, было для собак костью, на которую они рычали и кусались. Такие новички, как датчане, были за то, чтобы получить столько же из мешка, сколько и те, кто угнал корабль в Гройне.

"Нет, - сказали эти, - не так, ведь мы привели вам корабль, а вы не даете нам ничего, кроме своих рук".

"Хорошо", - сказали новобранцы. "Тогда мы можем снять себя, а вы можете забрать свой корабль и быть повешенными".

Так дерево развилось, и на его противоположных ветвях появились горькие плоды.

Небольшой датский шлюп, который мы везли с собой с острова Принца, рано вызвал вражду между нами. Мистер Эври хотел оставить его в качестве тендера; другие были за то, чтобы продать его, чтобы выручить немного денег.

"Если вы продадите ее, - говорили некоторые, - каковы будут доли каждого?"

Тут же разгорелась ссора, и ни о чем не удалось договориться, кроме того, что мистеру Каждому полагается две доли; то есть если бы высшая доля составляла тысячу фунтов, мистеру Каждому полагалось бы две тысячи фунтов, но в остальном согласия не было; спор был таким же острым, как если бы деньги за шлюп уже лежали в кассе квартирмейстера. Французы, набранные на Мадейре, были за произвол кортика, и, видя это, а также то, что настало время действовать, мистер Эври приказал выстрелить из двадцатифунтового орудия и нацелить его на шлюп. Он перерезал буксирный трос и сказал: "Дайте ей по ветру и воде", после чего старый Хосе, испанский канонир, так метко попал ей под самые нижние порты, что она продержалась на волнах не более пятнадцати минут.

"Лучше пусть она утонет, чем мы", - сказал мистер Эври мужчинам, которые теперь начали понимать, что если они не смогут договориться лучше, то все предприятие будет разрушено.

VII

Мы повернули к мысу Лопес и, заехав за водой в Аннибо,^[7] направились к мысу Доброй Надежды, где взяли небольшой каботажный шлюп, надраили его и отпустили. Затем мы прибыли на Мадагаскар, где немного задержались. Я уже много раз бывал здесь на честных кораблях, и мне было стыдно, что теперь я попал сюда с этой незаконной компанией".

^[7] Анамабоз.

Не то чтобы там был кто-то, чьих упреков я опасался, ибо Мадагаскар был самым нечестивым местом в океане, за исключением Вест-Индии; но мне было нелегко думать, что теперь я оказался среди тех, кого в прошлом считал злоумышленниками. Со времени моего

последнего визита прошло три года, и пиратство настолько разрослось, что стало очень большим злом.

Я увидел еще больше пиратов из Вест-Индии, по большей части англичан, прибывших из американских провинций, но это было такое необычное племя, что их нельзя было принять за наших соотечественников, разве что по их речи; они были одеты на испанский манер: яркие шелковые пояса, шелковые рубашки, бриджи с рюшами; многие носили серьги, а некоторые - тяжелые золотые цепи на шее, по истинной моде карибских морских разбойников. Воистину, это место стало метрополией безрассудства, базой для преступных круизов до самого Аденского залива и побережья Индии.

Мистер Эври не мог приплыть сюда за дичью с Мадейры, но должен был платить за провизию, которую он покупал, и за коров, которых он покупал, чтобы зарезать и засолить, ибо никто не торговал здесь иначе, как с обнаженным клинком в одной руке и ценой в другой.

На Мадагаскаре я подхватил болезнь, которая до сих пор мучает меня и довела до самого жалкого состояния тела и ума, в какое когда-либо попадал человек. Я был уже слишком стар для пиратских походов, мне было уже за шестьдесят, а долгие лишения и испытания, которым подвергалась моя жизнь в море, - непогода и невыносимая пища, которую мне приходилось терпеть, - делали меня пригодным скорее для домика на родных Мендипских холмах, в приходе Чеддер, чем для участия в такой загульной компании, в которую меня завели жестокие обстоятельства.

Судовой врач нашел на Мадагаскаре возможность бросить наш образ жизни и сбежал с корабля, оставив меня и еще нескольких больных страдать в каютах, беспомощных на руках людей, которые были скорее пьяны, чем добросердечны. Как часто я лежал на койке и наблюдал, как повар, не в меру разгоряченный ромом, кренится и рыскает у моего порога, готовый в один миг основать и бросить мне на голову кусок горячего мяса!

Незадолго до того, как мы покинули этот злой и буйный остров, один из пиратов Карибби - англичанин родом из Бостона в Новой Англии - привел ко мне доктора со своего корабля, остроумного негодяя, которого в его стране искали за многие преступления. Этот парень пустил мне кровь двумя способами: один - своим копьем, другой - своими вороватыми пальцами, потому что, изрезав мое тело, он хитростью стащил с моего пояса тридцать золотых гиней. Он сказал, что я болен гнилостной лихорадкой и сухой болью в животе. Он нашел меня с двумя болезнями; он оставил меня с третьей - жгучей злобой на злодея, которую нельзя ослабить иначе, как кровопусканием; и я уже давно ношу пиявку, которая может глубоко высасывать его продажную кровь.

Мистер Эври теперь отплыл на Джоанну^[8].

^[8] На Коморских островах, в Мозамбикском канале, у берегов Мадагаскара.

"Здесь, - подумал я, когда мы бросили якорь, - тихое место для смерти старого Билла Мэя, счастливого тем, что его последний вздох не должен быть сделан на корабле, украденном у его короля и страны".

Вместе с другими больными меня высадили на берег Джоанны, где нас уложили в ряд под деревьями, а мистер Эври выделил несколько человек для ухода за нами. Теперь я был совершенно беспомощен, оставаясь без рук и ног и отчаянно опасаясь за свою жизнь. В

некотором спокойствии мы провели там всю ночь, но перед полуднем следующего дня в поле зрения появились три больших корабля - East Indiamen, и мистер Эвери, сильно напуганный тем, что его застанут на рейде с половиной команды на берегу, приказал всем подняться на борт и взять с собой бочки с водой и больных. Они прибежали с большой скоростью и суматохой, чтобы унести меня; но я сказал.

"Оставьте меня здесь; у меня нет сил сражаться с этими тремя кораблями; я предпочитаю лежать здесь и верить себя моим соотечественникам или милосердию островных негров".

Времени на пререкания не было, и люди без лишних слов бросились к своим лодкам, и вскоре *"Карл Второй"* был прижат к ветру и унесен прочь, как заяц перед гончими.

Индийские корабли встали на якорь и деловито притащили бочонки и бочки с водой, лодки курсировали между берегом и кораблями. Я решил обратиться к ним за пропуском с этого одинокого берега и убежищем от злобного мистера Эври, поэтому сделал себе костыль из сучьев дерева и, опираясь на него, очень мучительно пополз к месту, где шла работа.

Командовал кораблем толстый человек с красным лицом и очень белыми волосами, которого, как сказал мне матрос, звали капитан Эджкомб. К нему я обратился с просьбой взять меня на борт его корабля, но он, когда я признался, что я с *"Карла Второго"*, обругал меня грязными словами, оскорбил перед всеми людьми и горячо поклялся, что отдаст меня в Бомбей - а там на палачу. Таким образом, о непотребствах на нашем корабле заговорил весь мир.

"Да, - сказал я, - капитан Эджкомб, сэр, лучше я отправлюсь с вами в Бомбей и умру по закону своей страны, чем погибну здесь от рук этих язычников-чернокнижников или среди злых пиратов".

Он отвернулся к своей работе, в горле у него грохотало, как в конце грозы.

Но другие сжалились надо мной. Приходя и уходя со своими бочками с водой, гуманные люди приносили мне то одно, то другое, чтобы освежить меня, ободряя обещанием, что я уйду с ними. Вечером был взят последний груз. В этой лодке находились доктор и кошелек, оба они сказали, что капитан придет за мной на борт.

"Я готов в любой момент, - сказал я им, - ведь все, что у меня есть в мире, - это одежда, которая висит у меня на спине".

С большой надеждой я уселся на песок и стал смотреть, как солнце уходит на покой за дальнюю линию моря; но еще больше я смотрел на мачты и верфи трех кораблей, которые так грозно и черно выделялись на фоне красного неба. "Скоро они придут, - подумал я, - ведь они уже готовятся к отплытию", - люди уже в саванах и на подножках.

Когда стемнело, свет перескакивал с иллюминатора на иллюминатор, когда люди ходили по палубе и устанавливали фонари. Полагаю, время перевалило за полночь, когда загрохотали якорные цепи, заскрипел капстан и по воде разнеслось пение людей, работающих на нем, и стук их брусков в гнездах барабанных головок. "Скоро они будут здесь", - подумал я и пригнулся как можно ближе к воде, чтобы не терять сил, когда за мной приплывет лодка.

Но она не пришла. Наверное, был уже час, когда огни корабля стали удаляться - все дальше и дальше, пока не погасли совсем, и только длинная, тонкая полоса лунного света лежала в широком, пустом пространстве.

Мои ноги стали мокрыми; я посмотрел вниз и обнаружил, что стою в воде по колени.

Как сурово море!

VIII

Я сполз на песок и тупо пролежал всю ночь, не думая и не желая встречать утреннюю зарю. Черные серны, бесчинствовавшие на этом острове, наверняка прикончили бы меня, если бы не болезнь, хотя некоторые из них уже были на берегу, когда мы пришли, и не причинили нам никакого вреда.

Ближе к полудню, когда я сидел под деревом и чувствовал, что мне приходит конец, ко мне подошел один из негров. Это был очень высокий человек с каким-то перекошенным лицом, подбородок которого был выдвинут не вперед, а вбок, что не придавало ему симпатичного вида. Одет он был в бриджи и рваную рубашку, а за поясом у него торчал матросский кортик, что меня очень удивило. Если бы он был стервятником, то нашел бы только костлявую тушу.

"Привет, Джек!"

Я открыл глаза, уверенный, что лихорадка добралась до моего мозга.

"Кто ты?" спросил я, не веря, что мои уши слышат английский язык от местного негра.

Он откинулся назад, положив руки на бедра, и рассмеялся над моим изумлением.

"Ты знаешь Беднал Грин,^[9] Джек?"

[Бетнал Грин, ныне в черте Лондона.

Беднал Грин? Да, Грин - это имя, а зеленый - слово. Зеленый! О, листья, трава, молодые весенние почки; одна их горсть стоила больше, чем все эти желтые пески, сверкающие воды и банановые небеса! Беднал Грин! Само слово - название - было как холодная вода на языке! Беднал Грин! Да, если бы у меня был выбор между столовой в таверне "Белая утка" и дворцом Великого Могола за водой в Индии, я бы не стал торговаться. Знал ли я Беднал Грин!

"Да, - сказал я, - очень хорошо".

"У вас есть эль в "Белой утке"?"

Эль в "Белой утке" - то самое место, которое вертелось у меня в голове! Тогда я понял, что сплю; что я не в себе и что скоро умру. Я действительно пил эль в "Белой утке"; часто пил его зимними утрами, когда хозяйка Браун в чистом фартуке поддерживала на решетке яркий огонь, а извозчики из деревни, оставив свои повозки на улице, входили в дом, дуя на кончики пальцев и выкрикивая сплетни о замерзших дорогах. Я потеряла сознание, как в обмороке.

Когда я пришел в себя, то лежал в старой хижине рыбака, а большой черный парень обмахивал мою голову пучком широких листьев. Должно быть, он принес меня с берега - легкая работа, ведь я был весь в коже и костях, а он - гигант.

Когда он увидел, что я открыл глаза, то сказал, что ничего не боится, что я в его доме и здешние жители не причинят мне вреда. Он сказал, что я могу называть его Джимом.

Джим ухаживал за мной, как за младенцем; он давал мне еду и питье; он старался, чтобы мне было прохладно в полдень и тепло ночью, и все это без платы, потому что ни одного пенни из моих немногих оставшихся монет он не взял. У него было просто доброе сердце. А в промежутках он рассказывал мне странную историю своей жизни.

Давным-давно он прибыл в Англию из Африки на британском корабле и поселился в Лондоне, в частности в этом пригороде Беднал-Грин, где занимался то одним, то другим делом, где требовался сильный человек. В конце концов, решив снова отправиться в море, он покинул Англию на корабле "*Рочестер*" - я хорошо знал его - и направился в Индию.

Но у Гвинеи они вступили в морскую схватку с французом, и их с большим трудом потеснили, поскольку у противника было больше пушек и людей, чем у них. Решив бороться до конца, капитан "*Рочестера*" - вероятно, чтобы удержать своих людей от бегства, - приказал Джиму отрезать баркас от кормы корабля. Джим не выполнил приказ: перерезав канат, он остался в лодке и скрылся с ней под прикрытием оружейного дыма.

Он не успел отойти и на милью, как "*Рочестер*" с огромным шумом взорвался - случайно взорвался порох. Он добрался до Гвинеи, а оттуда, на одном корабле и на другом, медленно добрался до этого места Джоанны, где задумал поселиться среди туземцев.

"Почему, - спросил я, - вы так добры ко мне?"

На это он ответил, что питает доброту к простым матросам; что они много страдают на своих кораблях от рук жестоких хозяев, и многие из них, не имея ничего, часто обеспечивали его нужды.

Восемь недель черный Джим заботился обо мне - бедном, покинутом, брошенном моряке, и на нем лежало благословение моряка. Я обязан ему жизнью.

По истечении этого срока он однажды пришел в хижину и сказал, что к нам идет корабль. Он подкрепил мои силы, и теперь я мог немного ходить, я вышел на солнечный свет, а там, конечно, стоял корабль, и это был корабль мистера Эвери. Очевидно, он снова пришел за водой.

И тут передо мной встала загадка. Должен ли я вернуться к нему или остаться с добрым Джимом и его людьми? Я англичанин, а не африканец; я бы снова оказался дома. Джим не мог спуститься на берег из страха, что его заберут в рабство, но он вместе с туземцами убежал обратно на остров. Я от всего сердца попрощался с ним - единственным другом, которого мне предстояло найти за тысячи водных миль.

Мистер Эври был внизу, у лодок.

"Привет, старина Мэй, - сказал он. "Мы думали, что ты уже умерла, что болезнь забрала тебя. Должно быть, ты родился, чтобы быть повешенным!"

IX

Выход в море еще немного укрепил меня, и я воспрял духом, хотя дурные ассоциации с *Карлом Вторым* мучили совесть. С тех пор как они покинули Джоанну, им перепало совсем немного, и настроение у команды было кислое.

Однако они собрались и решили отправиться в Аденский залив, чтобы найти мавританские корабли и, возможно, перебить богатый флот Мокка, о передвижениях которого они узнали на Мадагаскаре.

"Этим, - сказал мистер Эври, - мы сделаем свою удачу", - удача - великое слово в его устах.

В этих краях солнце жестоко. Когда мы подошли к заливу, жара навалилась на нас, как удушающее одеяло; нет, как множество одеял, так что сам воздух, которым дышали, казалось, обжигал горло; мы ходили по палубе почти голые - положить руку на одну из пушек было все равно что положить ее на раскаленную печь, - и мистер Эвери растянулся под тентом. Эвери растянулся под тентом, натянутым над пупом, пил бомбу^[10] и мечтал о том, чтобы сколотить состояние и жить в прекрасном доме с прекрасной женой в Англии. Мы не могли нарадоваться на прохладные воды, но с каждым днем все больше и больше погружались в топку.

^[10] Грог из лаймов, сахара и т. д.

В устье Красного моря - красный цвет пламени - мы столкнулись с двумя кораблями, которые были на том же счету, что и мы, а на следующее утро после встречи с ними встретили еще три корабля с дурными намерениями, некоторые из которых были англичанами из Америки - капитаны Мэй (не мой родственник) Фаррел и Уэйк - пока вы не предположили, что собрался парламент пиратов. Мы все были здесь ради флота Мокка; но, проехав вместе ночь или две и обменявшись визитами, мы разошлись, каждый капитан имел свое представление о месте, где должен пройти искомый флот.

Но море широко и путей много, и флот Мокко проскочил мимо нас в ночь на субботу. На следующее утро люди собрались на общий совет, преследовать их или нет, и после долгих споров, как обычно, проголосовали за преследование, и таким образом суббота была осквернена нечестивой погоней.

На закате мы настигли отстающий корабль флота и взяли его без боя, а с ним и кое-что из золота и серебра, но не большую сумму. Мы посадили на борт призовую команду, но вскоре отозвали их и оставили корабль продолжать плавание.

В этом грабеже было достаточно прибыли, чтобы развеселить наших людей, и они жаждали большего. Через несколько дней после этого мы заметили еще один парус и, подняв якорь, направились к нему. Прежде чем мы подошли к ней, на море опустилась дымка, которая вскоре превратилась в густой туман, что благоприятствовало предприятию мистера Эвери, позволив ему подойти поближе и устроить своего рода сюрприз.

Когда мы подошли достаточно близко, мы выстрелили ей в нос; но она, опасаясь, что мы - незаконное судно, отказалась отступить, а прижалась к ветру и ушла. С бризом по правому борту, несмотря на туман, мы держали ее в поле зрения; и, будучи лучшими моряками, мы приблизились к ней так близко, что приняли ее за ост-индский корабль "*Гансвей*".

Теперь мистер Эври периодически рыскал своим кораблем, стараясь попасть на дистанцию; но они первыми открыли огонь по нам, дав заряд из своих кормовых пушек, который перебил

нам правый форштевень и мог бы, будь он чуть чище, избавить нас от преследования. Мистер Эври ответил нашими носовыми пушками, которые, как мы узнали позже, не причинили им особого вреда.

Наш капитан, желая быстрее получить дистанцию для стрельбы, а *"Гансвей"* начал показывать шанс на спасение, сильно опустил руль и, пройдя носом вперед, навалился на *"Гансвей"*, так что наш катборт оказался рядом с трапом правого борта. Здесь мы сражались дубль в дубль - они из медных пушек, мы из железных - такого красивого боя я не видел со времен старого *Гектора* и битвы при Бергене.

Если бы нам пришлось сражаться подобным образом, исход боя мог бы быть неопределенным, но мистер Эври, который, как я уже говорил, был прекрасным моряком, хитростью вывел свой корабль из строя и сумел отвести его от *Гансвея*, а затем, встав под его кормой, пустил в него широкую пушку.

На этом бой, который длился не более часа, закончился. Индиаман поднял белый флаг, но меньше он сделать не мог, так как его корпус и такелаж были сильно повреждены, а десять его людей лежали мертвыми у пушек. Полдюжины пиратов было убито и несколько ранено.

Во время боя я таскал боеприпасы и оттаскивал раненых в трюм - уклониться от работы здесь означало бы быстро покончить с жизнью.

Через фальшборты *"Гансвей"* переваливались наши злодеи и жадно бегали по кораблю, ища добычу. Вскоре раздался крик, и из хозяйской каюты выбежали четверо мужчин, неся окованные медью сундуки - сокровища корабля.

Кто-то топором разбил крепления, и на палубу высыпались огромные груды золотых и серебряных монет; восьмьюшек, например, мы потом насчитали не меньше ста тысяч. Добавьте к этому такое же количество чекинов^[11], и вы увидите, что мистер Эври сколотил себе состояние.

^[11] Блестки - стоимостью около 2,25 доллара.

Пираты обезумели от восторга: кто-то танцевал на деньгах, кто-то бросился палубу, подбрасывая и перебирая монеты, как дети, играющие на песке; а мистер Эври стоял, опершись на свою тесаку, смотрел на блестящие кучи и смеялся.

Мужчинам ничего не оставалось делать, как разделить добычу, и средняя доля составила тысячу фунтов за штуку. Мне досталось пятьсот фунтов, хотя я был болен, бесполезен и скорее мешал, чем помогал.

Хотя это были не те деньги, которые полагаются солончаку, я вынужден был взять их, не желая, чтобы меня отметили среди них. Когда они лишили *Гансвей* всего, что можно было унести, они оставили ее, чтобы она отправилась в Сурат со своей печальной историей преступления.

Х

С таким заметным пятном на душе все почувствовали, что настало время покинуть эти края. Мы отправились к индийскому побережью, откуда намеревались отправиться в Вест-Индию. Однако большая часть людей решила покинуть корабль в Индии, и двадцать пять французов, четырнадцать датчан и компания англичан были отправлены на берег по их желанию. Они боялись, что если прибудут в Англию и их поймут, то повесят, и считали себя в большей безопасности среди язычников.

Мистер Эври отправился в Вест-Индию с легким экипажем и не пытался пиратствовать на протяжении всего этого долгого и утомительного пути. Мы заходили на воду в одном или двух местах, включая Вознесение, но не делали длительных остановок, пока не бросили якорь у Нью-Провиденс.

Придя в этот порт, мы не знали, какой прием может нас ждать; поэтому, встав на якорь, мы посоветовались, и один из клерков составил письмо губернатору острова Провиденс, в котором говорилось, что мы желаем войти в город, найти якорную стоянку и пользоваться свободой этого места, за что люди подарят губернатору двадцать кусков из восьми и два куска золота, все это было сказано, а мистеру Каждый, поскольку у него была двойная доля, предложил за себя сорок кусков восьмерки и четыре золотые монеты.

Нашим послом был некто Адамс, который с несколькими нашими людьми в качестве почетного караула отправился на берег, а мы остались ждать результатов. Вскоре наши посланцы вернулись с письмом от губернатора, в котором говорилось, что нам рады и мы можем приходить и уходить, когда нам заблагорассудится. Так за шестьдесят сребреников и шесть золотых мы купили ключи от города.

На этом приключение, так нечестно начатое в Гройне, закончилось. Большинство наших людей разбрелись по Вест-Индии, где нашли большое гостеприимство для пиратов, особенно на Нью-Провиденсе, который соперничал с Мадагаскаром по количеству людей такого склада.

Мистер Эйри очень подружился с губернатором острова и подавал все надежды стать одним из главных злоумышленников этого региона. Здесь он нашел себе занятие по душе, ибо из этих мест настоящие флотилии буканьеров отправлялись охотиться на сам Мэйн, на американские провинции, - куда угодно, даже, как я видел, к далеким берегам Африки и Индии.

Что касается меня, то на деньги, полученные от *Гунсвея*, я купил билет на корабль, идущий к плантациям Виргинии.

"Прощай, нечестивый корабль и нечестивые люди", - подумал я, когда виргинское судно проходило мимо стоящего у причала *Карла Второго*. "Прощайте, - сказал я, глядя на пустые палубы, на которых белело жаркое солнце; - прощайте, и да будете вы поскорее погребены в глубоких водах".

Если бы я был философом-моралистом, а не простым моряком, я бы извлек пользу из своих размышлений.

Если бы я задержался в Вирджинии, где есть много интересного для человека! Но нет, я жаждал оказаться дома, под солнцем; я жаждал прохладных долин Сомерсета и сладкого вечернего воздуха, который с Мендипса обдувает сизым торфяным дымом соломенные

крыши простых коттеджей; я жаждал тишины и покоя, и эти честные желания заставили меня преступить порог жестоких судов правосудия.

Я был все еще очень слаб, когда, наконец, выполз из доков Бристоля в город. Неделю я пролежал в постели в таверне на Хай-стрит, страдая от возвращения сухой боли в животе.

Я чувствовал, что меня подстерегает опасность; ведь по всей Англии только и разговоров было, что о пресловутом капитане Эври; ни одно преувеличение его преступлений не было слишком велико или неправдиво, чтобы не попасть в глотки зазевавшихся людей. За всем этим стояла Ост-Индская компания, а также могольские правители, которые постоянно ужинали с британским правительством, требуя наказания и уничтожения пиратов.

Все это должно было испортить мне погоду, но я твердо решил отправиться к моим лордам из Адмиралтейства и открыто рассказать обо всем, что произошло. С трудом натянув бриджи на исхудавшие колени, я все же оплатил счет и отправился на карете в Лондон.

Не успела карета отъехать и трех лиг от города, как к ней причалили, и вот, пожалуйста, посланцы короля в поисках старого Билла Мэя.

"Ты один из людей Эвери", - сказали они, вытаскивая меня на трап. "У нас есть ордер, чтобы взять тебя".

"Вы только предвидите меня, - сказал я, - ведь я ехал в Лондон, чтобы все разузнать".

Они отвезли меня в Бат в собственной карете, и там перед его светлостью герцогом Девонширским меня допросили на предмет моего участия в предприятии мистера Эвери. Я дал четкий отчет обо всем, что здесь излагаю; но, несмотря на это, меня вернули в Ньюгейтскую тюрьму, чтобы судить как преступника.

В этой тесноте я застал своих старых товарищей по кораблю Джозефа Доусона, Эдварда Форсайта, Уильяма Бишопа, Джеймса Льюиса и Джона Спаркеса, а также молодого Миддлтона и Дэна, которые пробирались домой то на одном, то на другом корабле, чтобы быть схваченными, как и я. То один, то другой человек, узнав в нас людей Эвери, предавал нас.

Сначала мы предстали перед судом по обвинению в пиратстве *на Гунсвее*. Перед нами стояла скамья из дюжины судей; нас преследовал косяк обвинителей; нам лгали то один, то другой свидетель, но, несмотря на все это, несмотря на Дэна и Миддлтона, дерзкого паренька на борту нашего корабля, которые были свидетелями короля; несмотря на громы, рыки и взрывы адвокатов, присяжные - истинные люди и добродетели - признали нас невиновными.

Это выставило королевских адвокатов на посмешище всей стране, и, чтобы сохранить лицо, они устроили нам еще один суд, на этот раз за угон "*Карла Второго*" в Гройне. В качестве свидетелей они снова привлекли молодого Миддлтона, а также мистера Граве, старого второго помощника, и лжеца Креага. Они не только рассказали о том, что произошло в Гройне, но Миддлтон и еще один или два человека прошли через всю Индию и снова добрались до Нью-Провиденс, - это был хитрый способ дважды судить нас за одно преступление.

Как судьи и адвокаты напутствовали присяжных!

"Если вы обладаете истинно английским духом, если вы верите в христианскую религию - я уже почти сказал: "Если вы любите свою мать", - вы должны осудить этих негодяев".

Как они издевались над присяжными, оправдавшими нас на первом процессе; можно было подумать, что они не кто иные, как переодетые французы, самые настоящие предатели, еретики и убийцы. Да, они нас оправдали: мы виновны.

Вчера вечером дьячок церкви Святого Гроба Господня[12], по обычаю, пришел под наши окна со своим колоколом и взывал к тем, кому, возможно, придется умереть завтра, чтобы они раскаялись в своих грехах. Этот скорбный звук поверг меня в ужас; боюсь, что утром мое имя будет значиться в смертном приговоре".

[12]Церковь, стоявшая напротив Ньюгейта.

XI

Предчувствие мистера Мэя оправдалось. В среду, 26 ноября 1696 года, в Казенной палате, которая выходила на Темзу в Блэкуолле и была обычным местом наказания преступников Адмиралтейства, его и его товарищей повесили.

Читая его причудливую историю (которая, по сути, была его показаниями на суде), мы приходим к мысли, что если его и его товарищей вообще должны были осудить, то только за захват *Гунсвея*, а не за кражу корабля "*Карл Второй*". Мистер Мэй опирается на протокол, когда говорит, что был осужден за последнее преступление на основании пяти слов мата Граве, а именно, что Мэй знал о заговоре.

Но не было никаких доказательств, подтверждающих заявление Граве, кроме слов некоего Крига, на которого, как мы видели, мистер Мэй довольно горько ссылается и обвиняет в стремлении соблюсти собственные интересы в серьезном деле, в которое он оказался втянут. Креа казался весьма ненадежным. Он был одним из тех, кто покинул *корабль Карла Второго* в Гройне по предложению Генри Эвери, который предложил всем, у кого не хватило духу пойти с ним и собрать свое жалованье, уйти более или менее спокойно. Добравшись до Англии, он снова сошелся с авантурным молодым парнем по имени Воган, который в то время набирал людей на "*Лоял Кланкарти*", небольшой шлюп, который Воган планировал и перевел на службу изгнанному королю Стюартов, Якову Второму. На нем Воган беспокоил правительственные перевозки, пока его не сбили и не захватили в Ла-Манше, после боя, в котором нападавшим пришлось пробираться к "*Кланкарти*" по мелководью, держа оружие над головой, чтобы оно не высохло. Его и его команду сначала отвезли в Дуврский замок, где начальник тюрьмы, регистрировавший их, заметил, что большинство из них в то время были пьяны, а затем перевели в Ньюгейт, в котором, по весьма странному обстоятельству, Криг снова встретил старых товарищей по кораблю *Карла Второго*, с которыми он расстался в Гройне. Когда на него свалилось страшное обвинение в государственной измене, Криг увидел свой шанс и, рассчитывая таким образом добиться помилования в своем деле, охотно предложил свои показания против предполагаемых пиратов, и они были приняты. Таким образом, приговор мистеру Мэю и остальным был вынесен с большой выгодой.

Наиболее ярко его характер проявился на последующем судебном процессе по делу Вогана, во время которого его родной брат был вынужден выступить в суде и объявить его лжецом и негодяем; мелким, подлым негодяем, который без колебаний расхищал скудные средства своих родственников.

Возможно, он говорил правду о мистере Мэе, но, конечно, не без сомнений.

Если его устранили, то это было всего лишь слово Граве против слова мистера Мэя. Против Граве нечего сказать: его не обвиняли, он не получил никаких особых преимуществ, чтобы добиться обвинительного приговора, и его показания были даны довольно прямолинейно, по-мужски. Но мистер Мэй утверждает, что сама ситуация в Гройне подтверждает его собственное объяснение своего поведения, - что шлюпка, которую Эвери позволил покинуть тем, кто не хотел уходить, не могла вместить всю компанию брига, и что он был одним из тех, кого таким образом заставили остаться.

Следует помнить, как указывает мистер Мэй, что он и его сотоварищи уже были судимы и оправданы по делу о пиратстве на *"Гансвее"*, и, хотя об этом не сообщается, этот процесс должен был с большей вероятностью привести к осуждению, поскольку мистер Мэй признает, что он был соучастником этого преступления, хотя и присутствовал при этом под определенным принуждением. То, что правительство было шокировано вердиктом по этому делу, ясно из слов судей и прокуроров по второму делу, где, как указывает мистер Мэй, было оказано чрезвычайное давление, чтобы не дать присяжным сбиться с пути, как это было в первом случае.

В чем-то рассказ мистера Мэя лишен окончательной убедительности, но в отношении него можно сказать, что с технической точки зрения существуют очень серьезные сомнения в его виновности. Это история старого пса Трея: вольно или невольно он оказался в дурной компании, и на это прискорбное обстоятельство он должен возложить значительную часть своих несчастий.

А что же случилось с непослушным Генри Эйвери?

Повествование мистера Мэя не может дать нам эту информацию, потому что мистер Мэй никогда не видел своего капитана после того, как они расстались в Вест-Индии. На рубеже нового века мы знаем, что он все еще находился в черных книгах британского Адмиралтейства, поскольку Акт о милости, то есть о всеобщем помиловании всех пиратов, которые должны отказаться от своих злодеяний к такой-то и такой-то дате, изданный через несколько лет после кончины мистера Мэя, исключает из сферы его действия *"Уильяма Кидда и Генри Эвери по прозвищу Бриджмен"*.

О конце Генри Эвери рассказывают легенду, которую можно изложить вкратце - вероятно, не очень подробно, поскольку она не относится к судебным документам и, следовательно, испорчена легендой. Суть ее в том, что Эвери продолжал плавать в Вест-Индии, пиратствовал на Испанском материке, дошел даже до Каролинских островов, пока, удовлетворенный тем, что наконец-то заработал себе состоятельность и почетную отставку, и с чем-то вроде тоски по дому, которая, видимо, не совсем отсутствует даже в татуированной груди пирата, он не решил снова вернуться домой.

У него было немыслимое богатство, если оно вообще было у человека. По рассказам, у него были мешки с бриллиантами, взятыми на *Гунсвее*, баснословной стоимости. Суд над мистером Мэем предполагает, что награбленным на том корабле были деньги, и никто ничего не говорит о бриллиантах, но историк, которого мы сейчас с осторожностью цитируем, говорит, что это были бриллианты, и бриллиантами они и останутся.

В свое время он вернулся в Бристоль, но теперь обнаружил, что не может продать свои бриллианты, не навлекая на себя подозрений как на злодея. Он попробовал Ирландию, как

место, где люди могут быть менее проницательными, но обнаружил, что ирландцы, как и англичане, поражены нелепостью, скажем, бриллианта размером с яйцо, вспыхивающего и сверкающего на покрытой шрамами и смолой ладони, - и это чувство не сразу рассеивается необычайно злобещим лицом над ними.

Он вернулся в Англию - поистине бродяга-миллионер, - где по глупости решил довериться купцам. За их олдерменскими мантиями и безупречной честностью он ожидал, что сможет выставить на рынок свой уникальный товар, что он, похоже, и сделал, но когда он обратился к своим коренастым агентам за отчетом, его встретили огромные круглые глаза и оскорбленные рты.

"Бриллианты? О чем вы говорите? Бриллианты? Прочь, негодяй, что мы знаем о бриллиантах".

Это похоже на некоторые аспекты человеческой натуры, но так ли это на самом деле - не нам судить.

Так что Генри продержался пару рейсов в каботажном порту, где, будь его воля, он мог бы рассказать простым морякам захватывающую историю моря, а потом свернулся калачиком и умер, "не стоивший ни крупинки".

Во всяком случае, в моральном плане.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СТОН ВИСЕЛЬНИКА

Том Грин

I

С поросших густым лесом высот мыса Масоала можно, не привлекая к себе внимания, окинуть легким поворотом головы широкий Индийский океан, вечно набрасывающийся на скалистый пляж у подножия мыса; голубую гладь залива Антонгил до самых его дальних пределов; скопище хижин, из которых состоит городок Мананара на противоположном берегу, и крошечный островок Святой Марии, прижавшийся к другому portalу залива.

Это значит, что вы хотите видеть и не быть замеченным - довольно редкое обстоятельство в жизни простых, честных людей, но, безусловно, большое преимущество для тех, кто считает, что их особые и специфические интересы требуют секретности. Мыс Масоала знает и тех, и других. Любопытный ботаник исследовал его в поисках образцов, французский геодезист нанес на карту каждый дюйм, а оливково-серый малагасийский туземец на протяжении веков обходил мыс по своим невинным делам, совершенно не заботясь о том, кто их видит или не видит. Однако некоторые другие дворяне время от времени использовали древний мыс не совсем похвально. Как ни печально признавать, такие люди нередко сходили на берег с кораблей, нечестиво плавающих под черным пиратским флагом. Они взбирались на крутые лесистые склоны не для того, чтобы от души насладиться прекрасным, а с пагубной целью наблюдать за теми достойными людьми, которые входили и выходили из бухты Антонгил по законным торговым делам. В марте 1702 года, к примеру, не менее пятидесяти человек лежали, растянувшись в тропическом подлеске на мысе, и зорко следили за

медлительными эволюциями двух квадратных кораблей, прокладывая себе путь вдоль шаткой пристани Мананары.

Наконец оба корабля причалили, и по их такелажу забрались люди, похожие на маленьких мальчиков, и начали снимать парусину. Один из наблюдателей на дереве зевнул, вытянул над головой худые руки и сказал, звеня толстыми золотыми кольцами в ушах: "Скоро мы снова выйдем в море, капитан".

Человек, назвавшийся капитаном, кивнул. Он стоял, уперев руки в бедра, и хмуро смотрел на бухту, очевидно, разрабатывая стратегию предстоящего движения. Плоская треугольная шляпа - слишком маленькая для его головы - была надвинута на глаза; бриджи, чулки и башмаки с пряжками, очевидно, долго и тяжело носились, контрастируя с блестящим поясом на талии, из которого торчала рукоять кортика. В одной большой, жилистой руке болтался ремень, к которому был пристегнут толстый тесак. Если он был капитаном, то все эти парни, разбросанные по траве, должны были быть его подчиненными. Они, несомненно, были честными людьми, но их внешний вид их опровергал: ни один обычный человек не стал бы устраивать пикник с этой группой в их нынешнем прекрасном уединении. Их лица были столь же пестрыми, как и створки, которые почти все они носили: вот белокурый скандинав с голубыми, тоскливыми, глубоко посаженными глазами, тауновыми волосами и бородой: рядом с ним смуглый континентально-французский преобладатель, постоянно и непрерывно накручивающий бороду кольцами на указательный палец, и несколько мужчин самого черного цвета, оттенка вест-индского негра, а не более светлого оттенка коренного сакалава. Независимо от цвета кожи, каждый мужчина был способен совершить любое насилие - такова была его квалификация в качестве компаньона. Непростая группа, а как непрост должен быть ее лидер! Ну, Джон Боуэн, мускулистый вождь, был жестким человеком.

Хотя морская история и не пишет его имя с большой буквы, Джон Боуэн был одним из самых охотных работников в красном ремесле морского разбоя. Откуда он взялся и чем закончился, мы точно не знаем, но пока его киль отплясывал свой краткий час в водах Индийского океана, Джон Боуэн проявлял те качества решительности, безжалостности и стремительности, которые обычно приносят быстрое продвижение по службе в пиратстве, а нередко и последовательное возвышение, перед восхищенным и аплодирующим населением, на конце королевской веревки.

Хотя, как мы уже сказали, его происхождение неясно, почти нет сомнений в том, что Джон Боуэн прибыл на этот мыс Масоала на острове Мадагаскар прямо или косвенно из Вест-Индии, которая на протяжении многих поколений была *альма-матер* всех лучших пиратов. Эта Вест-Индия была великой школой морского криминала, в которой в то или иное время преподавали такие выдающиеся мастера, как Черная Борода, читавший лекции о насильственной смерти на море, и чей дополнительный курс по срыву кораблей пользовался заслуженной популярностью. Кроме того, многих искренних молодых студентов со всего мира привлекло замечательное изложение Морганом темы нападения, захвата и разграбления муниципалитетов. На самом деле, вся схема обучения была очень тщательной. Два выдающихся пирата, капитаны Кидд и Эвери, так высоко оценили предлагаемые им преимущества, что оба, отличившись в реальной практике, прибегли к ним для обучения в аспирантуре. В работе Джона Боуэна была какая-то законченность, тонкость, которая явно указывала на превосходство его академической подготовки и ставила его в ряд самых многообещающих выпускников. Все в Карибском бассейне предрекали ему великое будущее, и, насколько мы можем судить по его карьере, эти дружеские пророчества сполна исполнились.

Очевидно, когда Джон Боуэн предстал перед миром с дубленкой в руках и румянцем университетских наград на челе, он решил открыть свое дело в Ост-Индии, что говорит о ясности его суждений и реальной оценке возможностей, ведь в Ост-Индии того времени грамотному пирату было так легко разбогатеть, что казалось, его способности так и не были проверены должным образом. Но, разумеется, не обошлось без случайностей и неизбежных просчетов, и Джон, надо полагать, столкнулся с одной из тех неизбежных неудач, которым подвержен даже чистый гений, судя по тому, что он расположился на мысе Мадагаскара с командой, но без корабля. Конечно, время и возможность исправят это положение вещей, ведь вопрос о присвоении корабля был лишь элементарной работой на первом курсе пиратского университета, который он окончил с *отличием*. И сейчас, глядя на два корабля под собой, Джон с удовлетворением понял, что время и возможность счастливо совпали.

Он отобрал четырех англичан - двое, как оказалось, были из Нью-Йорка - и, велев остальным встретиться с ним в темноте в лесу за Мананарой, спустился к берегу, где стояла разбитая туземная лодка. Группа пересекла залив, а сам Боуэн спустился к воде, чтобы посмотреть на вновь прибывшие корабли. Уже близился вечер, и из кочегарки на каждом корабле, где готовился ужин, поднималось тонкое синее копые дыма. Матросы перевешивались через фальшборты, курили длинные трубки, смеялись и шутили на шотландском языке. Они обратили внимание на громоздкого белого незнакомца, слонявшегося по причалу, но не сделали никаких замечаний, ибо нельзя долго болтаться в водах Мадагаскара, чтобы не притупить способность удивляться. Боуэн отметил названия двух судов: "*Контент*" и "*Скорый возврат*". Последнее название он счел неудачным, учитывая все обстоятельства. *Скоропостижное возвращение*? Нет, если Джек Боуэн хоть что-то понимал в этом вопросе.

Чтобы извлечь всю пользу из этого приключения, мы должны знать кое-что об этих двух обреченных кораблях и о том, почему и как они оказались в этом маленьком порту Мананара в это конкретное время. Если мы поднимем облетевшие, запятнанные временем страницы истории, то получим в связи с этим причудливую пряжу. Нужно лишь бросить на нее мимолетный взгляд, и, бросив его, мы тем больше оценим значение зловещего вмешательства Джека Боуэна, который, разумеется, ничего не знал о том, что мы узнаем, а если бы знал, то не имел бы ни малейшего значения, - более того, он бы еще больше наслаждался своей игрой.

В июне 1695 года, примерно за полдюжины лет до появления Джека Боуэна на сцене, группа шотландских дворян с некоторыми другими людьми, менее влиятельными, добилась от английского парламента статута и хартии от английской короны, разрешающих им создать афро-индийскую торговую компанию. Их главной целью было основать шотландскую колонию на Панамском перешейке, или Дарьенском, как его тогда называли. Все собирались безмерно разбогатеть на этой затее. Но аристократы не поскупились и решили предложить акции своей корпорации публике. У них, очевидно, был прекрасный менеджер по рекламе, потому что, как рассказывает один старый писатель, когда акции были выставлены на продажу, "дворяне, джентри, купцы, народ, королевские бургомистры, за исключением одного, и большинство других государственных органов подписались". Молодые женщины вкладывали в акции свои небольшие состояния; вдовы продавали свои союзы, чтобы получить деньги для той же цели. Почти в одно мгновение в Шотландии было подписано четыреста тысяч фунтов, хотя сейчас известно, что в то время в королевстве было не более восьмисот тысяч фунтов наличными".

Вот что можно назвать продвижением - получить половину наличности королевства. Это был последний подобный шанс в Шотландии.

Все прошло настолько удачно, что английская Ост-Индская компания стала очень ревнивой и не на шутку испугалась, что на севере поднимается могущественный соперник, способный бросить вызов ее владениям на Дальнем Востоке. В политике, в финансовом мире, всеми возможными способами английская компания пыталась помешать шотландцам и в целом весьма преуспела в этом. Однако, будучи шотландцами, они пошли вперед, "удовлетворенные завистью англичан и сознанием преимуществ, которые должны были принести Шотландии" колонии в Дарьене. Было построено шесть кораблей, каждый из которых мог взять на борт двести эмигрантов, и двадцать шестого июля 1698 года весь Эдинбург стекался на Лейт, чтобы увидеть отплытие дарьенских путешественников, среди слез, восхвалений и молитв родственников, друзей и соотечественников. Многие моряки и солдаты, от услуг которых отказались, потому что их было больше, чем требовалось, были найдены спрятанными на кораблях, а когда им приказали сойти на берег, они цеплялись за канаты и бревна, умоляя уйти без награды.

Однако колония потерпела печальный и трагический крах. Когда люди прибыли в Дарьен, голландская Ост-Индская компания, подстрекаемая, как считалось, агентами английской компании, запретила факториям своих фортов в этом регионе оказывать шотландцам какую-либо помощь. Ожидая получить припасы на месте, а получив отказ, "колонисты заболели от плохой еды и недостатка пищи", и почти все они занемогли и умерли. Восемь месяцев длился ужас, а затем колония распалась, и лишь немногие выжили, чтобы, пошатываясь, добраться до корабля и вернуться домой. Тем временем другая толпа из тринадцати сотен колонистов отправилась из Шотландии в Дарьен, где их постигла та же участь, что и первых, а в живых остались лишь жалкие тридцать человек.

Шотландия возложила всю вину на Англию в целом и Ост-Индскую компанию в частности, и это глубоко раскалило и без того традиционную ненависть между северными и южными народами.

При этом шотландская афро-индийская торговая компания сохранилась, но приобрела характер более частной коммерческой корпорации. Она вступала в ортодоксальную торговлю с Ост-Индией везде, где могла обойти английскую монополию, и с этой целью посылала в индийские воды свой молодой, но небезынтересный флот, достойными представителями которого были *"Контент"* и *"Быстрое возвращение"*.

Но посмотрите, какая несчастливая судьба преследует эту шотландскую компанию! Вот она пытается оправиться от ужасного дарьенского бедствия, вот, как говорят об инвалиде, снова встает на ноги, когда жалкий, злобный и совершенно предосудительный Джек Боуэн оказывается здесь, на далеком Мадагаскаре, скрывается в лесах, готовый обрушить на бедную компанию еще одно страшное несчастье!

26 мая 1701 года из Глазго в Ост-Индию отплыли корабли *"Скорый возврат"* и *"Контент"*. Какие великие дела им предстояло совершить! Как скоро они должны были вернуться, как надеялись, судя по названию, нагруженные золотом и прибылью! Имя Джона Боуэна ничего не значило в Глазго. Такова жизнь. По моде тупых кораблей той эпохи они потащились сначала в Гвинею, потом к мысу Доброй Надежды - название удачное - и там, как и в Гвинее, обнаружили, что можно получить немалую выгоду, отложив прибытие в Малабар и собственно индийскую торговлю и занявшись работоторговлей. С этой целью они перебрались с материковой части Африки на остров Святой Марии на Мадагаскаре, где

загрузили свои трюмы негроидными сакалавами, проданными им ховитами и другими высшими племенами острова.

Нагруженные таким образом, они отправились из Сент-Мэри (Мадагаскар) на Маврикий, где выгрузили свой груз рабов и в марте 1702 года снова вернулись на Мадагаскар, в место, которое они называли Маритан, но которое, вероятно, стало Мананара, готовые к приему очередной партии негров, и, хотя, естественно, это было выше их ожиданий, гроза такой отчаянной банды пиратов, которая когда-либо бросала кости палачу.

Постепенно команда Боуэна, лишенная кораблей, собралась в лесу за городом и с нетерпением ждала утра. Когда тропическое солнце резко вынырнуло из-под далекой, тонкой, восточной линии Индийского океана, они подпоясались ремнями, взяли за оружие, натягивая тесаки и заряжая пистолеты, и стали ждать радостного слова о наступлении. Боуэн собрал четырех англоговорящих мужчин, которых он отобрал накануне, рассчитывая на то, что они ему сразу пригодятся, и отправился с ними на самую окраину города, где они расположились среди буйной растительности и наблюдали за добычей. Прежде чем отделиться от основной группы, Боуэн, как истинный генерал, обратился к своим солдатам. "Если дело дойдет до беды, - лаконично сказал он, - и вы окажетесь против человека крупнее вас, быстро берите свои инструменты, - тут он постучал по своему тесаку, - и рубите его до своего размера".

План состоял в том, чтобы четверо мужчин и Боуэн с помощью хитрости поднялись на борт корабля "*Быстрое возвращение*", когда, при благоприятном стечении обстоятельств, Боуэн подаст сигнал в свисток, который он носил с собой для этой цели, и резервы должны были подойти в полном составе.

Рано утром после завтрака скрытники заметили, как капитан "*Скорого возвращения*", сопровождаемый группой мужчин, сошел на берег и направился через лес к соседним деревням, очевидно, занимаясь торговлей людьми. День клонился к полудню, полдень клонился к вечеру, а осторожный Боуэн, не рискуя упустить такую прекрасную и долгожданную возможность, все еще держал своих гончих на поводке. Довольно поздно после полудня, когда уже можно было с уверенностью сказать, что капитан ушел на значительное время, а остатки экипажей двух кораблей разбрелись по городу и дремали на раскаленных палубах, Джон Боуэн и четверо его помощников вышли из кустарника, прошли мимо соломенных туземных хижин и вышли на пристань. Они взбежали по трапу и оказались на палубе "*Скорого возвращения*".

"Хо, приятель, - позвал Боуэн, приветливо улыбаясь тому, кто, очевидно, был корабельным поваром, державшим в одной руке мясницкий нож, а в другой - баранью ногу, - кто хозяин этого корабля?"

"Капитан Рэб Драммонд из Эдинбурга", - буркнул повар, - "а кто вы такие, мон?"

"О, мы никто; просто поднялись на борт, хотим купить немного сухарей и табака, если у вас есть такой запас".

По быстрому подсчету Боуэна, на борту было не больше дюжины человек. В нескольких ярдах от него, на *контенере*, их было еще меньше. Час пробил. Боуэн достал из арсенала пистолет и направил его на повара. "Иди в поварню, парень, - приказал он. "К ужину у тебя будет несколько друзей". Так повар получил уведомление о смене руководства. Он воспринял его спокойно и покорно; вдали от Глазги может случиться всякое. Резкий и пронзительный сигнальный свисток эхом отразился от скал мыса до высот над городом, и с

ужасающим криком остальные люди Боуэна бросились на фальшборты *"Скорого возвращения"* и *"Контента"*. Банде, поднявшейся на борт последнего, предстояло выполнить четко оговоренное задание, и они быстро справились с ним. Прежде всего они согнали с палубы *"Скорого возвращения"* зияющих матросов; затем, поспешив обратно, они обмазали палубу *"Содержания"* смолой, подожгли небольшой пороховой магазин и, когда густые буро-черные клубы дыма вяло покатались бортам, с воплями, как, наверное, вопят демоны в пасти Преисподней, бросились к *"Скорому возвращению"*. Они прижимались к ее бортам, пока она удалялась на буксире корабельных шлюпок в бухту, где ее подхватил попутный ветер, где ее наспех поднятые паруса начали натягиваться и откуда она стала довольно мило скользить в широкий, желанный океан. Джон Боуэн снова оказался на квартердеке; для него не имело значения, кто претендует на эту самую квартердеку; он был на ней, и квартермейстер у кнута качал штурвал то в ту, то в другую сторону, повинаясь его приказам. Он чувствовал на своей груди ветер свободного океана и возвышал свой великий голос в песне. В мгновение ока все перевернулось: у Джона Боуэна был берег, но не было корабля, а теперь у капитана Роберта Драммонда из Эдинбурга (Глазго) был весь берег, который он хотел использовать, и не было корабля.

Не было стенографиста, чтобы записать, что сказал капитан Драммонд, когда вышел из леса и обнаружил, что черные угли *"Контента"* стучат о сваи или покачиваются далеко в бухте, а о его корабле помнят только глупые, невнятные воспоминания зияющих малагасийских туземцев, но, без сомнения, это было что-то красивое. Капитан Стюарт был хозяином *"Контента"* и, вероятно, отсутствовал вместе с Драммондом на *"Скором возвращении"* - хотя, возможно, он был на своем корабле и попал в плен вместе с остальной командой; точных сведений никто не дал, - но если он вышел из леса одновременно с Драммондом, то, без сомнения, жители увидели двух самых злых шотландцев, которых они когда-либо видели и вряд ли когда-либо увидят. Мы не знаем, что случилось со Стюартом, но один человек, проведший пятнадцать лет в плену у мадагаскарцев, вернулся домой с рассказом о том, что Драммонд попал в Туллеа, на юго-западном побережье острова, где в результате ссоры с ямайским негром, который, конечно же, был одним из тех далеких вест-индских пиратов, он получил от чернокожего негодяя такую взбучку, что лишил шотландскую афро-индийскую торговую компанию верного слуги, а поднимающийся британский торговый флот - компетентного судоводителя.

Между двумя захваченными судами Боуэн, по всей вероятности, собрал около тридцати человек, все хорошо обученные моряки. Нам известны имена только двух из этих честных тар, с которыми произошла эта яркая перемена обстоятельств: Израэль Фиппани и Питер Фриланд. Некоторые из этих пленников смирились с морской судьбой и даже причислили себя к пиратам; другим, естественно, ситуация пришлась не по вкусу, и они стали ждать удобного случая, чтобы сбежать. Для их чванливых похитителей все было едино, нравилось это человеку или нет; он был моряком и должен был плыть на этом корабле. Смелые пиратские парни не занимались топмачтами; в случае необходимости они могли помочь в работе на судне, но обычно они настаивали на том, что их специальность - драться, и избегали веревки и смоляного ведра, считая это ниже своего достоинства. Но они были по-своему справедливы: когда дело доходило до драки, они не обращались за помощью к ракушечникам - это тоже было бы недостойно мастера-пирата. Эта банда Боуэна стояла по отношению к матросам на борту примерно так же, как морская пехота к военному кораблю. Конечно, многие корабли были полностью укомплектованы признавшимися пиратами, и в таких случаях им приходилось выполнять матросскую работу, но при любой возможности они были отличными парнями, заставлявшими людей подниматься на борт специально для выполнения корабельных работ. Так что *"Скорый возврат"* оказался в их распоряжении, и

пираты улеглись под тентами и обильно пили аррак, универсальный интоксикант Ост-Индии, в то время как их смелый вождь гнал свой киль вперед, к радостным боям и славному разбою.

Ловко обогнув северный нос Мадагаскара и взяв курс на запад, Боуэн взял курс на Коморские острова, расположенные в трехстах пятидесяти милях к северо-западу от Мадагаскара и в двухстах милях к востоку от побережья Африки. Судя по всему, Джон не собирался терять времени, ведь Коморские острова были ближайшим местом, где можно было взять приз; заметьте, не нужно было ждать, пока он доберется до далекого побережья Индии. Его конечным пунктом назначения был Раджапоре, расположенный на территории, которая сейчас называется Бомбейским президентством, но он не собирался идти по пути ворона, а скорее, как это делает стервятник, останавливаясь перед всем, что может оказаться падалью.

Коморские острова были довольно удачной догадкой. На Майотте, одном из этих островов, они обнаружили корабль под командованием Джорджа Уоли, который загружался сахаром, ромом, маслом какао и принимал свежую говядину. Тот факт, что судно Уоли стояло в гавани, ничего не значил для Джона Боуэна; если бы остров был судоходным, он бы посадил на него команду и отплыл. Корабль "*Скоротечное возвращение*" () приткнулся рядом со своей жертвой, и небрежно, как люди, выполняющие легкую работу ниже своих реальных возможностей, горстка бойцов опустилась на его палубу. Никто им не мешал, кроме несмышленного первого помощника, и его протест был встречен затрепиной по голове, что привело к немедленному повышению в должности второго помощника. Спустя чуть больше года после этого несчастья капитан Уоли написал плаксивое письмо мистеру Пеннингу, "начальнику фабрики английской Ост-Индской компании в Каликуте", в котором подробно рассказал о подлости Джона Боуэна и заявил, что в Майотте он попал в руки Боуэна и был "задержан им после того, как они убили моего старшего помощника и разграбили все, что им было угодно".

Бедного мистера Уоли и остальных его людей отвели в рубку "*Скорого возвращения*" и таким образом пополнили список способных моряков этого судна. Сжег ли Боуэн, спустил на воду или просто бросил судно Уоли, добрый капитан не сообщает, но мы можем быть уверены, что, отправившись в Индию, он оставил несчастное судно ничуть не лучше.

Во время долгого и невеселого плавания - невеселого, правда, в том, что касается пиратства, - капитан Боуэн, увы, не соблюдал тех маленьких дружеских отношений между братьями-капитанами, которые так приятно смягчают суровость моря. Несомненно, мистеру Уоли приходилось делать на борту много вещей, которые горьким железом впивались в его душу. В один день он мог помогать в навигационном искусстве, если груз рома, захваченный в Майотте, на время выводил из строя капитана Боуэна; на следующий день ему приходилось с жалостью носить воду по приказу расползающихся злодеев или снова сгибать свою дряхлую и окоченевшую спину в вечном труде по откачке воды, а откачивать корабль в Индийском океане, должно быть, было... ну, жарко. Он сам говорит, что получил "много опасностей для жизни и оскорблений от этих злодеев". Не последнюю роль в его обидах сыграло то, что он долгими часами мучительной ночи слушал, как подвыпивший Боуэн хвастался своими злодеяниями. Это замечание Уоли ставит Боуэна на место истинного, нарочитого, почти романтического пирата и приближает его к традиционному пирату из художественной литературы.

У берегов Малабара Боуэн едва не протрезвел, так как прибыл в свои обычные рыболовные угодья. Вдоль и поперек этого рейда проходила большая часть торговли Ост-Индии. Это

была настоящая мешанина. Здесь были суда от десятитонного шлюпа, принадлежащего мелкому местному торговцу, до увеличивающегося тоннажа, зафрахтованного маврами, персами, армянами, индусами, до двух- и трехпалубных так называемых "Ост-Индиаманов", кораблей самой великой и имперской Ост-Индской компании. Нарушив этот трафик, капитан Уильям Кидд менее чем за полгода сколотил целое состояние, а многочисленные пираты многих народов легко обогащались здесь.

Капитан Боуэн, который, как и многие его коллеги по разбою, наверняка был в некотором роде шутником, несомненно, получил огромное удовольствие, захватив корабль с названием *"Проспероус"*, что он и сделал вскоре после того, как вошел в воды Индии. Усмехнувшись, он понял, что вызвал недовольство владельцев *"Контента"*; по его замыслу, *"Скоростной возврат"* должен был возвращаться домой ни медленно, ни быстро, и вполне вероятно, что он довел фрахтователей *"Проспероуса"* до банкротства. Возможно, в те времена было бы лучше назвать свой корабль именем, прямо противоположным вашим надеждам; скажем, *"Содержимое"* назвать *"Недовольным"*, *"Быстрое возвращение"* - *"Никогда не возвращаясь"*, а *"Процветающий"* - *"Тяжелые времена"*, - в этом случае пираты-мародеры, по крайней мере, лишились бы драматического удовольствия от неожиданности.

Захватив *"Проспероус"*, Боуэн набрал команду и использовал его в качестве вспомогательного судна, и с таким усиленным командованием за несколько месяцев, по словам Уоли, он захватил "шесть парусных кораблей" и "сотни разрушенных". Последним из этих шести кораблей был один из Сурата, очевидно, немалых размеров, так как Боуэн перевел на него все руки, а затем, напившись до одури, развлекал изумленный город Раджапоре грандиозным морским костром, состоящим из *"Процветающего"* и *"Быстрого возвращения"*. Как беспокойно ворочались бы в своих постелях акционеры шотландской индийско-африканской торговой компании, если бы этот яркий свет блеснул на стеклах их далеких окон!

Этот человек, Боуэн, был неисправимым поджигателем кораблей, что доказывает, что у него не было ни сердца настоящего моряка, ни первых инстинктов настоящего покорителя морей.

На захваченном суратском корабле, когда Боуэн покончил с пиротехникой, он пересчитал своих людей и обнаружил, как пишет Уоли, "70 ласкаров (уроженцев Индии) и 146 бойцов (ласкары использовались в качестве матросов), из которых часть - 43 англичанина, большая часть компании - французы, остальные - негры (наши друзья с Ямайки), голландцы и другие народы, которые кричат "яу"". Причудливый каприз! Среди всех своих страданий бедный капитан Уоли все же смог найти в себе чувство раздражения к людям, которые "кричат "яу" вместо "да".

Из Раджапоре Боуэн направился вдоль Малабарского побережья, пока не пришел в Кочин, португальское поселение, где стояла на якоре так называемая португальская военная флотилия. Эти старые сита были местным морским анекдотом, и бойкому пирату не пришло бы в голову использовать их в качестве швартовых буюв. Однажды это скопище отправилось в погоню за грозным капитаном Киддом и, к своему удивлению и боли, нашло его. С тех пор они никогда не пытались предпринять ничего примечательного. Джона Боуэна они, конечно, не беспокоили. Пока Боуэн плутал в этих краях, заходя то в один, то в другой маленький порт, чтобы порезвиться или пограбить землю, или и то, и другое, "примерно в трех лигах к северу от Кочина", Уоли утверждает, что "я избавился от пиратов". Так закончились худшие семь месяцев в жизни этого достойного мореплавателя.

Что стало с Боуэном после того, как Уоли сбежал от него, мы не знаем, по крайней мере, если судить по подлинным записям, к которым мы обращаемся. Вероятно, его постиг жестокий конец, как и всех его сородичей; одно, однако, несомненно: его так и не повесили за пиратство на *"Спиди Возвращении"*, но - и в этом заключается страшное, мрачное продолжение преступления - другой человек, не знавший ни Боуэна, ни Роберта Драммонда, ни злополучного судна *"Спиди Возвращение"*, пострадал от одной из самых заметных судебных ошибок, известных закону, как убийца капитана Драммонда и пирата *"Спиди Возвращения"*.

II

8 марта 1702 года корабль под названием *"Вустер"* бросил якорь в Даунсе, и так началось долгое плавание из Англии в Индию. Возможно, именно в этот день, и уж точно через несколько дней после него, бригантина *"Контент"* горела у кромки вод мадагаскарской бухты, а ее шотландский брат *"Спиди Ретурн"* неся к Коморским островам под кормой и беззаконным натиском морского разбойника.

Вустер" в Ост-Индии предназначался для торговли, хотя он не принадлежал Ост-Индской компании, а, судя по всему, находился в собственности небольшой группы инвесторов, в большинстве своем, вероятно, отставных морских капитанов. Чтобы быстро понять, что подразумевалось под торговлей в Ост-Индии, достаточно вспомнить компанию Гудзонова залива в Канаде, ведь методы обеих этих великих торговых корпораций были практически одинаковыми. Как канадская компания ходила по Канаде от форта к форту, так и индийская компания окольцевала побережье Индии фортами, которые, как и канадцы, они называли "факториями" и ставили во главе офицера, называемого фактором. Обе компании обладали эксклюзивными монополиями в своих регионах на основании правительственных грантов; обе содержали флоты для экспорта местных товаров и импорта английских товаров и припасов. Несмотря на свои исключительные привилегии, каждой из них приходилось сталкиваться с определенной конкуренцией.

Ост-Индская компания столкнулась с гораздо более серьезными конкурентами, чем Компания Гудзонова залива, даже в те разрушительные дни, когда последняя боролась с Северо-Западной пушной компанией. Не только Англия, но и Голландия, и многие другие торговые страны континента жаждали индийской добычи, и между торговцами, представлявшими все эти конфликтующие интересы, царила почти непрерывная война, в которую не раз втягивались сами правительства.

Не только иностранные конкуренты досаждали английской Ост-Индской компании, ведь среди ее раздражителей был так называемый "интерлопер", английский торговец, который браконьерствовал в их заповедниках, пренебрегая законом, до такой степени, что не мало значительных состояний было нажито таким образом. Но компания не всегда преследовала этих нарушителей с той суровостью, которую могла бы применить на законных основаниях; местные условия на побережье делали английское судно, даже интерлопер, нежелательным, и в такие времена этих дворян терпели и даже встречали с удивительным дружелюбием.

Помимо континенталов и интерлоперов, шотландская афро-индейская компания, как мы уже видели, после крушения колонии в Дарьене начала посылать свои корабли за долей индейских трофеев, два из которых, благодаря невольной доброте капитана Джона Боуэна,

только что были довольно принудительно предотвращены от беспокойства сна английской компании.

Таким образом, *"Вустер"* оказался в положении интервента, но в одном из самых доброжелательных настроений монополизирующей компании, и капитан Томас Грин, ее командир, имел основания полагать, что она не будет серьезно беспокоить его, когда он попытается забрать пару сотен тонн более или менее выгодного груза.

Старое, медленное, покрытое свинцом судно *"Вустер"* ранее занималось китобойным промыслом. Его длина составляла около ста футов, ширина - двадцать два или около того, а экипаж насчитывал тридцать пять человек. Том Грин, ее хозяин, был честным старым морским псом, преданным своим хозяевам и судну; это был восхитительный тип человека, который выполняет в море каторжную работу Британии, счастлив, если наконец может сойти с квартердека со всеми конечностями, которые были у него, когда он впервые поднялся по трапу, будучи еще учеником, и доволен тем, что опустился в кресло на солнечной стороне коттеджа, расположенного недалеко от Тайдуотера и морских дорожек. И если бы не Джон Боуэн, можно предположить, что Том Грин в конце концов достиг бы своих скромных, но похвальных амбиций.

Их целью был Малабар через залив Делагоа. Путь от Даунса до Делагоа занял пять месяцев. Здесь они задержались надолго, чтобы построить шлюп для речных работ в Малабаре, материалы для которого они привезли с собой из дома. 15 ноября, после чуть более чем восьмимесячного плавания, корабль пришел в Анжанго (ныне Аниенго) на оконечности Малабарского побережья, где капитан Грин вежливо сошел на берег, чтобы засвидетельствовать свое почтение мистеру Браборну, главному фактору форта английской Ост-Индской компании в этом месте, и, кстати, убедиться, что компания все еще придерживается великодушных взглядов - жить и давать жить. Никогда не знаешь, когда ее политика может внезапно измениться, как флюгер на церковном шпиле.

К счастью, мистер Браборн и его джентльмены были так же приветливы, как июньский день. Мадейра и комплименты были приняты с удовольствием, и Грин вернулся на свой корабль, радуясь хотя бы молчаливому согласию мистера Браборна на его торговые операции. Сбросив с себя этот груз, он отплыл к реке Кейлон, расположенной в нескольких лигах дальше, и там установил контакт с Коги Коммодо.

Мы уже упоминали о крупных конкурирующих корпорациях и интерлоперах, но желанная индийская торговля породила еще один институт - мелкого торговца, белого или черного, чаще всего последователя пророка из какой-нибудь дальневосточной магометанской страны. После того как он преуспевал в торговле, этот джентльмен обычно основывал небольшой склад в устье одной из вялотекущих рек, впадающих в Аравийское море, и занимался там бизнесом, который по большей части был незаконным. Если вкратце, то он был поставщиком краденых товаров, которые привозили ему пираты, кишасшие в этих краях; "скупщиком", как его называют, и без которого пиратство было бы почти невозможно, ведь если бы пират не мог распоряжаться захваченными им грузами скоропортящихся или обычных меркантильных товаров, его деятельность была бы неизмеримо ограничена. Например, прежде чем нанести свой счастливый удар, Кидд взял тонны масла, грузы кофе, опиум, которого хватило бы на тысячу лет восхитительных снов, - гораздо больше, чем можно было использовать на борту его корабля и который был бы бесполезен без услужливого скупщика. Этот самый Коги Коммодо хвастался перед командой *"Вустера"*, что он "купец" Кидда. Коги подозревали не только в покупке у пиратов, но и в том, что он информировал их о

передвижениях перспективных кораблей и даже помогал в их нападении и захвате. Не то чтобы Грину нужны были подобные услуги от Коммодо; он использовал его для более законной торговли, ведь Коги, как и другие представители его рода, постоянно собирали туземные товары из-под носа английских фортов с главной целью - снабжать интервентов. Как видите, Коги был довольно нерегулярным джентльменом, с какой бы стороны вы его ни принимали.

Вустер пришел к реке Кейлон 21 ноября через Каллекилон; 22 декабря он вернулся в Каллекилон, а затем совершил большой переход в сто или более миль до Кочина, достигнув его 10 января 1703 года, примерно через пять лет после того, как Кидд захватил в этих же водах торговое судно *"Кведаг"*, и через несколько месяцев после того, как несчастный капитан Уоли совершил в этом месте побег от злого Джона Боуэна. Торговля Грина на север, похоже, была поспешной: через две недели он был в Каликуте, через месяц - в Кочине, а к 8 марта снова бросил якорь на рейде Каллекилона.

Жизнь на торговом корабле на побережье Малабара в первой половине XVIII века была нелегкой. Болезни постоянно держали большую часть команды в беспомощном состоянии. У доктора Мэя, корабельного хирурга, молодого двадцатилетнего пилильщика, было так много пациентов, что ему пришлось устроить на берегу в Каллекилоне сырую больницу, где больных забирали с корабля и оставляли, пока судно ходило вверх и вниз по побережью.

Большую часть времени это была просто тяжелая работа: либо плавание, либо стивидорная работа с грузами, которые собирали то в одном, то в другом месте разные коги, чтобы дожидаться прихода *"Вустера"*. Самым занятым человеком на борту был , затем суперкарго, на которого ложилось бремя обработки грузов, ведения счетов и заботы о финансовых интересах владельцев. Работа и заботы придавали распространенной лихорадке дополнительную силу, и суперкарго проскальзывал через открытый порт в увесистом холщовом саване, чтобы присоединиться к полудюжине своих товарищей, которые уже ушли в грязные гамаки, вечно качающиеся в морских приливах.

Но была и светлая сторона. Даже в Кейлоне моряк мог потратить свое жалованье, поглазеть на слонов, паланкины, дам с кольцами в носу или непонимающе уставиться на причудливые орнаменты древнего храма Шивы. Сам капитан Грин находил время для светских раутов и так сдружился с одной из местных дам, что она отдала ему в личные слуги хорошо обученного молодого чернокожего раба Антонио Франческо. Грин подумал о доброте дамы, взял Антонио на борт и, чтобы не потерять его, приковал к колышку в полу форштевня, примерно так, как моряки обычно привозят домой домашнюю обезьянку.

Все это, конечно, было хорошо, но апрель оказался для *Вустера* месяцем невезения. Десятого числа этого месяца шлюп выбросило на берег штормом, и он был разрушен. В тот же шторм Грин попытался зайти в Кейлон, но был вынужден бросить якорь между этим местом и Anjango. Здесь его кабель разошелся, а в корпусе образовалась серьезная течь. Однако, несмотря на все это, он был достаточно вежлив, чтобы сделать пять выстрелов в честь *"Ауренг-Зеба"*, другого торговца, который оказался рядом и так же вежливо ответил на комплимент. Грин был настолько обеспокоен состоянием своего корабля, что, когда погода утихла, он пригласил капитана и помощника *"Ауренг-Зеба"* подняться на борт и осмотреть его судно. По их единодушному мнению, *"Вустер"* был непригоден для плавания в Англию.

На этом торговый круиз закончился. Неблагоприятные обстоятельства помешали предприятию, но в целом пребывание Грина на Малабаре было прибыльным. Максимальное расстояние, которое он преодолел, составило около ста пятидесяти миль, то есть от Анджанго до Каликута, хотя его плавание туда-сюда значительно увеличило пробег. В

обычном случае он был бы почти готов к возвращению домой. Самым серьезным его поражением стало крушение шлюпа, который, как надеялись его владельцы, он сможет продать и превратить в товар, когда закончит службу.

Мистер Браборн из форта, опять же очень любезный, посоветовал Грину отправиться в Бенгалию для ремонта, и пятого мая 1703 года *"Вустер"* отправился на верфи.

Капитан Томас Грин мог бы справедливо предъявить претензии к стихиям. Они потрепали его в Малабаре, в результате чего он потерял свой шлюп, повредил корабль, сократил торговлю, надолго отложили его киль в Бенгалии, а теперь, когда он возвращался домой в Англию, и можно было предположить, что погода сделала все возможное для этого плавания, она встретила его у берегов Шотландии и в ярости ветра и волны швырнула его в шотландский порт Лейт, где он был вынужден искать убежища. Увы! Он бежал от яростного гнева природы к еще более ужасному гневу человека.

В 1704 году, когда *"Вустер"* был взорван в порту Лейт, Шотландия снова переживала свои неприятности, и все они крутились вокруг шотландской афро-индийской компании. Эта пострадавшая корпорация уже успела вычеркнуть из реестра *"Контент"* и *"Скорый возврат"* как бесследно пропавшие, как вдруг родственное им судно *"Аннандейл"*, неосмотрительно зашедшее в Темзу, было захвачено английской Ост-Индской компанией для отстаивания своих исключительных прав на Индию - одна из тех дерзостей, которые так прославили эту компанию среди остального торгового мира. Теперь добавьте эту обиду к мрачному делу Дарьена, которое, как мы уже видели, было возложено на английскую компанию, и вы поймете, почему *"Аннандейл"* стал лозунгом в Шотландии и средоточием всей ее ненависти. Общественное мнение подтолкнуло шотландские власти к действиям. Они ходатайствовали о возвращении *"Аннандейла"*, но тщетно; упорство Ост-Индской компании, способной держать в кулаке страну с сотнями миллионов людей, отнеслось к протесту шотландцев так же легкомысленно, как некоторые люди относятся к своим долгам. Иметь и владеть - вот ее девиз, хотя все горцы в килтах за границей бегали в ярости мести. Шотландец, однако, не ребенок; более того, в его системе много железа, и он сам склонен к решительным действиям. "Очень разумно, мон, - сказал северянин южанину, - очень разумно; в Лейт заходит английский корабль; вы держите *"Аннандейл"*, мы забираем вашего англичанина".

Что они незамедлительно и сделали - не кто иной, как *"Вустер"*.

Капитан Грин, конечно же, оказался в затруднительном положении. Шотландское правительство захватило его корабль, и теперь он должен был стоять, засунув руки в карманы, и ждать, чем закончится вся эта международная перебранка. А терпеливо собранный груз стоимостью в тысячу фунтов, плод своеобразной промышленности многих когисов, тоже был опечатан властями так, что человек не смел взять из трюма столько, сколько хватило бы на чашку кофе. Если бы это был корабль Ост-Индской компании, он мог бы увидеть во всем этом какой-то смысл; но какое ему было дело до шотландской или английской компаний? Действительно, очень мало, и все же... это не поддавалось никаким словам, даже морским. Он улегся в своей каюте и стал ждать.

Рядом с доками в Лейте находилась небольшая пивная, которую держала вдова по фамилии Ситон, вместе со своей девятнадцатилетней дочерью Энн зарабатывавшая на жизнь честным трудом. Вдова, милая девушка и много хорошего шотландского виски под одной крышей - казалось, ситуация специально создана для Джорджа Хейнса, управляющего

"Вустера". То, что поначалу казалось долгим и однообразным заключением на захваченном корабле, теперь вдруг засияло самыми привлекательными перспективами. Джордж с такой готовностью принял эту возможность, что вскоре стал почти частью дома Ситонов, а за удивительно короткий промежуток времени не кто иной, как признанный жених самой прекрасной Энн. А это означало, как любой мог понять с полувзгляда, что в конце концов Джордж Хейнс станет владельцем этого маленького аккуратного бизнеса. Ему больше не придется терзаться по поводу Ост-Индии: все это было в прошлом или очень скоро будет. Воистину, злой ветер не приносит ничего хорошего.

Конечно, у миссис Ситон были соседи, и так же само собой разумеется, что она говорила с ними о своих делах, о своих клиентах и о делах своих клиентов. Одной из таких соседок была милая старушка по имени миссис Уилки, тоже вдова. Она была из тех грустных людей, которые спускаются в доки, чтобы посмотреть на приход каждого корабля, и разговаривают с каждым моряком, сошедшим на берег, в поисках любимых, давно умолкших в далеких морях. Все знали историю миссис Уилки. Она была матерью милого паренька по имени Эндрю, который за три года до этого отправился хирургом на корабль капитана Драммонда *"Быстрое возвращение"* для плавания в Индию и о котором, после одного письма с Мадагаскара через Маврикий, долго не было никаких известий; ни от него, ни от его корабля, ни от его капитана. Теперь старушка жила со своим вторым сыном, Джейми, портным, и всякий раз, когда корабль приходил в порт из Ост-Индии, независимо от часа дня или ночи, матросы видели маленькую седую старушку, которая ждала их, чтобы узнать новости о *"Скором возвращении"*. Тогда миссис Уилки упоминала о *"Вустере"* и Джордже Хейнсе, его стюарде.

Миссис Уилки и Джейми вместе поспешили к вдове Ситон, чтобы расспросить Джорджа. Они нашли его в гостиной, утешающим себя большим стаканом грога. Джейми купил выпивку, беззаботно рассказывал о плавании и надеялся, что Джордж и все остальные хорошо себя чувствуют. Эта история с припадками - конечно, плохо, но все образуется. Джордж чувствовал, что для него и так все хорошо. Джейми откашлялся, немного поерзал в кресле и наконец задал животрепещущий вопрос: "Не встретите ли вы в своих путешествиях корабль *"Стремительное возвращение"*, капитан Рэб Драммонд, из Глазги?"

Сердце миссис Уилки замерло в ожидании. Часы громко тикали. Вдова Ситон приостановилась, держа в воздухе нож для чистки картофеля. На пороге кухни остановилась веселолицая Энн и уставилась на него так, словно смотрела театральную постановку.

"Потопите меня! Что мне делать с капитаном Драммондом?"

Грохнулся на стол стаканчик; отвислая, глупая челюсть стюарда вызывающе выдвинулась вперед. И все же что в нем было такого? Что-то - да, стюарда охватил сильный страх. С тех пор как Джордж стал часто бывать в лавке вдовы, он много слышал об этом капитане Драммонде, потому что капитан, молодой Эндрю Уилки, и, несомненно, многие другие из его команды жили в этом городе Эдинбурге, порт и пригород которого, как вы знаете, Лейт. Люди постоянно расспрашивали его об этом Драммонде, пока ему это не надоело. Он наклонился и прильнул своими толстыми губами к уху Джейми. "Когда мы были на побережье Малабара, - начал он с торжественным, морским предисловием, - голландский корабль сообщил нам, что капитан Драммонд из Шотландии превратился в пирата!" Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на изумленное лицо Джейми. Да, он добился эффекта; возможно, ему удастся добиться и другого. "Да, сэр, и мы укомплектовали наш шлюп, поставили на борт пушки и патереро и приготовились дать шотландцу фунт-другой свинца". Теперь ручей его воображения иссяк. "Он так и не пришел", - довольно неубедительно закончил он.

Джейми был побежден. Он снял свою артиллерию и отошел, чтобы дать возможность легкому кораблю подойти к нему. Но все, что Энн получила за свои хитрости и труды, это, как она выразилась, "он обнаружил, что они задумали выкачать его; но они не должны были быть мудрее его, хотя то, что он сказал, он сказал". Джордж не был кораблем, который нужно было откачивать, но вы понимаете, что в трюме была вода.

Среди завсегдатаев дома был старый веселый канонир Уилл Вуд, который обычно спускался из форта во всем своем великолепии, чтобы выпить тодди и пощекотать подбородок смеющейся Энн. Он заинтересовался "прокачкой" Джорджа Хейнса, стюарда захваченного корабля, стоявшего у причала, и решил испробовать блеф, сердечность, подход "человек к человеку". Он нагружал Джорджа виски до тех пор, пока тот не "впал в меланхолический припадок", из ожоговых глубин которого донесся этот жуткий вопль: "Удивительно, что раз мы не утонули в море, то Бог не заставил землю разверзнуться и поглотить нас, когда мы сойдем на берег, за злодеяния, совершенные во время последнего плавания на борту этой старой суки *Бесс*".

Под "старой сукой Бесс" он подразумевал "*Вустер*", чьи лонжероны виднелись в окне гостиной, капая под заунывным дождем.

Уилл Вуд хлопнул стюарда по колену. "Пойдем, мой мальчик, покрутись на дорожке; тебе станет легче; что значит немного промокнуть?"

Джордж в тоске вышел из жаркого салона. За его спиной приветливый артиллерист обернулся и подмигнул наблюдавшей за ним компании. "Сейчас самое время", - сказал тот, подмигнув, - "мы его почти поймали".

Пара прогуливалась у замка, гуляла по полям для гольфа; они стали близки друг другу. В нужный момент весельчак Уилл Вуд сказал: "Я слышал, как мой друг говорил, что знает человека, который узнал от человека, который может поклясться в правдивости этого, что дядя вашего первого товарища, Мэддера, был сожжен в масле за попытку поджечь голландские корабли в Амстердаме".

Джордж остановился. Он поднял палец к небу - раскачивающийся, размахивающий палец - в знак торжественного подтверждения. "Если то, что мистер Мэддер совершил во время последнего плавания, - медленно произнес он, - было так же хорошо известно, он заслужил столько же, сколько получил его дядя".

При всех обстоятельствах это замечание могло означать только одно - *Вустер* был причастен к пиратству на судне "*Скоропостижное возвращение*" и убийству его экипажа, который, как тогда считалось, был мертв. Как ни невероятно, но эти пьяные бредни стюарда Хейнса вкуче с невразумительными подозрениями Уилки, Ситонов и других прошли от набережной до города, пока не попали к служителям закона, которые - не более разумные - положили их в основу обвинения в пиратстве и убийстве против Грина и его команды, после чего все они были арестованы и отправлены в темные дыры старой тюрьмы Толбут. *Аннандейл* был забыт, на его место пришли "*Быстрое возвращение*" и капитан Драммонд, и вся Шотландия в один голос возвестила о мести.

Почему Джордж Хейнс пытался связать *Вустера* с пиратством "*Скорого возвращения*"? Приведенные выше разговоры стюарда с Уилки, Ситонами и Вудом в точности повторяют показания на последующем суде над капитаном Грином. На этом процессе адвокаты Грина и остальных членов экипажа, обвиняемых вместе с ним в пиратстве на "*Спиди Реверне*" и убийстве Драммонда, пытались объяснить мотив Хейнса его любовной связью с Энн Ситон и

желанием стать владельцем маленькой таверны Ситонов. Они также связывали большую часть его разговоров с влиянием спиртного. В обоих этих аргументах есть что-то общее, но вполне вероятно, что им руководил более весомый мотив, чем эти два, и это был страх. Учитывая, что общественное мнение в Шотландии было в таком состоянии, как в отношении Дарьена, Аннандейла, англичан и английских ост-индских торговцев, не исключено, что, когда "*Вустер*" вошел в Лейт и был захвачен, по набережной разнеслась мысль, что, возможно, это один из кораблей ненавистной Ост-Индской компании. От этого было всего лишь несколько шагов до подозрения, что, как таковой, или, во всяком случае, как англичанин, торгующий в Ост-Индии, "*Вустер*" мог быть причастен к исчезновению давно просроченного "*Скорого возвращения*". Очевидно, рассуждали шотландцы, "*Скоростной возврат*" причинил вред; никто не причинит вреда шотландскому кораблю на Дальнем Востоке, кроме какого-нибудь англичанина; здесь был англичанин из Индии; следовательно, он, вероятно, пиратствовал на "Шотландце". Эта мысль, более или менее осязаемая, занимала всех людей *Вустера*, когда они бездельничали на набережной. В те времена, когда уголовное право было настолько суровым, а оправдательный приговор - неопределенным, невинные люди спешили переломить ситуацию и принять меньшее зло - тюремное заключение, а не казнь. О том, что дело обстояло именно так, свидетельствует тот факт, что доктор Мэй, хирург *Вустера*, стал государственным свидетелем, как и раб Франческо и еще один чернокожий, отправленный в Малабар, и многие другие сделали признания, надеясь на снисхождение. Этот страх, воздействуя на одурманенный алкоголем мозг стюарда, а также его желание завязать отношения с Ситонами привели к последнему акту пьесы, открытой Джоном Боуэном в бухте Антонгиль на Мадагаскаре.

Когда вся Шотландия с севера на юг и с востока на запад взывала об отмщении, было потеряно совсем немного времени, чтобы капитан Грин и все остальные его люди, за исключением доктора и двух негров, включая Джорджа Хейнса, который каким-то образом упустил привилегию стать свидетелем королевы, предстали перед судом в старом суде на Парламентской площади в Эдинбурге.

5 марта 1705 года люди из *Вустера*, с крепким и возмущенным Грином во главе, были проведены под штыками городской стражи от Толбута к старому зданию суда на Парламентской площади, где им предстояло предстать перед судом. Жидкое красноречие Джорджа Хейнса стало причиной многих трагических последствий.

На скамьях и галереях суда скопилась огромная толпа, настолько большая, что ни одна мысль, а тем более кошка, не могла бы пронестись мимо. Все эти люди в голубых капотах считали, что обвиняемый и беды Шотландии идентичны. Стать символом - смертельно опасно.

Под скамьей находился стол адвокатов, на котором сейчас служители суда раскладывали перья, бумаги и книги. Вот уже и обвинение собралось на своем конце стола - длинная вереница серьезных адвокатов под предводительством фискального прокурора Александра Хиггинса. Кто же вступится за бедных моряков? Поразительное множество, впечатляющее сочетание юридических способностей. Защиту возглавляет сэр Дэвид Каннингем, но вскоре он выбывает из дела, и его сменяет сэр Дэвид Туарс, с которым будут сэр Уолтер Прингл, мистер Дэвид Форбс, мистер Джордж Александр, мистер Джон Спотсвуд и мистер Джон Элфинстоун. Эти имена имеют не меньший профессиональный вес, чем те, кто будет выступать против них от имени короны.

Как вдохновляюще выглядит эта важная компания адвокатов, поспешивших на защиту несчастных чужеземцев благодаря чистой любви к справедливости и ревностной заботе о светлой чести шотландской адвокатуры! Ибо как еще могли эти матросы, не стоившие друг друга ни гроша, а их капитан был не намного богаче, призвать на свою сторону этих адвокатов, завоевавших даже рыцарское достоинство в состязаниях на форуме?

Однако, как ни странно, существовало еще несколько мотивов, которые могли побудить джентльменов к защите, и способ, о котором вы никогда не догадаетесь, был тем, по которому они вошли в суд в качестве *procurators* (адвокатов) защиты, и это было - но подождите, не будем загадывать.

Сэр Дэвид Каннингем улыбнулся сэру Дэвиду Туарсу и подал табакерку; сэр Дэвид Каннингем поклонился прокурору-фискалу и не предложил табак. Господин прокурор мог позволить себе не обращать внимания на подобные мелочи, поскольку чувствовал, что настал его час.

Вскоре появились макеры, и люди, шаркая ногами, стояли, пока судья Высокого Адмиралтейского суда со своей вереницей "ассессоров", или специально назначенных помощников судьи, все в своих алых мантиях, торжественно восседали на властном месте.

Судьи сидели; сидели все, кроме заключенных, а затем мистер прокурор-фискал, урожденный Хиггинс, встал, осознавая, что находится в центре внимания, и орочьим голосом огласил два грандиозных обвинительных акта, одинаковых по словам и последствиям; один был направлен на одну группу обвиняемых, другой - на другую. Этот фискал был хитрым парнем; он разделил обвиняемых, чтобы, если по несчастливой случайности одна часть будет оправдана, ему повезло с другой. Очевидно, он был беспристрастным и справедливым прокурором.

Если бы не то, что по ним было повешено множество мужчин и, возможно, несколько женщин, эти старые обвинительные заключения были бы лучшей шуткой закона. Вот что можно назвать собственно обвинением фискала:

"В тот или иной день месяца февраля, марта, апреля или мая 1703 года" *Вустер* "столкнулся или встретился с другим кораблем или судном, на котором плавали его собственные люди или команда, на побережье Малабара, недалеко от Каликута, и на этом судне был красный флаг, а на борту находились англичане или шотландцы, по крайней мере те, которые говорили на английском языке"; Это судно с красным флагом капитан Томас Грин и его команда атаковали сначала на своем шлюпе, а затем на корабле "*Вустер*"; оборона была преодолена, защитники убиты, их тела брошены в море, а корабль разграблен.

Обратите внимание на то, как четко сформулировано это обвинение. В любой из дней четырех месяцев, в нечетко обозначенном регионе, обвиняемые напали на корабль с красным флагом, на котором находились англоязычные моряки. Подразумевалось, что это судно - "*Скоростное возвращение*"; но обвинение не могло пойти так далеко, чтобы нарисовать название на носу судна под красным флагом.

Вероятно, работа по защите от этого пустого обвинения показалась сэру Дэвиду Каннингеми слишком сложной, так как на этом этапе он выбыл из дела, и вся нагрузка снова легла на сэра Дэвида Тойрса и его коллег.

Помимо обвинения, в обвинительном заключении на нескольких страницах крупным шрифтом были изложены все доказательства, которые Корона рассчитывала доказать. Это был большой ригамарол, содержащий конкретное перечисление всего, что Джордж Хейнс

сказал вдове Ситон, ее дочери Энн, Уиллу Вуду из артиллерии и Джейми Уилки, с которыми мы уже знакомы.

Ко всему этому прилагался длинный рассказ судового врача Мэя, которому было предоставлено право выступить в качестве свидетеля, из которого следовало, что сам доктор и некоторые другие (среди которых был второй помощник Рейнольдс, согласно устному признанию фискала), находясь на берегу и услышав стрельбу из пушек, подошли к кромке воды и увидели пленное судно, едущее на корме *"Вустера"*. Канонада к тому времени прекратилась, и хирург поднялся на борт, где обнаружил палубы *"Вустера"*, заваленные товарами. Он спросил о причине этого у одного из членов команды, после чего Джон Мэддер, первый помощник, услышав его, гневно повернулся к доктору "в брезентовом одеянии", как говорит доктор, и воскликнул: "Д-н ты! Что вы тут делаете? Вмешиваетесь в свой ящик!" Затем хирург спустился к своему "сундуку" и позвал раненых, чтобы перевязать их; трое из них, "Антонио Фердинандо, и один Дункан Маккей, ныне покойный, и еще один", пришли для лечения. Они отказались рассказать ему, как они получили свои раны, "тогда хирург отказался перевязывать их, если они не расскажут ему, как они получили свои раны, и упомянутый Джон Мэддер пришел к хирургу в ярости и спросил, какое его дело задавать столько вопросов, когда он видит раны так ясно перед ним, назвав его тупицей за то, что он не перевязал их", и закончил тем, что приказал врачу сойти на берег. Там хирург встретил судового переводчика, нанятого на время путешествия, который рассказал ему, что некоторые члены команды *"Вустера"* привели захваченный корабль в реку Кейлон и продали его Коги Коммодо.

Таковы были обвинительные заключения, и они были составлены таким образом из-за особого характера вердикта присяжных в соответствии с практикой шотландцев, которые не устанавливали факт вины "по предъявленному обвинению", а просто устанавливали истинность каждого пункта доказательств, оставляя на усмотрение суда юридическое значение этих выводов. Это очень запутанная вещь, и для ее объяснения потребовался бы целый трактат. Некоторые историки утверждают, что такая форма вердикта была порождением политического коварства и была создана в первую очередь для того, чтобы поймать ковенантеров и других радикалов, к которым присяжные проявляли слишком много симпатии и оправдывали по общему вердикту; идея состояла в том, что присяжные должны были установить как факт, что Дугал встречался в болоте со своими единоверцами, а судья мог избавить присяжных от соблазна вынести "Не виновен", оставив за собой право заявить о юридическом значении факта, установленного в отношении действий Дугала.

Далее, после предъявления обвинения обвинительный акт (мы говорим о нем в единственном числе, поскольку оба документа имели одинаковую силу) должен быть утвержден судьями; то есть суд должен заявить, что если доказанные факты, изложенные в обвинительном акте, будут доказаны, то эти факты составят надлежащее обвинение и, если их признают присяжные, будут достаточны для вынесения приговора.

Очевидно, что главная битва этой кампании должна развернуться вокруг обвинительного заключения. Алек Фискал со своей армией будет бороться за его утверждение; Дэви Туарс и его доблестный легион готовы разбить свои сердца в попытке добиться его осуждения. Сам процесс не будет иметь большого значения, ибо, если обвинительный акт будет признан обоснованным, свидетели фискала просто перескажут то, что уже написано в этом акте, и все, что смогут сказать присяжные, будет сводиться к тому, что где-то в феврале, марте, апреле или мае 1703 года *"Вустер"* находился у берегов Малабара, что судебный врач слышал, но не видел стрельбы, что ему сказали, что приз был продан малабарскому купцу;

что пьяный собутыльник болтал в доме вдовы, и суд уже обязуется признать эти обстоятельства пиратством, грабежом и убийством.

Три случая - 5, 7 и 13 марта - обозначают хронологию этого высокого криминалистического конфликта. Для его наиболее ясного изложения необходимо, чтобы временной элемент здесь не учитывался, а аргументы рассматривались в совокупности. Дебаты были устными, но мы знаем, что именно происходило, поскольку, согласно моде того времени, сказанное в суде должно было быть затем изложено адвокатом в письменном виде и передано клерку "для внесения в судебные книги".

Выбирая наше время, защита сначала атаковала юрисдикцию суда на рассмотрение дела. Утверждалось, что предполагаемые преступления были совершены на побережье Малабара и англичанами, поэтому обвиняемые должны быть отправлены в Англию для суда. Фискал Алек возразил, что преступление, в котором обвиняется суд, - пиратство, а пираты могут быть арестованы где угодно, и место ареста, а не место совершения преступления определяет юрисдикцию суда - то, что можно назвать географическими границами его власти. То, о чем думает фискал Алек, - это неоспоримый принцип, согласно которому пираты, фактически совершившие преступление, могут быть взяты где угодно. Это не то же самое, и он должен был это знать, как если бы на предположительно невинное судно было подано заявление о подозрении. Английская адмиралтейская практика была некоторым препятствием для теории фискала, поэтому он выкинул английские адмиралтейские суды из окна, заявив: "Что касается обычаев в Англии, то они не касаются и не могут быть для нас правилом". Если посмотреть на это с другой стороны, то, конечно, судьям не составило труда признать себя компетентными в вопросах арбитража. Акционеры "Дарьена" разразились восторженными криками.

Во-вторых, джентльмены защиты выступили против самого обвинительного акта. Они утверждали, что оно слишком неофициальное, слишком общее, слишком неопределенное; что в нем не указаны ни день, ни место, и только по далеко идущим косвенным признакам утверждается, что пиратским судном был "*Скоростной возврат*". Вот точная формулировка их протеста:

Что пасквиль (обвинительный акт) не имеет отношения к делу, поскольку является общим и неопределенным, не снисходя (не указывая) ни названия, ни обозначения, ни каких-либо других признаков или доказательств, по которым можно было бы особенно отличить корабль, который якобы был захвачен, ни имен лиц, которые якобы были убиты или которым принадлежат ограбленный корабль и товары; которые представляются абсолютно необходимыми во всех подобных уголовных обвинениях, не только как обязательное условие по форме, но и по справедливости и разумению; без которых обвиняемые должны подвергаться большой опасности от общих и неопределенных клевет и лишаться средств защиты, которые очевидны, когда обвинение является определенным, специальным и точным.

Сильные, здравые, великолепные слова! Они пробиваются сквозь туман страстей и предрассудков, как ясный, чистый луч солнца. Что бы ни привело их к этому делу, Дэви Туарс и его люди - глашатаи закона во всей его величественной мудрости.

Как фискал встретил этот сокрушительный натиск? Он уклонился. "Он сообщил все настолько точно и подробно, насколько это позволяло дело, - ныл он, - ибо какой смысл или причина в том, чтобы обвинитель был вынужден точно указывать день и место в преступлениях, которые являются преступлениями всегда и везде; разве что по той самой

причине, что защитник, признавая преступление, предлагает очистить себя исключением алиби?"

Вряд ли это заслуживает доверия, не так ли? Прокурор не должен указывать дату и место совершения преступления, чтобы обвиняемый не доказал, что в это время он находился в другом месте. Это, несомненно, атмосфера Страны чудес Алисы. А что, обвиняемый действительно мог быть не на месте преступления, а в другом месте, и что тогда делать бедному фискалу? Сэр Патрик Хоум, сидящий за барной стойкой, закатил жалкие глаза на сэра Джона Хоума, сидящего на скамье подсудимых. Что произойдет в Шотландии, если люди будут настаивать на таких абсурдных предложениях, как те, что выдвинула защита? Ну, день и два алака!

Судьи рассмотрят этот вопрос.

Не стоит делать ложных ходов перед Дэви Туарсом, а именно так поступил фискал, признав, что Джон Рейнольдс, один из обвиняемых, находился на берегу во время нападения. Быстро и жестко защита нанесла удар по этому пункту. Согласно этой практике, один обвиняемый по уголовному делу не может быть свидетелем в пользу другого обвиняемого, пока не "очистится от причастности к преступлению" и не будет "приведен в состояние свидетеля". Если с Рейнольдса удавалось снять подозрения в совершении преступления, он мог свидетельствовать в пользу своих товарищей. В подобной ситуации закон предусматривал, что один обвиняемый, желающий использовать другого в качестве свидетеля, должен был "выдвинуть оправдание" от имени этого свидетеля; то есть он предлагал доказать такие-то и такие-то факты, касающиеся желаемого свидетеля, по которым должно было состояться судебное разбирательство, и если сторона была оправдана или "оправдана", то он мог выступить в суде и вернуть комплимент своим бывшим сотоварищам. От имени обвиняемого защита предложила оправдать Джона Рейнольдса на том основании, что, как признал фискал, в момент совершения преступления он находился на берегу и поэтому не *был участником преступления*.

Фискал прорычал. "Вы не можете этого сделать", - кричал он, и чем больше он шумел, тем более расплывчатыми становились его аргументы; вы должны положительно доказать, что Рейнольдс находился в другом месте в какой-то конкретный день или не был на корабле в течение четырех месяцев вместе. Мое обвинение может быть расплывчатым, говорил он, но ваше алиби должно быть таким же конкретным, как счета бухгалтера. Именно поэтому он и составил обвинительное заключение так нечетко, чтобы исключить возможность алиби.

Судьи рассмотрят этот вопрос.

Но зачем продолжать? Все упиралось в эту полосу.

Утром тринадцатого числа судьи объявили о завершении совещания.

"Судьи и заседатели, - доносится с кафедры правосудия, - рассмотрев оба обвинительных акта, выдвинутых мистером Александром Хиггинсом, прокурором-фискалом, против капитана Томаса Грина" и других, приходят к выводу, что "Рейнольдс, обвиняемый как *socius criminalis*. Александра Хиггинса, прокурора-фискала Высокого Адмиралтейского суда, против капитана Томаса Грина" и других, находят, что "Рейнольдс, против которого выдвинута клевета как против *socius criminis*, товарища по преступлению, и нет никаких особых или особых оснований для оправдания, и "отклонить возражения против общего характера обвинительных заключений в отношении характера преступлений и признать, что преступления пиратства, грабежа или убийства, о которых говорится в клевете, доказаны

ясными и очевидными доказательствами, что позволяет сделать вывод о смертной казни....и передать все это на рассмотрение присяжных".

Табакерка капитана Грина звякнула об пол. Сэр Патрик Хоум, представляющий обвинение, с благодарностью посмотрел на сэра Джона Хоума, сидящего на скамье подсудимых; зрители дружно вздохнули. Судьи поднялись и вышли; их платья были не просто заляпаны - теперь на них капал алый цвет.

Наступило 14 марта, и дело можно было быстро закончить. Был созван суд присяжных, состоящий из пятнадцати человек, чей вердикт был достаточным, если за него проголосовало большинство.

Сначала мистер Фискал вызвал в суд Антонио Фердинандо, помощника повара. Он давал показания через переводчика, некоего капитана Йимана. Утверждая, что ему двадцать четыре года, он холост, христианин и сын христианских родителей, он заявил, что видел, как "*Вустер*" напал на безымянный корабль "на побережье Малабара", практически так, как указано в обвинительном заключении, и что в схватке он был ранен в руку, "эту рану он теперь демонстрирует всем". Сенсация в зале суда! Он сказал, что это был беглый бой, который продолжался три дня и произошел между Телличерри и Каликутом. Во время дачи показаний было видно, что ему очень плохо, и время от времени ему приходилось останавливаться и растягиваться на столе адвоката, пока он не восстанавливал силы, чтобы продолжать.

Следующим выступил доктор Мэй, который заявил, что ему двадцать шесть лет и что, будучи белым, пользовался презумпцией христианства. Он повторил показания, которые дал для обвинительного заключения. Он сказал, что слышал стрельбу, когда находился в Каллекилоне. Если Фердинандо правдиво сказал, что нападение было совершено в Каликуте, то доктор должен был обладать необычайной силой слуха, ведь это место и Каллекилон разделяет более ста миль. Это было слишком даже для этого трагического фарса, поэтому под конец доктор нагло поменял свои показания и сказал, что стрельба произошла, когда он находился на корабле, "идущем вдоль побережья Малабара".

Третьим выступил раб Антонио Франческо. Во время стрельбы он был прикован цепями к полу на носу, но Фердинандо сказал ему, что шлюп атакował какой-то корабль. Он добавил очень важную информацию о том, что Фердинандо был нанят всего за сорок восемь часов до того, как "*Ворчестер*" покинул Анджанго и отправился в Бенгалию и домой! Если это так, то его не было на корабле в то время, когда доктор Мэй находился в Каллекилоне, поскольку это было задолго до отплытия в Бенгалию.

Впрочем, можно бесконечно долго развлекаться, выискивая подобные несоответствия среди свидетелей.

Джеймс Уилки, Уилл Вуд и все окружение Ситона, конечно же, умыли лица и, спотыкаясь, явились в суд, чтобы рассказать о важных высказываниях Джорджа Хейнса и на мгновение запечатлеть свои личности на сетчатке национального глаза.

По обычаям того времени адвокат обвиняемого по уголовному делу не мог оказать своему клиенту особой помощи по фактам, но Тойрс зашел настолько далеко, насколько ему позволял закон. Он оспаривал квалификацию Антониосов, утверждая, что они не владеют десятью фунтами стерлингов за штуку, а потому не могут выступать в качестве свидетелей в шотландском суде. Для фискала это не составило труда. "О, - сказал он, - мы подсчитали, что

у каждого из них есть заработная плата, получаемая во время круиза, которая составляет более десяти фунтов". И суд признал свидетелей квалифицированными! Если сэр Дэвид Каннингем знал об этом решении, он, должно быть, был рад, что уволился.

Наступил вечер, но суд все еще продолжался. Макеры зажгли свечи, создав маленькие лужицы желтого света в мартовском полумраке старого зала суда.

Грин предпринял слабый перекрестный допрос, но не смог продвинуться с оружием, которое требует тончайшего мастерства от самой опытной руки и при неуклюжем использовании непременно порежет пальцы самого экзаменатора. Что касается какой-либо защиты, то при предъявленном ему обвинении ничего нельзя было выдвинуть, ибо что он мог конкретно предъявить и опровергнуть; все, что он мог сказать, - это "нет". Он выдвинул лишь одно утверждение, которое не имело веса в суде присяжных, но достаточно значимо для нас, а именно, что действительно была стрельба по побережью Малабара и из пушек "*Ворчестера*", но это было не более чем пять салютов кораблю "*Ауренг-зеб*".

На этом "испытательный срок" или снятие показаний закончился. Сэр Дэвид Далримпл, поверенный ее величества, поднялся, чтобы произнести "речь присяжного" от имени обвинения. "Простите меня, - непринужденно начал он, похвалив их как людей "столь проникательных и верных", - если после двенадцатичасового *седерунта* (заседания)... я задержу вас еще на некоторое время, чтобы пересказать все, что произошло, с несколькими замечаниями, которые, надеюсь, не будут неуместными, прежде чем вы приложите их". Эти "несколько замечаний", неизменно являющиеся предисловием к полному занудству! Еще два часа этот парень пересказывал доказательства, в заголовках и подзаголовках, пока математик не лишился бы разума, подсчитывая их. Чего только стоит его кодекс капитана Томаса Боури, найденный при захвате корабля! Это был обычный дьявольский документ. По сути дела, это был не более чем скудный предтеча обычного торгового кодекса наших дней. Все дело, по его утверждению, было "ясно, как солнечный свет". Вернее, ясен, как грязь.

Полночь пробил на городских часах, когда слово взял адвокат защиты. Свечи мерцали в своих гнездах, создавая прыгающие пятна теней на лицах судей, тяжело опустившихся в свои кресла, борясь со сном; в черноте под скамьей макер повалился вперед в своем кресле; Далримпл покидал заседание в различных позах изнеможения: одни, откинув голову назад, зевали, глядя в потолок, другие дремали, опираясь на костяшки потных тростей; панели, или заключенные, упорно держались за перила бара или вызывающе сидели на корточках на полу, их загорелые до тропиков лица были покрыты пятнами от тоскливого пребывания в Толбуте, - напуганные морские птицы, жестоко посаженные в клетку. В толпе зрителей природа побеждала любопытство многих и уносила их в царство то мрачных, то сверкающих грез; маленькие дети лежали на коленях у матерей, их локоны мокли на светлых лбах - милые и прекрасные цветы в этом застойном бассейне человеческих страстей.

Речь защиты не сохранилась; но, судя по великолепной борьбе, которую они вели, мы можем с легкостью предположить, что они не ослабили в этом последнем окопе, в этой столь безнадежной и разбитой баррикаде.

Суд закончился.

Присяжные были отпущены с приказом вернуться на следующий день с приговором "под страхом трехсот марок". Побродив пару дней по городу, пятнадцать добрых и верных людей вернулись в суд в назначенное время и вынесли следующий вердикт: "Они (присяжные), большинством голосов, установили, что имеется один явный свидетель в отношении пиратства, грабежа и убийства, о которых идет речь; и что имеются совокупные и

совпадающие предположения, доказанные в отношении пиратства и грабежа, о которых идет речь; но установили, что Джон Рейнольдс, второй помощник на указанном корабле, был на берегу в то время, о котором идет речь".

Значит, Рейнольдс все-таки был бы "оправдан"! Что думают об этом их уважаемые коллеги?

Кто мог быть "единственным явным свидетелем"?

И как нам приветствовать анонимное меньшинство, не поддержавшее вердикт?

Тишину, длившуюся до официального оглашения приговора, нарушил точный тон Дэвида Форбса, одного из адвокатов защиты. Последний удар для его моряков? Нет. Он сообщает суду, что является адвокатом Шотландской афро-индейской компании и от их имени желает заявить протест против передачи короне корабля "*Вустер*" и его груза. Так один из маленьких котят этого повествования выпрыгивает из сумки, в которой его так бережно хранили.

Адвокаты защиты полностью или частично - во всяком случае, в значительной степени - оказались в деле на содержании шотландской афро-индейской компании!

Странно, не правда ли? Вот вся Шотландия, израненная болями Дарьена, взывает о целебной мази английской крови, а вот компания, наследница всех обид и привилегий Дарьенской катастрофы, тратит деньги на то, чтобы скрыть это облегчение от разгневанного страдальца.

Французы говорят, что в загадке нужно искать женщину. Французы слишком наивны. Нужно искать доллар, рядом с которым женщина - всего лишь замазка, с помощью которой можно отпирать загадки жизни.

Дело вот в чем: если бы люди с "*Вустера*" были осуждены за пиратство, то по закону этот корабль отошел бы Короне; в противном случае Шотландская афро-индейская компания имела право на владение им в качестве репрессалии за захват их корабля "*Аннандейл*". Таким образом, в случае осуждения Грина и передачи его судна Короне компания лишилась бы корабля и груза на тысячи фунтов.

В этом нашем не слишком простом мире к благой цели иногда, как ни странно, стремятся не те, для кого она может быть объявлена, а те, кто, насколько они знают или заботятся, служит совершенно эгоистичному моменту. В этой борьбе за *Вустера* к услугам Грина и его команды были привлечены лучшие представители шотландской адвокатуры, которые оказали его делу и, кстати, делу правосудия в целом максимальную помощь, которую время и практика допускали для защиты в уголовном процессе. Эти зоркие, ловкие адвокаты компании выжали все возможные преимущества и, опираясь на закон, как на закон, полностью разгромили обвинение и ярко разоблачили предрассудки суда.

В среду, 21 марта, был совершен *переворот*. Капитан Грин и все остальные, том числе и Джордж Хейнс - несомненно, трезвый - получили свои приговоры. Было постановлено, что одна группа обвиняемых должна в среду, 4 апреля, другая - в следующую среду, а остальные - в третью среду, 18 апреля, "быть отведены на пески Лейта, в пределах отметки затопления, между одиннадцатью часами дня и четырьмя часами дня, и там повешены на виселице, пока не умрут".

И еще - чтобы корабль "*Вустер*", как судно пиратов, был передан ее величеству королеве.

Антонио Фердинандо, помощник повара, лежал в лихорадке на своем поддоне в одном из высоких чердаков Эдинбурга. На улице стоял шум, как на народном празднике; снизу доносились крики, жители дома ликовали на лестнице и, толпясь в комнате больного, кричали: "Пираты должны умереть". Антонио задрожал, застонал и скончался.

III

Порывы дождя весенним ветром оглашали холмистые улицы Эдинбурга; поверженное солнце лежало, как большое бледно-желтое пятно на фоне влажных облаков. И все же очень рано утром 4 апреля толпы людей стекались к воротам тюрьмы и рассыпались по песку Лейта. Ведь сегодня Дарьен должен был быть отомщен.

В палатах шотландских эстейтов на Парламентской площади собрался Тайный совет в присутствии городских магистратов, ибо беспорядки были явно предсказаны.

"Идея!" - пыхтел мой лорд-канцлер, влезая в мантию. "Такая шумиха вокруг тюрьмы! Неужели они запугают нас своим шумом? Господин магистрат, идите и разгоните их по сточным канавам в их псарни!"

"Милорд, у меня нет достаточно большой метлы".

Клерк представил петицию, подписанную многими добросовестными жителями города, с просьбой об отсрочке для осужденных пиратов. Совет обратился к нему с серьезной, благородной речью.

"Какая подборка имен! Похоже, они настаивают на том, что Рейнольдс должен был иметь возможность оправдаться. Ну, мы же выписали Рейнольдса, не так ли?"

"Учитывая приговор, милорды, я склонен думать... ну, что его можно было оправдать".

"И я."

"И я".

"Обвинительное заключение было хорошим, милорд канцлер, конечно, - разве мы не придерживаемся такого мнения. Но факт смерти - в исключительных случаях, конечно, он должен быть показан. Обычно, говорю я. Другое правило немного опасно, не так ли? *Трупное преступление* - это здравая доктрина - обычно".

"О, обычно - конечно. Макер, закрой окно - шум с тюремного двора становится невыносимым".

"Милорды, милорды, они под нашими окнами! О, милорды, такая пресса, и у каждого есть палка или кулак".

"Господин магистрат, вы позаботитесь о защите совета ее величества".

"Да, милорд канцлер, или умрете вместе с вами".

"Тише, тише! Что за глупости! Умереть? Кто сказал "умереть"?"

"Небеса! Кто стучит в дверь?"

"Милорды, люди кричат, что вы освобождаете пиратов!"

"Я молю, чтобы в городе не горел факел. Должен ли я выйти и пообещать народу, под честное слово магистрата, что отсрочки не будет?"

"Отсрочка, господин магистрат! Кто говорил об отсрочке?"

Порыв ветра из открытой двери сдул петицию на пол. Никто не опустился, чтобы поднять его.

Совет удался. Канцлер успел дойти до старой церкви Трона, когда в толпе какой-то пузатый человек закричал, что пиратов отпустили. Волна людей билась о карету канцлера, разбивала стекла, ломала панели и могла бы обогреть кровью самого достойного дворянина, если бы не штыки городской стражи и, что было еще эффективнее, - внезапный, циклонический рев толпы у ворот тюрьмы, возвестивший, что Грин, Мэддер и Симпсон отправляются в повозке смерти на гибельные пески Лейта.

Как же померкла честь шотландских юристов, когда адвокатская палата рука об руку бросила на растерзание дикому зверю общественных страстей беззащитных и невинных. Даже защита - умелая, ловкая, полная - не была чисто бескорыстной, и все же среди всех этих безумных сцен одна душа, по крайней мере, сохранила в себе самые благородные традиции закона и великолепно искупила свою профессию. Молодой, малоизвестный адвокат внимательно просидел в суде весь процесс, а в судный день облачился в траурный костюм и пришел на пески Лейта, а когда правосудие завершило свой ужасающий промах, он, рискуя жизнью, позаботился о достойном погребении несчастных жертв. Этим молодым человеком был будущий прославленный Дункан Форбс!

Никто из других жителей *Вустера* не был казнен. Между 16 марта и 3 апреля Томас Линстид, Джон Бракли и Джордж Хейнс торжественно признались в своих вымышленных преступлениях перед Джеймсом Грэмом, судьей-адмиралом. Но эти признания современник называет никчемными и корыстными; они лишь развивали уже рассказанную историю и, очевидно, были сделаны для того, чтобы исправить слабость государственной версии, а также в качестве извинения обвинения за поступок, который уже начал тревожить совесть многих.

Жажда крови была утолена. Одна отсрочка следовала за другой, и в конце концов вся команда вышла из тюрьмы, покинула страну и исчезла из поля зрения истории.

А за несколько дней до казни трех злосчастных людей наши старые друзья Израиль Фиппани и Питер Фриланд высадились в Англии, но слишком поздно, чтобы предотвратить трагедию на песках Лейта, и раскрыли истинную судьбу добрых кораблей "*Контент*" и "*Быстрое возвращение*"!

Моралист должен найти эту историю провокационной. Отметьте факторы зла в этом деле: коммерческую жадность, захватившую "*Аннандейл*", жестокое преступление Боуэна, пиратски захватившего "*Спиди Ретурн*", слепой национальный гнев, извративший общественное мнение и, в свою очередь, искаживший волю робкого и податливого суда и совета, индивидуальные привычки корабельного стюарда и страх за свою личную безопасность, сделавший лжесвидетелей из государственных свидетелей. Домыслы оспариваются.

Эти трагические смерти были не совсем бесплодными. Хотя они и не были основой принципа, тем не менее это знаменитое дело позволило прочно закрепить в основах английской юриспруденции жизненно важную доктрину *corpus delicti* - доказательство факта смерти, прежде чем будет выдвинуто обвинение в убийстве.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

"КТО СТРЕЛЯЕТ ПЕРВЫМ?"

Джон Гоу

I

"Как мы едим, так и будем работать".

Почти сразу же после отплытия из Амстердама старый Патерсон завел свое настойчивое кваканье; из своего гамака под полуютом, когда ревущие офицеры созывали сменяющихся вахтенных, на заиндеветшей палубе и наверху, в ветровом такелаже, и в последний раз ночью в большой каюте, даже в торжественный момент общей молитвы, когда капитан и хозяин медленно читали форму вечернего молебна, этот древний и недовольный ракушечник непрерывно бормотал свою простую фразу ветру и волнам, вольным и невольным ушам: "Как мы работаем, так мы и едим".

Если бы взглядом можно было убить, бедный повар "Джорджа" давно бы погиб среди своих кастрюль и сковородок, ибо именно тогда, когда в назначенное время или по требованию чрезвычайных ситуаций на корабле старый Патерсон катился со своим паникином и кашей на камбуз, его навязчивый вой превращался в вопль, а его пленочный глаз горел на скромного раздатчика провизии всепоглощающей ненавистью. Не то чтобы повар сам по себе оскорблял старика Патерсона, но потому, что он стал символом деспотичных судоводителей и требовательных судовладельцев, которые стремились выжать еще один пенни прибыли из вязких желудков своих "рабов-прародителей".

У правосудия действительно были бы завязаны глаза, а может, и вовсе не было бы глаз, если бы она не видела, что у старого Патерсона есть повод для жалоб. Мало мяса и еще меньше хлеба; ром выдавался с такой же неохотой, с какой маленький мальчик делит леденцы по принуждению; меню, состоявшее из тепловатой воды, подкрашенной до манящего состояния намеками на то, что при надлежащих условиях могло бы быть пищей, было скудной пищей для людей, доведенных до крика голода kloкочущими морскими штормами.

И когда еще далеко от Санта-Круза на Азорских островах, куда направлялся "Джордж", двадцать четыре человека команды были переведены на "короткое довольствие", старый Патерсон со своим криком стал солистом, которого теперь поддерживал хор. "Короткое довольствие" - несомненно, искусное злоупотребление сравнительной степенью - всегда было коротким, и по правде говоря, его можно было назвать только самым коротким.

В Санта-Крусе они вяло нагрузили корабль пчелиным воском, и, хотя чандлеры настойчиво наседали на шкипера, тот не отдал ни одного распоряжения о значительном увеличении провизии для обратного плавания. Неужели им предстояло проделать обратный путь на так называемом "коротком пайке"? Похоже, что так оно и было. Груза в трюм набилось

предостаточно, но ни свежие говяжьи бока не радовали тружеников; ни муки, ни хлеба, ничего, кроме нескольких бутылок вина, которые, однако, отправились в большую каюту на хранение к экономному ключарю. Возможно, провизию принесут на борт, когда закончат погрузку; по крайней мере, молодые и менее искушенные люди надеялись на это, но старый Патерсон тряс серьгами и бил косичкой. Он достаточно долго ходил по морю, чтобы знать характер своего корабля.

Среди офицеров корабля у людей был только один, на которого они могли смотреть как на друга, - Джон Гоу, второй помощник, молодой человек с Оркнейских островов. Джон Гоу был способным моряком, но никогда не был слишком занят, чтобы хоть на минуту сочувствовать бедам своих людей, и не был слишком офицером, чтобы сказать доброе слово отверженному экипажу. Но что мог сделать второй помощник? Разве он не был просто блоком для начальства, который оно пинало, ожидая, что тот передаст комплимент своим подчиненным? Вот именно.

"Как мы едим, так мы и работаем". Джон Гоу слышал этот лозунг, распространяющийся, как вокальная спичка, по пороховому магазину катастрофы, и только усмехнулся.

Когда пчелиный воск и прочий груз были доставлены, безошибочное уведомление об отплытии проявилось в официальном приеме капитаном своих фрахтователей. Джентльмены поднялись на борт в своих лучших нарядах и были проведены на квартердек, где был натянут тент от солнца и гроздь винных бутылок светились своим пурпурным пророчеством комфорта. От пояса и вперед завистливые и неприязненные взгляды устремились на приятную компанию на корме, веселящуюся в обмене комплиментами.

"Мы отчаливаем, - жалобно крикнул один из юношей, - а на борту нет никаких продуктов".

Старый Патерсон не собирался возвращаться домой на голодный желудок. Если он что-то и знал в этом мире, то только это. Вокруг него сгрудилась группа моряков, и каким-то образом, вероятно, без всякого умысла, они внезапно вышли на корму и шокировали своего капитана, вторгшись в святость квартердека. Купцы откинулись на спинки своих бутылок и выглядели так, словно им показалось, что наступил конец света. Просто неслыханно!

Старый Патерсон вежливо поклонился и поскребся. "Капитан, - начал он привычно смиренным перед властью голосом, - мы на коротком довольствии. Мы надеемся, что ваша честь не уйдет домой без надлежащей провизии на борту".

Его сторонники прорычали "аминь". Капитан, с трудом удержавшись от того, чтобы не швырнуть в самонадеянных лиц стул, бутылку, блок снастей или что-нибудь еще, что попадется под руку, поднялся и хладнокровно ответил, что на борту есть стюард, который следит за провизией, и все жалобы будут должным образом устранены. Запыхавшаяся банда разошлась по своим делам, оставив капитана в путях смущения и подозрений, - смущения из-за ущемленного достоинства, подозрений, потому что вторжение указывало на возможное зарождение мятежа.

Старый Патерсон бросил взгляд на свой почетный караул. "Как мы едим, так и будем работать".

Купцы вежливо покинули корабль, а капитан, не комментируя послеобеденный инцидент, приказал поднять якорь и распустить паруса. Они отчаливали, а на борту не было ни одного квадратного обеда для одного, не говоря уже о двадцати четырех мужчинах. Весь путь до дома прошел в коротких перерывах.

Команда отстала от работы, особенно старый Патерсон, который так вяло вползал на шканцы, что капитан заметил его и в крутых морских выражениях потребовал, почему бы ему не заняться разворачиванием парусов более по-морскому. Старый Патерсон повернулся, как старая гремучая змея.

"Как мы едим, так и будем работать".

Капитан уловил это бормотание, как и Джон Гоу, второй помощник. Капитан благоразумно ничего не предпринял; второй помощник ухмыльнулся и невинно посмотрел на зеленоватое море.

II

Опасения - почти предчувствия - навалились на шкипера, когда день перешел в серый и ветреный вечер. Депутация жалобщиков, штурмовавшая квартердек в начале дня, открытое ворчание старого Патерсона, а главное, несомненно, что-то в поведении людей, что опытный мастер мог бы прочесть, как небесные знамения, предвещали скорую развязку.

Он и его помощник стояли на квартердеке, где в полумраке двое или трое мужчин проходили мимо них, занимаясь делами корабля. Матрос и сам чувствовал приближение бури, более страшной, чем ветер и волна, и когда капитан, достаточно окрепнув, признался в своих опасениях и предложил собрать стрелковое оружие и положить его в каюту "на случай, если что-нибудь случится", его старший офицер, обрадованный тем, что высказал свою тайную тревогу, сразу же принялся за дело.

Первым делом он вызвал Джона Гоу и приказал ему заняться чисткой корабельных мушкетов, пистолетов и пушек.

"Есть, сэр", - ответил Гоу и бодро зашагал вперед.

Почти в то же время двое из тех, кто возился с канатами на квартердеке, спустились по трапу и встретили второго помощника в носовом мраке. Все трое тесно переговаривались, многозначительно поводя большими пальцами по сторонам.

Вооружение капитанской каюты шло с большим опозданием; мелкие задержки, вроде потерянных ключей и тому подобного, задерживали дело до восьми часов - ежедневного часа божественного поклонения, от которого нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах, кроме непреодолимого тайфуна. В "большой каюте", как ее называли, чтобы отличить от меньших кают матроса, хирурга и суперкарго, одна половина команды собиралась, в то время как другая оставалась на палубе и работала на корабле, сменяя друг друга во время молитв. Капитан стоял под фонарем, который, подрагивая и покачиваясь, то и дело ударялся своими металлическими щитками о потолок при кувырках судна; толпа косичек стояла на коленях в теновом беспорядке вокруг него, прыгающий свет то отбрасывал черноту на полированную дубовую обшивку, то на мгновение сверкал на сидящей бороде капитана, то вдруг резко выхватывал волосатую, татуированную руку, прижимавшую какого-нибудь богомольца к его раскачивающейся часовне.

В окна каюты смачно шлепались морские волны, которые повторялись по мере того, как движение корабля поворачивало то в одну, то в другую сторону, в глубину; дверь каюты надрывно стучала от быстрой капризности ветра; сверху доносились слабые крики штурманов; и при всем этом читатель упорно продолжал читать литургию этого самого возвышенного достижения английского религиозного гения - "Книги общей молитвы".

Неужели, когда его квадратные пальцы перелистывали страницы, он на мгновение с леденящим душу ужасом заглянул в "Погребальную службу"?

Расстановка вахт предусматривала, что те, кто присутствовал на молитвенной службе, должны были после нее отправиться в свои гамаки и отдыхать до тех пор, пока не наступит время смены следующей вахты.

"Кто стреляет первым?"

Мужчина, полностью одетый, но без сапог, осторожно стукнул кулаком по одному из пузатых гамаков и прошептал этот странный вопрос обитателю, голова которого приподнялась. Если собеседник и знал, кто должен стрелять первым, то не сказал об этом, поскольку единственным ответом на вопрос было ловко выкатиться из гамака и опуститься, едва слышно ступая босыми ногами, на палубу, затянув пояс на талии и удобно повернув перед собой ножны с кортиком.

"Кто стреляет первым?"

От одного гамака, выбранного из колышущихся линий, к другому переходил этот странный вопрос, получая всегда один и тот же ответ - поджатые губы и быстрое шлепанье ног по палубе. В порывистой темноте шестерых мужчин спросили, кто будет стрелять первым, и теперь они, осторожно пробираясь вдоль палубы, в едином строю, крались к каютам первого помощника, доктора и суперкарго.

Проход, соединяющий эти маленькие каюты, был пропитан запахом старого табака, наркотиков, вина и мокрой одежды и освещался одним маленьким фонарем над входом. Мягко, мягко - рука, осторожно прислоненная к распахнутой двери, нога, переступившая порог, - и смерть быстро подступала к горлу спящих.

Однако приятель оказался сильным человеком. Судорожно сжимая двумя руками зияющее горло, он выбежал на палубу, но встретил убедительный залп пистолетных пуль.

Капитан, услышав шум, поднялся на ноги в тапочках и стал выяснять причину происходящего, на что боцман ответил, что, по его мнению, за борт упала пара человек. Капитан бросился к борту и вгляделся в черные воды, и тут же был схвачен двумя мужчинами, которые пытались перебросить его через фальшборт. Жертва отчаянно сопротивлялась, но едва он успел извернуться, как сзади и спереди в его плоть вонзился кортик.

"Как едим, так и будем работать", - усмехнулся старый Патерсон, вытирая мокрое лезвие о несчастные останки.

III

Среди адского веселья офицерские каюты были разграблены. Маленькие сундучки с личными вещами были взломаны, а их содержимое высыпалось наружу и доставалось тому, кто успевал добраться до него первым. Часы, дешевые безделушки, шелковые носовые платки и те небольшие деньги, которые удалось найти, были разделены с криками спора. Но два или три ящика с крупными монетами и имуществом судовладельцев были изъяты для более пристойного и справедливого раздела.

Все, что можно было достать из спиртного, поспешно отправлялось на квартердек, и там начиналась ночная оргия. Корабль как-то странно покачивался, а его хозяева веселились. С бутылкой вина в одной руке, жадно глотая жидкость, стекающую по его кустистой бороде, и с тесаком в другой, один Уильямс, настоящий негодяй, звонко ударил своим оружием о пушку и крикнул: "Капитан Гоу, добро пожаловать под вашу команду".

Таким образом, неофициально, но эффективно, второй помощник Джон Гоу принял свое повышение до капитана.

В ответ капитан Гоу вежливо сказал: "Мистер Уильямс, вы будете нашим лейтенантом". На этом, как говорят парламентарии, выдвижение кандидатур было прекращено, и выборы прошли единогласно. Ночь прошла в веселом настроении, пока спокойный взор утра, медленно открывающийся на водном востоке, не был потрясен, обнаружив палубы красными от нечистот.

На самом деле все это дело было затеяно группой из восьми человек, шестеро из которых были вызваны из своих гамаков по команде "Кто первый стреляет?", а двое остальных находились на палубе. Судя по всему, Джон Гоу должен был быть участником преступного предприятия, каковым он и являлся.

Четверо были за бортом, восемь - заговорщиками; таким образом, осталось двенадцать человек из команды, более или менее нейтральных. Эти люди спрятались на шпангоутах, в лазарете или в любом другом месте, которое могло бы укрыть их от страстной бури.

Очень похожее обстоятельство часто привлекало внимание рассказчиков. Если бы это было вымышленное повествование обычного типа, эта захватывающая ситуация была бы искусно разрешена чудесным спасением корабля и окончательным поражением мятежников верными и изобретательными двенадцатью. Если позволительно указать на недостаток таких захватывающих историй, связанный с практическим фактом, то он заключается в том, что к тому времени, когда корабль будет захвачен, в живых не останется достаточно людей, чтобы работать на нем, и, по крайней мере, согласно хитроумным расчетам Lloyd's, это станет невозможным риском.

Джону Гоу нужно было укомплектовать корабль, а поскольку ни одно судно, вероятно, за всю историю человечества не выходило на старт с большим количеством рабочих рук, а обычно с малым, "Джордж", надо полагать, не был исключением из общего правила; поэтому, хотя лично Гоу, возможно, и хотел бы перебросить всех противников через фальшборты, он понимал, что сделать это было бы равносильно крушению его судна, поэтому был выбран другой способ решения проблемы.

Однако сначала нужно было привести в порядок свою "живую восьмерку". Когда утренние волны с пеной шлепали по наклонной палубе, проблема упорядоченной работы была очевидна. Поэтому, регулярно обращаясь к людям на палубе, он потребовал от них послушания и хорошего поведения, завершив разговор заявлением, которое только и

обеспечивало гармонию на пиратском корабле, - равный раздел добычи на всех, с двойной долей для корабля, то есть для капитана.

Затем он послал депутацию с засапожными ножами, чтобы выследить беглецов и привести их к нему под предлогом мирного обращения. Из своих убежищ вышли испуганные и растрепанные моряки, несомненно, сомневавшиеся в действенности обещаний того, кого они теперь считали чудовищем. Выстроив их в ряд, он обратился к ним:

"Люди, бесчеловечность капитана, на которую вы, как и мы, жаловались, привела к последствиям прошлой ночи. Теперь мы отправляемся в плавание. Вы можете присоединиться к нам, и если нас ждет что-то хорошее, вы получите свою равную долю. Все, что я требую, - это послушание и хороший порядок. Вам, не участвовавшим в этом заговоре, нечего бояться нас; выполняйте свой долг моряков, и вам хорошо заплатят".

Четверо из двенадцати усмехнулись и перешли в ряды мятежников; восемь стояли молча, не отвечая ни слова. Нужно было обладать большим моральным мужеством, чтобы стоять среди этих восьмерых, лишенных даже своих кортиков и совершенно беспомощных в руках толпы, способной на такие ужасы, свидетелями которых были эти восемь человек.

В истории моря храбрость морских сражений, мужественное поведение людей на тонущих кораблях, бескорыстная отдача жизни за другого - все это было достойно воспето со всем пышным искусством риторики, а имена героев занесены в морскую летопись их страны. В большинстве же случаев остаются незамеченными и невоспетыми те безвестные моряки, которые без подстрекательства боевого товарищества, без аплодисментов зрителей, без ожидания славы в самых удручающих и безнадежных ситуациях мужественно отстаивали свое понятие о совестливом долге перед мятежными или пиратскими товарищами. Тем не менее, эти неизвестные поднялись на самую вершину истинного героизма.

Подобное поведение ставит крест на циничной поговорке "каждому своя цена", ведь некоторые люди не готовы отдать саму жизнь в уплату за принцип.

У Квелча, бостонского пирата, были свои стойкие протестанты, как и у майора Боннета, коллеги печально известного Черной Бороды, как и у многих других морских разбойников. По правде говоря, почти в каждом подобном случае проявляется моральная стойкость неподкупного меньшинства.

Восемь человек Джона Гоу были отданы на растерзание лейтенанту Уильямсу, который порол их по своему усмотрению и заставлял работать на острие тесака. На них ложилась вся тяжелая работа на корабле, и они становились грубыми работниками для любого негодяя, который решал ими командовать.

В то же время в обращении Гоу с этим меньшинством есть окончательная снисходительность, которая снимает с него обвинение в бесцельной свирепости. Бесцельная свирепость - традиция пиратства, но любопытно, что ни один из пиратов основного типа, чьи преступления впоследствии были подвергнуты судебному рассмотрению, не отличается особой жестокостью. Рассказы о жестокости таких грубиянов, как Лафитт, Англия, Лоу, Льюис, Рэкэм и других представителей этой плутоватой галереи, могут быть правдой, а могут и не быть. Такие же истории ходили о Кидде, Квелче, Эйвери и Гоу, но если сравнить их с судебными отчетами, которые являются единственным источником этой серии пиратских историй, о деятельности этих людей, названных

последними, то беспричинной жестокости в них заметно не наблюдается. Напротив, в ряде случаев люди, несомненно, преступного нрава, проявляют удивительное великодушие.

При захвате кораблей погибали люди, но когда пираты овладевали ими, не было ни одного судебного протокола, свидетельствующего о хождении по доскам или другом бесчеловечном обращении. Чаще всего пиратский вождь набирал новых людей из числа пленных, хотя, по-видимому, без принуждения, а тем, кто отказывался присоединиться к черному флагу, обычно позволяли вернуться на корабль и идти своей дорогой. Грабеж был главной целью пиратов, и, получив его, они переставали интересоваться кораблями или людьми. Если пират желал заполучить корабль в свое пользование, он обычно избавлялся от его команды, записывая тех, кто хотел, и отправляя на берег тех, кто не хотел. Не то чтобы он был ласковым парнем - он мог быть очень страшным там, где считал, что его выгода требует насилия, - но просто спортивные пытки не были характерны для тех, кто запомнился в единственном достоверном источнике по этой теме - печатных судебных процессах над пиратами. Если это верно в отношении тех, о ком у нас есть достоверная информация, то следует, что кровавые рассказы о тех, кто так и не предстал перед судом, должны быть значительно прорежены сомнениями.

Гоу в своем методе следовал неизменной практике пиратства: он украл свой корабль. Все они начинали именно так. Во всех изученных нами судебных отчетах о пиратстве только майор Стеде Бонне купил и снарядил судно для того, что тогда называлось "большим счетом". В двух известных нам случаях недовольство экипажей сделало возможным их разращение; Генри Эвери, помощник *капитана "Карла Второго"*, использовал недовольство людей тем, что они не получали жалованья от испанского правительства, и, как заявил Гоу в своей речи на четвердеке, короткие пайки и жестокое обращение вместе подтолкнули экипаж *"Джорджа"* к мятежу. Вероятно, капитаны ни *"Карла Второго"*, ни *"Джорджа"* не несли индивидуальной ответственности за сложившуюся ситуацию; они сами были порождением обстоятельств, но как представители владельцев или фрахтователей они стали осязаемыми объектами неизбежного насилия.

Люди, которые организовывали подобные мятежные заговоры, были гораздо более проникательны в выборе заговорщиков, чем те, кто организовывал великие политические заговоры в истории, поскольку морские заговорщики редко или никогда не шли на предательство. Они никогда не обращались ко всей команде, а выбирали положительное ядро, которое держалось, захватывало корабль и оружие и доминировало в ситуации. Возможно, такое решительное поведение проистекало из личного чувства несправедливости, от которого страдал отдельный заговорщик; только корысть могла породить столь тесную связь с группой. В первой части игры требовалось не много, а мало людей, и Гоу, очевидно, мог уговорить пойти с ним еще четырех человек, чем он и воспользовался.

По правилам, речь шла о мятеже, но его перерастание в пиратство было неизбежным, предвиденным и предусмотренным. В их положении их могли бы повесить как за овцу, так и за ягненка.

Последовал еще один типично пиратский трюк: они покрасили *"Джорджа"* и заменили его именем *"Месть"*, самым любимым пиратами из всех корабельных имен.

Парусник подшил полосу черного банта, и под траурным мичманом они повернули нос к оскорбленному морю.

IV

Скудное провиантское довольствие корабля, которое они получали по нерегулируемому тарифу, вскоре было исчерпано, и в поисках еды и вина, а не алмазов и золота, они направились к берегам Испании и Португалии, надеясь перехватить местного торговца с желанными товарами.

Небольшой английский корабль *"Сара Сноу"* из Бристоля стал первым честным судном, которое живо обнаружило, что в открытом море завелся разбойник. От неожиданности и демонстрации нескольких пушек, которые Гоу поднял снизу и внушительно просунул в порты, *"Сара Сноу"* сдалась без боя, после чего ее планомерно обчистили от груза до нескольких шиллингов команды, и, оставив одного добровольца присоединиться к грабителям, разрешили продолжить плавание.

Следующим в их руки попало судно *"Восторг"* из Пула, которое было разграблено при очень похожих обстоятельствах, и ему разрешили отправиться в путь.

Англичанин, перевозивший рыбу из Ньюфаундленда в Кадис, был неофициально и неожиданно освобожден от значительной части своего груза без доковых и стивидорных сборов, но, к сожалению, без какой-либо расписки за информацию о его владельцах. Мало того, кто-то предусмотрительно решил, что владельцы могут хотя бы воспользоваться страховкой, и пробил в днище дыру, после чего рыболовное судно нырнуло носом в далекие зеленые глубины. Капитан и ее команда из четырех человек были доставлены на борт *"Возмездия"* в качестве "заключенных". Их держали в носовой части судна под охраной, но для чего это было нужно, никто, кроме них самих, не имел ни малейшего представления. Лейтенант Уильямс коротал скучный день, подвешивая их за большие пальцы или наблюдая, кто из них дольше всех продержится на веревке на голой спине. Уильямс, несомненно, был бы в восторге от трюка с хождением по доскам, но общественное мнение было не совсем на его стороне. На самом деле, он начал высмеивать Гоу за спиной, считая его трусливым пиратом, и даже добился того, что у него появилось некое подобие сторонников своей точки зрения. Один из четырех пленников, человек по имени Джек Белвин, избежал расправы валлийского лейтенанта, записавшись в пираты; остальные героически терпели, не желая становиться преступниками. Должно быть, они были неплохими людьми, чтобы проделать путь от Ньюфаундленда до Кадиса на корабле с командой из пяти человек.

Следующим на очереди был шотландский корабль, перевозивший маринованную сельдь в Италию. На *"Возмездии"* уже был избыток рыбы, но, сняв значительную часть груза, Гоу развлекал людей и тренировал канонира, обстреливая из своих пушек и таким образом забавно отправляя маринованную сельдь обратно в ее первоначальную стихию. Экипаж *"Шотландца"* присоединился к жертвам Уильямса на носу.

Пират всегда перегружен продуктами той местности, которую он преследует. Кидд у Малабарского побережья добыл столько масла, что его можно было использовать в качестве смазки; Квелч в Бразилии взял под контроль торговлю кофе и сахаром; Черная Борода и Боннет у Каролинских островов специализировались на ананасах и ямайском роме; Генри Эвери в Гвинейском заливе, открыв свой призовой пакет, обнаружил, что он полон рабов-негров, а теперь вот и Джон Гоу серьезно нарушил рынок соли и маринованной рыбы. Если бы не исключительная случайность, Кидд, Квелч и Эвери превратились бы в мелких торговцев краденными продуктами; их большие уловы просто подвернулись под руку.

Теперь все на борту жили на лососе, треске и маринованной сельди, не имея ни бочонка хлеба к рыбе, ни ложки вина, чтобы запить эту вызывающую жажду пищу. Они не решались нападать на новые корабли, опасаясь, что очередной чешуйчатый груз насмешит их, пахнув из трюма; дело вышло за рамки шуток, и повар, без сомнения, держал свой кортик под фартуком, когда передавал неизбежный кусок маринованного ужаса.

Гоу уже наглядно убедился, что вопрос о еде расстроит династию и развалит трон быстрее, чем любое чисто политическое раздражение, поэтому, чтобы успокоить подданных и сохранить достоинство, не говоря уже о жизни, он решил больше не рисковать разочарованными кораблями, а отправиться в порт и запустить сухопутные магазины.

Местом для этого было выбрано небольшое португальское поселение Порта-Санта на Мадейре. С чувством, напоминающим то, которое испытывают честные люди при возвращении домой, все дружно взялись за руки и не позволили ни одному зазевавшемуся купцу отвлечь их, пока белые стены и красные крыши желанного пристанища не стали уютно подниматься из моря. В гавань "*Месть*" вошла с пеной у рта и с грохотом бросила якорь в ил.

Торжественный совет в большой каюте - теперь уже в том причудливом виде, который выдает явный, но ложный авторитет, и где больше не было судорожных поз для вечерних молитв, - решил, что это прекрасная возможность избавиться от части рыбы. Уместно будет подарить некоторое ее количество губернатору Порта-Санта, как олицетворению государства.

Полдюжины грубиянов вымыли лица, зализали свои лохматые локоны, натерли пряжки башмаков, затащили длинными стежками зияющие дыры в чулках и отправились в лодке, набитой сушеным лососем и маринованной сельдью.

Из своей воздушной тюрьмы шотландский капитан задумчиво смотрел на них. "Мон, - простонал он пленному датчанину, - я не могу смириться с тем, что разбойники продают мой фьюч, но отдать его; отдать его этим болтливым выскочкам ни за какие коврижки! Мон, мон, эти насмешливые моряки на пути к гибели. А Гоу - шотландец..." Отход Джона Гоу от обычного поведения был просто необъясним.

Грузный датчанин хрюкнул "Ях", что практически исчерпывало его лингвистические возможности на датском или любом другом языке. В любом случае он никогда не знал, что означают все эти действия.

Его превосходительство был глубоко тронут, когда на губернаторскую веранду выгрузили груз законсервированной морской фауны.

"Дело не столько в подарке, - размышлял он, разворачивая носком ботинка тусклого лосося, - сколько в духе дарителя".

Он с одобрением смотрел на шесть честных лиц, стоявших перед ним, и удивлялся глубине их бескорыстия.

"Куда вы направляетесь?" - спросил он по-португальски.

"Скажи ему Бристоль, Билл", - подсказал один из эмиссаров медленно передвигавшемуся приятелю, который мог достаточно сносно изъясняться на жаргоне, чтобы перевести вопрос своим товарищам. Так появился Бристоль.

С расовой вежливостью губернатор предложил вернуться на корабль вместе с ними, чтобы официально поблагодарить их капитана. Быстро собрав группу местных сановников, все спустились на пристань.

"Губернатор поднимается на борт", - крикнул Гоу, когда компания появилась на берегу. "Держите их на квартердеке и подальше от заключенных, а сами старайтесь меньше походить на тюремщиков и больше на моряков!"

Прием на квартердеке не оставил никого равнодушным; даже тент был натянут, так что на какое-то время некоторым из них показалось, что последние несколько недель были всего лишь сном, хорошим или плохим, в зависимости от индивидуальной точки зрения.

После доставки губернаторского отряда судно получило приказ вернуться в город и забрать провизию. Неизвестно, было ли принято решение заплатить за товар или просто взять его с благодарностью, но исторические факты свидетельствуют, что судно вернулось пустым, что Гоу краем глаза заметил и, оправдываясь за свое отсутствие, спустился по трапу в тревожном вопросе. Почему-то в его голове постоянно звучал древний напев старика Патерсона: "Как мы едим, так и будем работать".

"Они не дадут нам еды", - прорычал боцман, балансируя на корме покачивающейся лодки.

Гоу вернулся и вежливо обратился с жалобой к Его Превосходительству. Превосходительство позвал слугу и отхлестал его по ушам быстрым португальским. Слуга вернулся с лодкой.

Через некоторое время лодка вернулась, а боцман держал на крыше удручающе маленький пакет с едой, подавая сигналы, которые не нуждались в помощи, судя по выражению лица боцмана, выражавшему отвращение. Снова жалобы губернатору - и довольно едкие; снова перестрелка со слугой; снова отплытие на берег - команда лодки уже начала ворчать на веслах - снова возвращение. На этот раз с ними не было ничего общего. Боцман подтолкнул Гоу к тому, чтобы тот предпринял что-то бурное в отношении губернатора.

Что Гоу и сделал. Он расстегнул пальто и показал себя в костюме "Арсенала" в шараде, с поясом, полным внезапной смерти в нескольких разновидностях. Спокойно, словно доставая зубочистку, он извлек длинный, убедительный пистолет и уютно уложил его носом в самую глубокую складку парчового жилета губернатора.

Таким образом, "*Месть*" получила достаточное количество провизии в Порта-Санта.

V

Набив кладовую, перед Палатой встал следующий вопрос: куда теперь? "Перед палатой" - это расчетливая фраза, поскольку, согласно утвержденной пиратской процедуре, на "*Возмездии*" царило равноправие; большинство решало все общие вопросы; лишь в отдельных случаях, когда нужно было сражаться, преследовать или быть преследуемым, власть капитана была абсолютной. С их странной склонностью к комизму, веселые морские разбойники часто описывали свои конференции как заседания "палаты лордов" или "палаты общин", как они любили, веселясь на берегу, под мангровыми деревьями Вест-Индии, устраивать шуточные суды для имитации суда над одним из них за пиратство. Когда "судья" набрасывал на плечи брезент вместо судейской мантии, а на голову - тюрбан вместо громоздкого судейского парика, и все это происходило в довольно яркой пародии на тот

судебный процесс, которому уже подверглись многие из их товарищей, и для большинства из которых реальный факт был лишь вопросом времени. Подобные шутки свидетельствовали о глубоком знании форм и манер и отражали современную суровость прокуроров и судей.

Беззаконие все еще имело свои законы: например, морская вежливость между проходящими мимо пиратами требовала салютовать из заряженных пистолетов, а не из холостых, а в своих погребальных обрядах морские разбойники часто следовали своему собственному, но весьма специфическому ритуалу.

После обычных бурных дебатов местом их счастливых усилий был выбран мыс Сент-Винсент (Испания), где они перехватывали законных торговцев на довольно многолюдных морских путях. Выбор оправдался скорым захватом. Но, увы, к разочарованию жизни, когда груз был с нетерпением осмотрен, оказалось, что это всего лишь масса негров-рабов, которых везли из Гвинейского залива на американские плантации через Лиссабон, куда работоторговцу пришлось зайти под давлением неблагоприятных обстоятельств. Заглядывая в трюм, Джон Гоу не догадывался, что перед ним один из главных элементов будущей истории и распри вооруженных хозяев. Возможно, ему было бы все равно.

Рабы были менее желанны, чем соленая рыба; Гоу не хотел кормить больше ни одного рта. Однако он мог пополнить свои парусные шкафчики из парусины брига, а также получить от команды мешок с часами, мелкими монетами и личными безделушками. Кроме того, банда решила, что это хороший шанс избавиться от нескольких нерентабельных пленников не слишком жестоким способом. Избавление от пиратских пленников было постоянной проблемой на протяжении всей истории этого бизнеса, потому что, вопреки распространенному представлению, очень немногие пираты могли довести себя до крайней степени свирепости в уничтожении своих жертв после того, как пушки переставали пульсировать и дым клубился над оскверненными водами. У худших из них, Тича, Ингланда, Дэвиса, Лоу, Льюиса, были свои часы раскаяния, и марунинг рассматривался не как метод жестокой пытки, а как компромисс, позволяющий убрать с дороги людей, которых нельзя было прокормить и которые не хотели работать с ними, но при этом не превратить корабль в руины. По крайней мере, это касается англоязычных пиратов; когда же вы перейдете к злодеям Ладрона, многим испанцам и китайцам, вы увидите крайний предел варварства.

Так что группа потерявших надежду моряков была переведена с *"Мести"* на работоторговец - не по просьбе работоторговца, - а затем этому судну было позволено продолжить свой гуманный путь.

Лейтенант Уильямс не мог понять, к чему вся эта забота о простых пленниках. Ему больше нравился китайский способ.

Следующим вокруг мыса в плен попало французское судно. Это была отличная находка, груженная хорошим запасом масла и вина на солидную сумму в пятьсот золотых английских фунтов. Пленен, как и все остальные, без единого удара. Собственно говоря, драка была скорее исключением, чем обычным делом, но не потому, что хозяева были трусливы, а потому, что пират, часто с помощью уловки с фальшивой окраской, доверчиво приближался до близкого расстояния, когда он внезапно ошетикивал свою линию дул, обрамляющих открытые порты, рычащим требованием денег или жизни. Как выразились бы на старом Западе, пират "набросился" на свою добычу.

Угрюмый старый шотландский капитан, все еще сокрушавшийся о том, что его "фэш" пропал, теперь встретил колесо фортуны на одном из самых причудливых его поворотов. На *"Возмездии"* было скучновато с шотландским другом, и на четвердеке возникла хитроумная идея просто поменять пленников местами, пересадив нынешних на французов, а всех французов переправить на *"Возмездие"*. Пираты почувствовали такое облегчение, что даже подарили озадаченному Скоту дополнительные паруса и несколько мелких предметов корабельной мебели, только мистер Уильямс оставил за собой право пинками спускать уходящих жертв по трапу. Уильямс был очень неприятным человеком.

Несомненно, было бы очень интересно узнать, что чувствовал шотландский шкипер, оказавшись на чужой четвердеке, в чужой каюте, перебирая чужие морские бумаги и глубоко озадаченный тем, как ему объяснить необычную ситуацию чужим владельцам.

Интересно также, что сказали французские владельцы, когда на их корабль наконец-то явился хозяин с чужим языком и поистине невероятной пряжей.

Шотландец отчалил к горизонту, размышляя о своих собственных проблемах, когда на *"Месть"* плавно опустился другой корабль, но совсем другого рода.

Французский военный корабль! Гоу окинул ее долгим, медленным взглядом.

"Тридцать две пушки, - прорычал он своему боцману, - и, судя по палубам, на борту весь французский флот!"

Внизу развевался черный флаг; в честных сердцах зарождалась молодая паника, а в каютах пленных французы едва дышали от надежды и страха.

Гоу задумчиво выбил свою трубку на капитанском мостике. За ним оставалось право выбора: остаться и сражаться или бежать, чтобы сражаться в другой день. Он приказал бежать.

"Ах ты, белобрысый трус!" - прорычал Уильямс, довольно оскалившись, - "Беги от пожирателя лягушек!"

"Ты, белобрысый трус!" - прорычал Уильямс, - "Убегай от лягушкояда!".

Это означало только одно - кто выстрелит первым? Уильямс выхватил из-за пояса пистолет и прицелился в своего капитана. Пистолет вспыхнул, зашипел и слабо затрещал на сковороде. Пистолеты в те дни были трагически ненадежны. Не успел он оправиться для нового выстрела, как его тело пронзили два шара, причем один из них был выпущен из оружия старого Патерсона.

Гоу просто скомандовал, слегка презрительно наклонив голову; старый Патерсон и еще один схватили лейтенанта для грубого и готового погребения в удобной глубине, но когда они, задыхаясь, подняли тело на высоту фальшборта, он вернулся к жизни, ударил по нему с поразительной силой, а затем бросился с пистолетом наперевес к пороховому магазину, крикнув, чтобы все спускались - или, скорее, поднимались - вместе. Не прошло и секунды с момента страшного разрушения, как несколько воинов-сталкеров навалились на отчаянного негодяя и потащили его прочь, чтобы заковать в кандалы и бросить среди заключенных, где его с любовью и нежностью будут выхаживать те, кто, как и все предыдущие пленники, терпел его мерзкие прихоти; выхаживать, то есть использовать как скамейку для сидения усталых французов и как футбольный мяч для тех, чьи сведенные судорогой конечности требовали полезных упражнений.

Каким-то образом негодяй жил - жил до тех пор, пока не был захвачен другим кораблем или, что более вероятно, просто задержан, поскольку, присвоив несколько портативных ценностей, Гоу с согласия команды *"Возмездия"* посадил лейтенанта Уильямса на борт незнакомца с резким наставлением удивленному шкиперу держать его под присмотром до первого английского военного судна, на которого он должен быть доставлен как злобный пират для набивания ярдов.

Просто потеряв дар речи от изумления, мистер Уильямс был поднят на борт.

Но он был лишь одним из многих, кому пришлось узнать, что пираты, прежде всего, любят свои маленькие шутки, особенно такие деликатные дерзости, как эта, в адрес официальных властей.

VI

После того как утих рев Уильямса, на корабле стало ужасно тихо. Чего-то не хватало, но чего именно, они не знали. Не подозревая, что мрачная шутка с отправкой Уильямса на виселицу вырвала сердце пиратского предприятия. Если *"Возмездие"* рассчитывало и дальше вести грандиозный счет, то такие парни, как Уильямс, способные выполнять черновую работу, были просто необходимы, а без него великое дело грозило скатиться к статусу простого мятежа.

Кроме того, присутствие военного корабля, сулившего сотни фунтов раскаленного свинца и лес тесаков, пробудило несчастную тревогу и взбудоражило даже вялое воображение картинами неуютных событий. Парни задумчиво разглядывали свои ногти и осознали только один непреложный факт - они должны немедленно покинуть этот край.

Стали открыто предлагать какое-то отступление, но куда именно - вот в чем была загвоздка. В этот момент Джон Гоу теряет место в первом ряду пиратов, так как показывает, что не знал тонкостей игры. Теперь он находится недалеко от того места, где Генри Эвери за несколько лет до этого угнал корабль *"Чарльз Второй"*, на котором он был помощником, и, эксплуатируя недовольную команду, оказался в обстоятельствах, очень похожих на те, что окружают Гоу сейчас. Эвери, как помнится, первым делом пришел на Мадейры, но от Гоу его отделяет то, что Эвери знал, что местное побережье - не самое выгодное место для пиратства, знал, что драгоценные Индийские острова - самое подходящее, и решительно направил свой непоколебимый флаг туда.

Минутное размышление об условиях пиратства наводит Гоу на мысль о затруднении. Основной ресурс пирата заключался в торговых грузах, и только удача подбрасывала ему корабли с сокровищами. Пирату, насколько он мог судить, приходилось вести тихую торговлю, надеясь, что придет время, когда *кведагский купец* или *гунсвей* вознаградит его за терпеливые старания. Но успешные набеги на торговые суда ставили пирата в ту же ситуацию, что и честного берегового торговца, - чтобы получить хоть какую-то прибыль, нужно было постоянно переворачивать свои запасы. Теперь в Индиях, пока пират ждал своего большого куша, система береговых "скупщиков", или покупателей краденного груза, позволяла ему продолжать бизнес. Кидд, Эвери и все остальные использовали этих людей для распоряжения своей добычей, ведь, как мы уже видели, один из этих джентльменов, Коги Коммодо, хвастался стюарду злополучного корабля бедного капитана Грина, что он был "купцом" на Малабарском побережье у выдающегося Кидда. Эти нелегальные торговцы снабжали интервентов и других конкурентов британской Ост-Индской компании, а также поставляли товары на местные рынки. Такая схема устраивала всех, кроме Джона Компани.

Но в европейских водах единственным возможным выходом для пиратов - то есть обычных торговцев - были методы, сродни контрабанде. Однако это уже было сложным и заранее подготовленным делом, и при захвате любого судна всегда оставалось сомнение в том, что его груз облагается пошлиной и, следовательно, стоит того, чтобы стать контрабандой. Контрабанда никогда не могла процветать так бессистемно.

И последнее, но достаточно хлопотное дело - более строгая охрана европейских берегов. Без этих стражей, конечно, таможня полностью бы развалилась, и пиратство, а не контрабанда, процветало бы за счет поддержания своего рода дешевого местного базара, как это делал Черная Борода в Каролинах. Отсутствие эффективного контроля позволило бостонскому мальчишке Джону Квелчу бодро путешествовать по бразильскому побережью, ведь груз, взятый в одной широте, продавался на аукционе в другой, и не требовалось никакого "заграждения", чтобы уклониться от бдительных властей.

Таким образом, *"Месть"* была отброшена от берегов Испании и Португалии из-за отсутствия рынка сбыта и, кстати, из-за полицейского патруля.

Гоу и его команда долго обсуждали этот вопрос, в результате чего было принято решение отплыть на родные Гоу Оркнейские острова - решение, которое можно отнести только на счет особой фатальности, которая, похоже, приводит к самоуничтожению злодеяний. На совещании наверняка обсуждались возможности Ост- и Вест-Индии, Мадагаскара, Африки и Красного моря, не говоря уже о рабстве на Гвинейском побережье; словом, все доступные возможности для восходящего молодого пирата, но почему среди них были выбраны тощие и туманные Оркнейские острова, где даже бедный медный пенни обрабатывался до смерти, вызывает недоумение.

Может быть, пираты иногда тосковали по дому?

Они срывали черный флаг, засовывали его в шкафчик, откуда он никогда не вынимался, чтобы развеяться на ветру зловещим предупреждением, и устраивали своей банде озадаченных французских пленников путешествие в Шотландию. Не удивительно, если эти жертвы спортивной судьбы начали, как говорится, выкручиваться.

Не "преследуя и не давая погони", они достигли северных островов, и Гоу, возможно, со сдавленным горлом и мокрыми глазами, вновь взглянул на родную землю. Когда они вошли в бухту, Гоу собрал свою стаю и велел им в розницу рассказывать любопытным жителям правдоподобную историю о том, что *"Месть"* направлялась из Кадиса в Стокгольм, "но

встречные ветры гнали их мимо Зонда, пока он не заполнился льдом, и они были вынуждены зайти, чтобы очистить свой корабль, и что они готовы заплатить деньги за те предметы, в которых они нуждаются". Разумеется, они должны были оставить в силе предположение, что являются как действительными, так и мнимыми владельцами вышеупомянутых "готовых денег".

Когда "*Месть*" вошла в бухту, в ней находилось еще одно судно, но, к облегчению Гоу, это оказался всего лишь французский контрабандист, точнее, контрабандист с острова Мэн, груженный вином и бренди из Франции, который шел на север, чтобы "уклониться от таможенных катеров". Согласно морским обычаям, Гоу обменялся с контрабандистом подарками, как и со шведским кораблем, пришедшим через пару дней. Швед и манксиец очень удивились щедрым подаркам в виде сушеного лосося и маринованной сельди, которые им почти навязала эта гостеприимная "*Месть*".

VII

Его можно было бы назвать Джемми, потому что Джемми - это честный звук, а этот Джемми был честным парнем. Как на самом деле окрестил его приходской пастор, безвозвратно затерялось в каких-то древних приходских записях, но почему-то кажется, что его должны были назвать Джемми, и мы возьмем на себя смелость предположить, что на этот раз факт и вымысел совпали.

Джемми, надо полагать, был одним из тех упрямых восьмерых, которые во время мятежа отказались предавать свой матросский долг; во всяком случае, пиратские опасности и удовольствия были ему не по зубам. Кроме того, он был вполне здравомыслящим юношей, достаточно взрослым, чтобы понять, что его компания привела его на расстояние вытянутой руки к королевской виселице. У Джемми не было аппетита к церемониям, которыми украшалось это орудие, и вот поздней весенней ночью, когда луна была темной, а момент - убедительным, Джемми бесстрастно соскользнул с кормы "*Возмездия*", не останавливаясь, чтобы получить почетную увольнительную как способный моряк, и не более чем лягушка, которая переворачивается с бревна. Накрывшись плотной брезентовой тканью, он, преодолевая круговорот прилива, плавно добрался до берега. Натягивая бриджи и чулки, он оглянулся, но все было тихо. Один маленький желтый огонек то поднимался, то опускался в водной черноте; для Джемми это был глаз злобного морского зверя, из пасти которого он вырвался на свободу. Он прислушался: ни шума весел, ни хриплого зова вдалеке, только плеск белой воды о гальку у его ног, а за спиной - голоса с берега, сладкие, разумные звуки жизни, которой, как он уже начал думать, никогда не было.

Одевшись, он направился в деревню. Посреди неосвещенной дороги язык со странным акцентом подсказал ему, что магистрата здесь нет; чтобы найти его честь, придется пробираться в Керкуолл.

А как далеко находился Керкуолл?

До Керкуолла было всего четыре лиги.

"Я должен добраться туда сегодня вечером", - сказал Джемми. "Какой путь?"

"Нихт!" - прозвучало в ответ с гулким недоумением. "К магистрату в Киркуа - ништяк? Мон, что с тобой?"

Джемми хотел, чтобы парень не говорил так громко, хотя разум подсказывал ему, что легкие медные звуки вряд ли долетят до *"Возмездия"*. Паника.

"Ты знаешь кого-нибудь, кто показал бы человеку дорогу в Керкуолл за небольшие деньги?" - спросил Джемми, воодушевившись.

Пустота не ответила. Тогда он задумчиво сказал: "Человеку с детьми потребуется немало силлеров, чтобы выйти на улицу".

"Полагаю, полгиней".

Долгая пауза.

"Да, полагаю, как ты и сказал. Кэм, парень".

Проводник Джемми ненадолго остановился у одного из коттеджей, чтобы предупредить верную жену, что будет зарабатывать честный грош, а затем они отправились в путь по тенистым лигам. Цицерон грубо пытался выяснить, какие дела у Джемми с магистратом - факт, который, возможно, не меньше, чем желанный "силлер", покупал его услуги, - но когда дневной свет и Киркуолл появились вместе, он оставил своего странного работодателя в доме магистрата со всеми своими сведениями.

"Вот уж забавный петух, который будет кукарекать у меня в гостиной по утрам", - думал магистрат, с сонной тоской наблюдая, как этот мальчишка с небритыми усами раннего юноши, осунувшимся, бледным лицом, нечесаными волосами и в поразительной симфонии старой морской одежды заставляет его отправляться в Санта-Крус, за провизией в Порте-Санта, на мыс Сент-Винсент и т. д. "Но, конечно, где-то здесь было снесено яйцо".

Он послал за мистером Ханиманом, шерифом графства, который жил между Керкуоллом и морем. После долгих раздумий, консультаций и рассуждений он отдал распоряжение констеблю и другим служителям порядка собрать народ "для помощи в привлечении этих злодеев к ответственности". Он поднял свой отряд, написав это на чистом латинском языке.

Пока эти дела происходили в Керкуолле, другие важные для Гоу события происходили на *"Возмездии"*, вернее, вне его, поскольку за дезертирством Джемми последовала настоящая лавина; десять человек, не меньше, захватили баркас и отправились на материк, где плыли вдоль берега, пока не пришли в Лейт, эдинбургский порт. Их трудное путешествие было вознаграждено заключением в тамошнюю тюрьму как подозреваемых в пиратстве. Вполне обоснованное подозрение, если таковое вообще существовало.

Когда Джон Гоу проводил очередную перепись своей команды, только двадцать восемь честных парней ответили "здесь". Хотя было очевидно, что пора перебираться на пастбища без пастбищ, Гоу решил сначала обеспечить себя за счет домашних, ограбив более богатых жителей на берегу. Со свойственной ему склонностью к причудливым шуткам, первым местом для грабежа он выбрал дом нашего мистера Ханимена, верховного шерифа.

Десять человек из команды боцмана были отряжены для этой работы и, нацепив на себя все оружие, с которым можно было бороться, ранним вечером отправились в путь.

Верховный шериф носился по стране, набирая отряд, и только миссис Ханимен со свечой в руке откликнулась на обманчивый стук в парадную дверь. Когда она увидела на ступеньках щебечущую толпу, то на мгновение подумала, что это соседи с сайта зашли по пути на бал, чтобы продемонстрировать ей свой восхитительный макияж. Или же она приняла их за часть отряда своего мужа и уже собиралась со смехом заверить их, что они совершили самую смешную ошибку на свете, когда одна из огромных бород треснула, как молодое землетрясение, и по родовым залам Хонейманов пронесся шум, покоряющий галактику.

"Извините нас, мадам, ваше величество, но мы пираты и пришли ограбить дом. Выдайте нам вещи, и проблем не будет".

Девять ходячих арсеналов с лязгом ворвались в дом, а один остался караулить у двери. Добрая жена закричала и бросилась бежать, но бежала методично, к месту, где были спрятаны семейные сокровища, и, бросив деньги в фартук, побежала обратно, минуя часового. Он полагал, что она просто спасает свою жизнь, и ничуть не винил ее, хотя это его ничуть не интересовало.

Но наверху она оставила свою самую большую ценность - прелестную дочь, только что расцветшую, как говорят романтики, в прекрасную женскую жизнь. Сон этой юной особы был прерван непонятным шумом внизу. Она встала с постели, накинула на себя что-то и выскочила на лестничную площадку. Сверху доносились незнакомые голоса, а также треск и треск, наводивший на мысль о сбежавшем зверинце. Она унаследовала от матери способность к самоанализу. Вбежав в спальню отца, схватила семейные бумаги и, крепко ухватив их, выпрыгнула из окна спальни, чтобы призрачно скрыться в темноте.

Две служанки и Сэнди, жених, спрятались на кухне. Мародеры нашли их там; они вежливо поклонились дамам, но потребовали от Сэнди, умеет ли он играть на волынке. Сэнди признался, что умеет играть на этом орудии пыток. Тогда они оттащили его за ухо и заставили трубить на корабле, а сами пошли следом, неся на спине все тарелки и белье Хонимена, завернутые в простыни, и все доброе вино Хонимена, накопленное за годы бережливости, выбивая джигу из своих грубых пяток.

Дикая ночь Сэнди, несомненно, до сих пор остается историей в поколениях Сэнди.

Взяв на борт награбленное в доме шерифа, *"Месть"* отправилась вниз по побережью, чтобы еще раз набрать "провизии". Там они предприняли бесплодную попытку, а затем причалили к острову, известному как Калф-Саунд, где находился дом мистера Феа, старого школьного товарища Джона Гоу. Пират чувствовал, что не может покинуть эти места, не сказав "до свидания" тому, кто в прошлом делил с ним березу одного доминиона. Однако, добравшись до острова, Гоу бросил якорь слишком близко к берегу, так что, когда пришло время переходить, он не смог воспользоваться попутным ветром. Вероятно, слишком много вина из погребов Ханимена.

Поэтому пиратский вождь написал мистеру Феа небольшую дружескую записку, в которой просил одолжить ему лодку, чтобы помочь снять корабль с якоря, и торжественно обещал, что услуга не будет вознаграждена никаким насилием над лодкой или слугами мистера Феа. Последняя фраза говорит о том, что Гоу знал о том, что слух о нем разнесся по всей земле.

Усатый гонец, который связался с господином Феа, не заметил лодку Феа, которая стояла на берегу вдали от посторонних глаз за скалами. Мистер Феа воспользовался недосмотром посыльного и вернул своему старому приятелю Джеку весьма расплывчатый ответ, суть

которого сводилась к тому, что мистер Феа сожалеет о своей неспособности оказать услугу. К тому времени наступил вечер, и мистер Феа приказал своим слугам спустить лодку на воду, затопить ее на мелководье, откуда ее можно было бы легко достать, и спрятать снасти.

Джок, Тэм и Дональд поспешно вытаскивали мачту, сворачивали парусину и снимали такелаж, когда услышали скрежет кия по острой гальке, из которой, пропустив тонкое облачко перед луной, бесшумно выскользнули пятеро мужчин, но не настолько тихо, чтобы не зазвенело разнообразное оружие на плечах и поясах. Трое слуг, затаив дыхание, вглядывались в скалы, отмечая движения захватчиков, которые направились прямо к дому мистера Феа. Они быстро сбросили лодочные принадлежности под ольху, опустили лодку носом в воду, где она быстро наполнилась и осела, затем повернулись и побежали к дому, куда прибыли незадолго до пиратов, которые приближались, спотыкаясь и ругаясь, в незнакомой темноте.

Мистер Феа приказал всем слугам выйти из дома, но оставаться поблизости, а если он выйдет, то один или двое из них должны были следовать за ним на незаметном расстоянии. Оставшись один, он приготовился ответить на громогласный стук в парадную дверь.

Спокойно, без паники, мистер Феа пригласил делегацию в холл. Они вошли и настороженно огляделись. Никого, кроме хозяина дома, не было видно и слышно; только горели свечи на длинных серебряных палочках, да на широком очаге дымился огонь в сырой весенней ночи.

"Здесь никого нет, друзья мои", - сказал мистер Феа. "Могу я попросить..."

"Можно", - прорычал бо'сун, стукнув прикладом мушкета по полированному полу. "Мы хотим, чтобы ваша лодка оттащила нас - мы ушли от ветра, не возражаете? Капитан говорит, дайте нам лодку, и мы покинем ваш джулри".

"Джек Гоу мог бы получить от старого школьного товарища все, что захочет, - улыбнулся мистер Феа, как человек, который в крайнем случае не прочь сам стать пиратом, - но Джек просит слишком многого, если вдуматься. Вот Джек - тоже хороший мальчик, хоть и был немного грубоват в школе - вернулся в свой старый дом только для того, чтобы прослыть пиратом; но, сказал я, когда услышал это, "Малыш Джонни Гоу - пират?" "Никогда на свете", - сказал я, и многие на Саунде могут мне в этом поспорить. Но он пират, - говорят они, и, если уж на то пошло, он плохой, мародерствующий, грабящий морской пес. Что ж, - сказал я, - можете считать, что так оно и есть, но что касается меня, то я остаюсь на стороне маленького Джонни Гоу". Но, предположим, у меня была бы лодка, и если бы я сказал Джонни Гоу: "Вот, отчаливай на этой лодке", что бы, по-вашему, со мной случилось? Да в два счета я оказался бы в тобольской тюрьме в Эдинбурге как пособник пиратов. Как люди мира, вы знаете, что с некоторыми людьми нельзя разговаривать, когда у них в голове засела какая-то идея, не так ли?"

Таким образом мистер Феа перевел напряженную минуту в другое русло. То под одним, то под другим предлогом он заманил делегацию в деревенскую таверну, где широко раскрыл свой кошелек, а они еще шире раскрыли рты, в которые потекла жидкость, по авторитетному мнению, похищающая мозги. Пираты размякли, стали хлопать господина Феа по плечу и постоянно подливать ему в кружки. Вдруг их хозяин, такой приятный, гостеприимный и, хотя они этого не понимали, трезвый, на секунду оправдался и, выйдя, быстро позвал Тэма и Дональда и велел им бежать на пляж и уничтожить пиратскую лодку. После этого они должны были вернуться в таверну и прислать какое-нибудь случайное слово, которое дало бы ему повод покинуть компанию во второй раз.

Когда господин Феа снова вошел в зал, зритель и его жена встретили его с поднятыми руками и лицами, выражающими молчаливую растерянность. Он ободряюще улыбнулся, толкнул дверь, и изнутри донесся громогласный рев странных морских песен, сопровождаемый звоном тесаков в такт голосам. Очень хладнокровно он занял место председателя пирушки, где руководил все возрастающим бурлением крепкого шотландского виски, сменяемого хриплым контрабандным французским бренди, пока, к его явной досаде, его снова не прервал оклик снаружи.

Тэм и Дональд справились со своей задачей. Отведя их в сторону от желтого квадрата света, льющегося из шумного трактира, мистер Феа велел им собрать шесть человек, хорошо вооруженных, разместить их за изгородью и тщательно запомнить одно из двух: если мистер Феа придет из таверны в сопровождении только боцмана, засада должна захватить боцмана; если же он придет со всей командой, то пройдет немного впереди компании, по которой наблюдатели должны будут открыть огонь.

После долгого ожидания дверь таверны открылась, и на порог вышел мистер Феа, а с ним только боцман. Боцман хотел самым дружеским образом взять хозяина за руку, но мистер Феа ловко высвободился: в его планы не входило, чтобы его так обнимали. Не найдя применения своей отвергнутой руке, боцман решил носить в каждой руке по пистолету, заметив, что, в конце концов, это его лучшие друзья. Мистеру Феа показалось, что он очень неосторожно размахивает оружием, жестикулируя и подкрепляя свой энергичный разговор.

На одном из темных участков дороги, обнесенном живой изгородью, боцман как раз указывал, очень свободно жестикулируя, как отразить врага у своих фальшбортов, когда что-то - вероятно, небесный метеор - внезапно ударило его сзади, и он упал на спину, пистолеты выскочили из рук, а метеор, или что это было, ткнулся платком гораздо дальше в его горло, чем он считал нужным для предотвращения речи. Прежде чем туман в его мозгу успел рассеяться, его связали по рукам и ногам, пока он не стал инертным, как египетская мумия.

Нападавшие оставили одного человека охранять их первую жертву и вернулись в таверну, чтобы приступить к главному делу. В комнате, где люди Гоу устраивали свою маленькую вечеринку, было две двери, у каждой из которых мистер Феа поставил группу людей, которые, сигналу, ворвались с двух сторон и накрыли пиратов своими мушкетами, прежде чем осажденные успели выхватить кортики или поднять тесаки.

Теперь у закона и порядка было пять человек из двадцати восьми, но, к нашему разочарованию, запись заканчивается так:

"В конце концов, путем равного напряжения мужества и хитрости, мистер Феа захватил этих опасных людей, числом двадцать восемь, не убив и не ранив ни одного человека, и только с помощью нескольких соотечественников".

Среди пленников был и старый школьный товарищ Джон Гоу.

К счастью, на каждого Гоу найдется свой Феа.

Корабль "*Месть*" был захвачен правительством, а пираты отправлены в Эдинбург под охраной военных, которые прибыли в Калф-Саунд с этой целью. В Эдинбурге их посадили на борт фрегата "*Грейхаунд*", который доставил их в Лондон и в адмиралтейский суд, который ждал их там, чтобы судить.

Пятеро из них были признаны королевскими свидетелями, а остальные были приведены в исполнение. По старому закону, прежде чем начать судебное разбирательство, необходимо было признать вину или невиновность заключенного. В наши дни, если обвиняемый отказывается заявить о своей невиновности, но, как говорится, стоит немой, судья распоряжается, чтобы за него было внесено заявление о невиновности, и процесс продолжается. Это простое средство решения проблемы не пришло в голову нашим предкам, поэтому они постановили, что если заключенный немой, то он должен находиться под прессом до тех пор, пока либо не признает себя виновным, либо не умрет. В последнем случае он не считался судимым, а если не был судим, то все имущество, которое он мог оставить, не могло быть конфисковано. В истории известны случаи, когда неординарные личности выдерживали эти ужасные мучения до конца и таким образом сохраняли свое имущество для наследников, которые, надо полагать, никогда не смогут быть достаточно благодарны.

Джон Гоу предпочел пройти через это испытание, а не быть осужденным как преступник, поскольку у него были родственники, которым он хотел бы наследовать свои незаконно нажитые средства, а не королю Георгу. Приготовления к преследованию напугали его. Процесс заключался в том, что приговоренного к прессованию растягивали на спине и постепенно опускали на его грудь несколько гирь, пока он не выкрикнет свою просьбу или не погибнет. Пресный двор старой Ньюгейтской тюрьмы указывает на место, где проводились такие прессования.

Нервы Гоу сдали, и он умолял дать ему возможность заявить о своей вине, что и было ему милостиво разрешено.

Он и еще шесть человек - предположительно, включая старого Патерсона - были признаны виновными и приговорены к смертной казни, но остальные, показав, что их действия были совершены под принуждением, были оправданы.

"Они пострадали, - говорит старый историк, - в Казни-Док, 11 августа 1729 года". Друзья Гоу, желая избавить его от боли, с такой силой дернули его за ноги, что веревка оборвалась, и он упал, после чего его снова подняли на виселицу, а когда он умер, его повесили в цепях на берегу Темзы".

Когда рядовой, или тюремный священник, ехал обратно в Ньюгейт в пустой повозке из Казненного дока, в его голове постоянно звучала строка из девяносто второго псалма. "Все делатели зла будут истреблены".

Примечания транскриптора

Очевидные опечатки исправлены.

Разговорная орфография в диалоге сохранена как в оригинале.

Несоответствия в дефисном написании и сложных словах сохранены в печатном виде.